

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2022

Том 13
Vol.

№ 3

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2022

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2022
Том 13
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2022.
147 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Дмитрий Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртулов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плуменян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. №21-р, а также в список журналов, индексируемых в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 05.08.2022 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2022
Vol. 13
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2022.
147 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics – Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	6
БИОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКА	
<i>Кравченко А. В.</i> Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии)	7
<i>Чебанов С. В.</i> Кто тот, кто использует человеческий язык? (К статье А. В. Кравченко «Язык и природа человечности»)	25
<i>Кошелев А. Д.</i> О функциональном определении концептов и языковых значений в русле воплощенного/укорененного (embodied/grounded) подхода	45
<i>Проскурин С. Г., Проскурина А. В.</i> О формах манифестации магической функции языка	68
ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА	
<i>Вострикова Е. В., Куслий П. С.</i> Сообщения о дизъюнктивных пропозициональных установках <i>de re</i>	83
РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ЗА РУБЕЖОМ	
<i>Ovchinnikova I.</i> Cultural discrepancy within Russian-speaking community in Israel	102
НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	
<i>Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.</i> Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггерса «Сфера»)	124

CONTENTS

<i>From the editor</i>	6
BIOLOGICAL AND COGNITIVE FOUNDATIONS OF LANGUAGE	
<i>Kravchenko A. V.</i> Language and the nature of humanness. Invitation to a discussion.....	7
<i>Chebanov S. V.</i> Who is the one who uses the human language? On Alexander Kravchenko's article "Language and the Nature of Humanity")	25
<i>Koshelev A. D.</i> On the functional definition of concepts and linguistic meanings: the embodied/grounded approach.....	45
<i>Proskurin S. G., Proskurina A. V.</i> On the forms of manifestation of the magical function of language	68
LOGIC AND THE PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF LANGUAGE	
<i>Vostrikova E. V., Kusliy P. S.</i> De re attitude reports about disjunctive attitudes.....	83
THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE ABROAD	
<i>Ovchinnikova I.</i> Cultural discrepancy within the Russian-speaking community in Israel.....	102
LITERATURE AND LITERARY STUDIES	
<i>Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu.</i> Metamodernism in contemporary literature (On Dave Eggers' novel "The CIRCLE")	124

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом номере мы публикуем статьи, посвященные актуальным проблемам лингвистики, философии и литературоведения. Все они носят трансдисциплинарный характер и посвящены вопросам, ввиду своей новизны или сложности все еще находящимся в стадии обсуждения или даже острой полемики. Редакция следует своему принципу предоставлять трибуну для выражения различных точек зрения, если они удовлетворяют требованиям научной дискуссии. В номере основная дискуссия сосредоточена вокруг когнитивных и биологических основ языка; их уяснение, как мы надеемся, позволит стимулировать новые подходы к фундаментальным проблемам языка и мышления. Остальные статьи также посвящены обсуждению проблем, предполагающих неоднозначные решения, — это продолжение начатого в предыдущем номере обсуждения лингвистических характеристик высказываний *de dicto* и *de re*, рассмотрение новых тенденций в современной литературе, а также обращение к одной из кардинальных тем нашего журнала — функционированию русского языка в изменяющемся мире.

УДК 81-13

ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11
Поступила в редакцию 10.11.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

Статья предлагает задуматься над тем, что мешает дальнейшему развитию науки о языке вследствие неадекватности общей методологии в исследованиях языка, эпистемологическую основу которой составляет дуалистичная философия объективного реализма. Приводятся доводы о необходимости перехода к новой, конструктивистской эпистемологии, способной вывести науку о языке из кризиса, придав импульс ее развитию. Для этого необходимо отказаться от традиционного взгляда на язык как объект, используемый в инструментальной функции, для выражения и передачи мыслей, применив системный подход к языковому семиозису как биологической адаптации, лежащей в основе организации человека как живой системы — и на уровне индивида, и на уровне общества. Когнитивная динамика человека как живой системы — это адаптивное интерактивное поведение в реляционной области языковых взаимодействий, образующих уникальную экологическую нишу человека как части системы «организм-среда». Именно в этой нише формируется и развивается человеческий интеллект как разумная способность: наша человечность покоится в языке как создающем начале мира, в котором мы существуем как языковые организмы.

Ключевые слова: дуализм, реализм, конструктивизм, языковой семиозис, живая система, познание, экологическая ниша, интеллект

1. Введение

Научный прогресс предполагает динамичный процесс развития научной дисциплины, проходящий определенные этапы: ДОПАРАДИГМАЛЬНЫЙ (предшествующий установлению парадигмы), ГОСПОДСТВА ПАРАДИГМЫ (так называемая нормальная наука), КРИЗИСА НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ и, наконец, НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (смена парадигмы, формирование новой парадигмы) (Kuhn, 1962). Научная парадигма задает модель, по которой учеными формулируются проблемы и предлагаются способы их решения. В первую очередь определяются объект исследования, подлежащий наблюдению и изучению, и те вопросы, на которые исследование должно дать ответы, тем самым накапливая научное знание.

Научное знание – это знание, основанное на общности установок, характеризующих «нормальную науку» как исследование, опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений. Общность используемых исследователями установок составляет научную парадигму «нормальной науки», а «нормальная наука» часто подавляет новшества. Достаточно вспомнить, с каким трудом коперниковская модель мироздания вытесняла птолемеевскую модель или как в свое время поднималась на смех сама идея о том, что аппараты тяжелее воздуха способны летать. Очень важно помнить, что «нормальная наука» опирается именно на прошлые достижения, и языкознание, давно став заложником традиции, здесь не исключение (Кравченко, 2009; 2013а). Как отмечал А. Е. Кибрик, «история развития лингвистической теории свидетельствует, что ее носители преимущественно существуют в мире заблуждений, и трудно сказать, чего больше в исследовательском процессе: формирования новых обобщений о свойствах объекта или разоблачения квазиистинных утверждений» (2005, с. 37).

Тот факт, что когнитивная наука главного направления (так называемого мейнстрима) вообще и когнитивная лингвистика в частности находятся в рационалистическом плену картезианского дуализма (Damasio, 1994), препятствует формированию по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида *Homo sapiens*. Такое понимание, знаменующее начало смены научной парадигмы в области гуманитарного знания, характерно для новой эпистемологии, интегрирующей идеи биологии познания и языка (Maturana, 1970; 1978), энактивизма (Varela, Thompson, Rosch, 1991; Stewart, Gapenne, Di Paolo, 2011) и радикального конструктивизма (Foerster, 1972; Glaserfeld, 1995). В рамках этой эпистемологии научное изучение языка необходимо начинать с ответа на вопрос о том, что такое языковой семиозис с точки зрения биологической организации человека как живой (когнитивной) системы.

Два десятилетия назад я поставил вопрос о методологической целесообразности новой эпистемологии в когнитивных исследованиях языка (Кравченко, 2001) и в дальнейшем не раз возвращался к нему в попытках привлечь внимание научной общественности к клубку противоречий, пронизывающих исходные познавательные установки когнитивной лингвистики как части когнитивного проекта в целом (Кравченко, 2006; 2008; 2009а; 2011; Кравченко, 2007; 2013б; 2013в; 2015а; 2015б; 2016; 2021). Понимая, что сила инерции в науке, особенно гуманитарной, велика и нужно время, чтобы привычный (традиционный) способ мышления в исследовании феномена человечности уступил место новому, более адекватному взгляду на природу языка и других когнитивных способностей вида *Homo sapiens*, я не оставляю надежды пробудить у коллег интерес к критическому обсуждению и переосмыслению теоретического багажа, накопленного наукой о языке, с целью придать ей новый импульс и помочь выйти из того состояния глубокого кризиса, в котором языкознание пребывает уже длительное время (Кошелев, 2013). Ниже в кратком виде приводятся соображения о том,

где, на мой взгляд, кроются корни эпистемологической неадекватности общепринятых воззрений на язык, познание и сознание. Эти соображения можно рассматривать как приглашение к дискуссии о путях дальнейшего развития не только науки о языке, но и гуманитарных наук в целом.

2. «Родимое пятно» дуализма

Находясь под сильным влиянием предложенного Соссюром (Saussure, 1916) понятия языкового знака как немотивированного, конвенционального двустороннего единства материальной формы и идеального содержания, европейская семиотика как наука о процессах, в которых участвуют знаки (или наука о семиозисе), традиционно фокусировала внимание на проблеме значения, передаваемого в коммуникации знаками — наличествующими в текущем восприятии объектами, качествами или событиями как индикаторами чего-то, что может отсутствовать и быть недоступным восприятию. Для Соссюра и его последователей язык был парадигмальным образцом знаков, организованных в систему и используемых для передачи значений в коммуникации — неудивительно, что за прошедшее столетие утвердился взгляд на языковые знаки как главным образом интенциональные продукты разумных организмов (людей) или артефакты, функция которых заключается в репрезентации фрагментов действительности. Будучи репрезентированы посредством знаков, эти фрагменты становятся «информацией» о действительности («объективном мире»), которой люди обмениваются в процессе коммуникации.

Рассматриваемая под таким углом зрения, структуралистская семиология продолжает идущую от Декарта дуалистическую традицию, заключающуюся в противопоставлении человека как интенционального субъекта, выделяемого из окружающего его мира, самому этому миру, который тем самым превращается в независимый мир объектов, вещей и событий, включая и сам язык как средство коммуникации. Язык становится частью «объективной действительности», а лингвисты продолжают искать критерии, по которым можно было бы определить значение различных типов слов, тоже находящихся «где-то там». Такой взгляд характерен для философского реализма, основанного на вере в то, что объекты существуют в действительности независимо от того, что мы, интенциональные субъекты, думаем о них, а также в то, что задача «настоящей» науки состоит в изучении этих «объектов» и раскрытии универсальных истин о независимо существующем мире, которые затем «выражаются» в языке (см. остроумную критику понимаемой таким образом науки в статье (Cooke, 2016)).

Многочисленные разновидности реализма объединяет идея о том, что «реальная действительность» (имеющееся положение вещей в мире объектов) существует независимо от наблюдателя с его верованиями, языковыми привычками, концептуальными схемами и т. п., то есть что она не является плодом воображения или предположения (Button,

2013). Другими словами, объективные реалисты прибегают к способу рассуждения «с точки зрения Бога» (Putnam, 1981, с. 49). Например, наивный реализм основан на убеждении, что наши органы чувств позволяют нам напрямую знать о существовании объектов как они есть и что свойства этих объектов не зависят от того, являются они объектами наблюдения или нет. При таком подходе все то, что мы знаем об объектах в мире и их свойствах, также предстает как независящее от субъекта познания.

В противоположность реалистам радикальные конструктивисты исходят из того, что знание не дается нам через восприятие посредством органов чувств. Скорее, оно конструируется в ходе языковых взаимодействий между людьми как структурно детерминированными организмами² в консенсуальной области: «То, что мы обычно называем “действительностью”, представляет собой не имеющий конца результат консенсуальных процессов, зависящих от наблюдателя» (Kennu, 1997, p. 111; перевод мой. — А. К.). Эти консенсуальные процессы определяют социальный характер и ориентирующую природу языка как координации координаций поведения, которое зависит от предоставляемых средой возможностей в виде описаний, производимых нами в языке: языковое поведение как часть динамической системы «организм-среда», налагает ограничения на наше интерактивное поведение как когнитивных систем в консенсуальной области.

Реалисты, взявшие на вооружение кодовую модель языка (Kravchenko, 2007), могут утверждать, что индивидам свойственна «автономность в целенаправленном конструировании собственных личных значений по своему усмотрению» (Cariani, 2020, p. 158; перевод мой. — А. К.) — и это как раз то, что делал Шалтай-Болтай в своем известном споре с Алисой: «Когда я использую слово... оно означает именно то, что я выбрал для его значения — ни больше, ни меньше». Однако использование философии языка в духе Шалтая-Болтая не может служить руководящим принципом в научных исследованиях. Если бы этот принцип стал применяться в социальных взаимодействиях, определяющих человеческую практику, произносимые людьми в их диалогических взаимодействиях слова утратили бы способность налагать определенные ограничения на наше координированное поведение как живых систем, поддерживая неразрывную связь между языком и жизнью человека, существующего в языке (Di Paolo, Cuffari, De Jaegher, 2018). Именно потому, что такая философия языка прочно вошла в практику многих гуманитарных (в отличие от естественных) наук, им часто отказывают в статусе настоящих наук, и лингвистика в этом смысле не является исключе-

² Структурно детерминированная система — это система, «в которой и с которой все, что происходит, есть следствие ее структурной динамики, и в которой ничто, являющееся внешним по отношению к ней, не может специфицировать происходящие в ней процессы, но может только провоцировать изменения в ее структуре, детерминированные ее структурой» (Maturana, 2000, p. 461; перевод мой. — А. К.).

нием: «Несмотря на всю техническую терминологию, лингвистика — не наука. Остается сожалеть, что сама дисциплина не имеет другого названия» (Finch, 2003, p. 1; перевод мой. — А. К.).

3. Язык и разум

Реалисты подходят к свойству разумности (сознанию) как к данности, определяющей человека в качестве биологического вида, чего-то предопределенного биологически, на генетическом уровне (Pinker, 1995). Такой подход является неизбежным следствием инструменталистского взгляда на язык как «средство для упаковки мыслей» (Evans, 2015, с. 3), порождая проблему соотношения языка и сознания (Kravchenko, 2009б), которую когнитивная наука мейнстрима решить не в состоянии. Как показывают многочисленные примеры так называемых диких детей, подробно описанные в литературе (см., напр., (Curtiss, 1977)), наша способность становиться разумными существами в полном смысле этого слова не столько предопределена, сколько представляет собой потенциальную предрасположенность: исключение ребенка из языковой среды на раннем этапе развития на длительный срок, включая «критический возраст» полового созревания, приводит к тому, что даже при возвращении в человеческое общество такой ребенок не способен стать его полностью функциональным членом, не достигая необходимого для этого уровня интеллектуального развития. Естественно, возникает вопрос о том, почему этого не происходит, если разумность является врожденным свойством, и какую роль языковая среда играет в когнитивном развитии человека.

Эту роль хорошо понимал М. Хайдеггер, назвавший язык «домом нашего бытия». Однако это тот дом, за пределы которого мы не можем выйти, даже если бы захотели. Язык интерпретативно конечен — нет ничего, кроме языка, с помощью чего мы могли бы говорить о языке: его невозможно рассматривать, обсуждать или анализировать из пункта наблюдения, находящегося вне пределов самого языка (Love, 2007). Другими словами, мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах «объективной реальности» и, соответственно, о «модусах реальности», представленных в высказывании или тексте (Глазков, 2018). Чтобы вырваться из этой ловушки, необходимо совершить концептуальный прыжок от «независящей от наблюдателя действительности» к «зависящей от наблюдателя действительности» (Maturana, 1985, p. 311). Мы конструируем «объективную реальность» в когнитивной области языка как интерактивного поведения, являющегося описанием наших взаимодействий с миром, не осознавая при этом, что «реальность, понимаемая как вселенная, состоящая из независимых сущностей, о которых мы можем вести речь, — это по необходимости фикция, принадлежащая чисто *описательной* области, и что фактически понятие реальности мы должны применять по отношению именно к

этой области *описаний*, в которой мы как *описывающая* система взаимодействуем с нашими описаниями, как если бы они были независимыми сущностями» (Maturana, 1970, p. 24; перевод Е. А. Мешанина).

Человеческая разумная способность не является неким качеством, присущим мозгу: нервная система расширяет когнитивную область живой системы, делая возможными взаимодействия с «чистыми отношениями», но она не порождает когниции (Maturana, 1970). В нервной системе нет такой вещи, как «сознание», а «самосознание суть образ жизни с другими в реляционной области, образуемой языковой деятельностью, и как таковое возникает при участии нервной системы, вовлеченной в порождение поведенческой реляционной динамики организма-среды» (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995, p. 15; перевод мой. — А. К.). От когниции других животных человеческую когницию отличает наша языковая способность, или способность к абстракции первого порядка, — принятию в расчет при своих адаптивных взаимодействиях со средой и другими людьми того, что не дано в непосредственном восприятии; именно эту связь языка с восприятием подчеркивал в свое время Ч. Моррис (Morris, 1938). Операции над абстракциями первого порядка создают биологическую (нейрофизиологическую) основу для абстрактного мышления как взаимодействий с «чистыми отношениями». Эта способность радикальным образом усиливается с появлением письма как операций над абстракциями второго порядка: данная в восприятии графическая репрезентация слова должна быть соотнесена с отсутствующим в текущем восприятии «живым» словом как знаком, указывающим, благодаря имеющемуся у читателя опыту говорящего-наблюдателя, на нечто, отсутствующее в потенциальной ситуации диалогического взаимодействия.

Овладение навыками чтения, а затем и письма — важный шаг в когнитивном развитии индивида. По мере своего формирования и устойчивого закрепления эти навыки позволяют человеческой памяти избавляться от непомерного когнитивного груза, вызванного необходимостью поддерживать в состоянии постоянной активности обеспечивающие ее нейронные ансамбли. Этот груз человек «сбрасывает» на материальные артефакты, с которыми в дальнейшем может взаимодействовать его собственное когнитивное «Я». Благодаря таким взаимодействиям, представляющим собой новое средство конструирования мыслительных процессов, когнитивные способности человека радикально преобразуются. Письмо перестает быть просто инструментом для мысли (Nickerson, Perkins, Smith, 1985), оно становится *способом мышления* (Menary, 2007). Когнитивная динамика чтения и письма преобразует язык как когнитивную область взаимодействий; в результате возникает новый способ мышления, основанный на опыте интерпретации письменных знаков как абстрактных символов. Абстрактное мышление и манипулирование символами специфицируют человеческую культуру как реляционную область, которой нет у других животных, неспособных к языковому семиозису.

Отождествление функции языка — интерактивного диалогического поведения в консенсуальной области — с коммуникацией ведет к тому, что язык начинает рассматриваться как коммуникация, а коммуникация — как язык. Как только это происходит и именно потому, что коммуникация как интерактивное поведение не является исключительно человеческой способностью, в окололингвистическом научном дискурсе появляется и начинает циркулировать понятие «язык животных» и утверждается «языковая метафора жизни» (Cowley, Markoš, 2019). Приверженцы этой метафоры видят связь между языком-как-коммуникацией и жизнью вообще и говорят о возможности изучения межвидового участия в такой коммуникации в частности (например, общение с помощью языка между человеком и шимпанзе, человеком и собакой и т. п.). Другими словами, в определенных (и отнюдь не малочисленных) научных кругах бытует мнение, что человек — не единственный биологический вид, оперирующий символами.

Как уже было сказано, я не ставлю под сомнение неразрывность связи между человеческой жизнью и языком. Напротив, я рассматриваю язык как биологически функциональное поведение, уникальным образом характеризующее экологическую нишу³ человека, этим поведением образуемую (Kravchenko, 2016). Как подчеркивал в свое время В. Вернадский, «человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. Однако даже ученые-натуралисты в наше время, противопоставляя человека и живой организм вообще среде их жизни, очень нередко этого не учитывают. Но неразрывность живого организма с окружающей средой не может сейчас возбуждать сомнений у современного натуралиста» (Вернадский, 1989, с. 180). Вместе с тем я отношусь крайне скептически к разговорам о возможности участия в языковых взаимодействиях представителей разных биологических видов и, соответственно, к разговорам о каких бы то ни было гипотетических последствиях такой возможности.

Существует обширная литература, в которой описываются эксперименты по выявлению у различных видов животных когнитивных способностей, сопоставимых с когнитивными способностями человека. Широкую известность получили исследования, проводившиеся с карликовым шимпанзе по имени Канзи (Savage-Rumbaugh, Lewin, 1994), серым попугаем по имени Алекс (Pepperberg, 2002), бордер-колли по имени Чейзер (Pillely, Hinzmann, 2013) и др., которые в результате длительных тренировок научались «понимать» работавших с ними исследователей, а в случае с Алексом даже «говорить». Это позволяет некоторым ученым утверждать, что мозг животного способен мыслить символами (то есть абстрактно) и пользоваться языком — при условии, что с раннего возраста им уделяют много внимания, как это делают родители в отношении своих детей (Cariani, 2020).

Однако успехи этих и других должным образом натренированных животных в общении с людьми вряд ли можно всерьез рассматривать

³ Под «нишей» в данном случае подразумевается не столько где живет человек говорящий, *Homo loquens*, сколько как он живет, то есть речь идет о способе его существования (Gibson, 1979).

как свидетельство человекоподобных умственных способностей. Безусловно, это высокоорганизованные животные, обнаруживающие системную когницию высокого уровня, но, хотя у них довольно развитый мозг, они не могут говорить: они лишены дара речи. Сама же идея, что другие виды животных, помимо человека, способны к абстрактному мышлению, уходит своими корнями в распространенное мнение, поддерживаемое когнитивной наукой мейнстрима, что сознание и язык — это отдельные феномены, явления, так сказать, разного порядка. Это заблуждение проистекает из нежелания или неспособности применить системный подход к языку как биологическому адаптивному механизму, этому решающему фактору в развитии нашего вида как в фило-, так и в онтогенезе: «Случайности эволюции, приведшие человека к созданию разговорного языка... являются человекоспецифичными» (Maturana, 1978, p. 13; перевод мой. — А. К.). Языковой семиозис, лежащий в основании языка как видоспецифичного поведения человека — это тот биологический фундамент, на котором зиждется наша человечность в мире живого. Мы — языковые организмы (Jennings, Thompson, 2012), и мы становимся языковыми существами и живем в этом качестве в реляционной области языковых взаимодействий с другими и с самим собой. Реляционная область языка — это то, что отличает системное (когнитивное) поведение человеческого общества как живой системы от других живых систем (Bunnell, 2020). Язык делает нас экологически особенными (Ross, 2007).

При системном подходе язык в обоих своих измерениях — как кооперативная адаптивная деятельность (диалогическая речь) и как эволюционный артефакт (письмо) — предстает биосоциокультурной средой, решающим образом определяющей развитие человека. Поскольку человек — социальное существо, когнитивное развитие индивида невозможно вне общества как живой системы более высокого порядка, а единство этой системы поддерживается языковыми взаимодействиями между отдельными особями как компонентами этой системы; эти взаимодействия интегрированы в когнитивные процессы, протекающие в отдельных организмах (Schilhab, 2015). Образуя реляционную область, в которой индивиды и общество развиваются как когнитивные системы, языковые взаимодействия в экспериенциально различных областях речи и письма (Kravchenko, 2009в) становятся той главной чертой, которая определяет человека говорящего как совершенно особый биологический вид (Fry, 1977). Системный подход к человеку как живому организму основан на понимании того, что язык — это биологически, социально и экологически регулируемое интерактивное поведение как способ существования, эволюционно обуславливающий появление и развитие человеческого интеллекта.

4. Человек и мир

В рамках биологического подхода к когниции человеческое общество представляет собой живую систему третьего порядка; эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка

(Kravchenko, 2014), которые развиваются и существуют в когнитивной области языка — конструируемой ими самими нише (Sinha, 2015). Развитие и существование обоих видов систем взаимно детерминируется в реляционной (семиотической) области координаций интерактивного поведения — языковых взаимодействий, а «эволюция живых систем — это эволюция ниш единств взаимодействий, определяемых самореферентной круговой организацией этих единств, следовательно, это эволюция когнитивных областей» (Maturana, 1970, p. 4; перевод Ю.Е. Мешанина). Именно в этой области мы эволюционируем как наблюдатели, способные проводить в языке различия между наблюдаемым, нишей и окружающей средой, конструируя то, что мы называем «миром».

Чтобы понять мир, необходимо понять языковой семиозис как биологически функциональный процесс — ведь именно благодаря ему мы представляем собой уникальный биологический вид, *Homo sapiens*. Это невозможно сделать в рамках традиционной сосюрговской семиологии, но становится возможным, если интегрировать научную семиотику Ч. Пирса с биологией языка У. Матураны и эпистемологией радикального конструктивизма. Такая интеграция открывает путь к синтезу идей из разных научных областей, связанных с исследованием природы и функции языка как способности, характеризующей человека как живую систему. А концептуальный синтез — это как раз то, чего так не хватает гуманитарным наукам, находящимся под гипнозом аналитической философии. Для этой философии характерен подход к изучению естественного языка, основанный на разработке сложных процедур анализа в терминах формальной логики и математики, применяемых к языковым формам как средствам выражения различных типов значения, равно как и к условиям, необходимым и достаточным для того, чтобы языковые выражения о чем-то были истинными или ложными. Цель аналитической философии — обнаружить то, что является «истинным», а не дать полезный рецепт того, как прожить свою собственную жизнь (Soames, 2003).

Природу языка как жизненной деятельности человека нельзя понять, используя формальный подход, поскольку при таком подходе не принимаются в расчет экологические, экспериенциальные, поведенческие, перцептуальные и когнитивные измерения интерактивного поведения человека (Raimondi, 2019). Упуская из виду тот факт, что люди относятся к определенному биологическому виду и что отличающие их от других видов характерные особенности необходимо объяснять с точки зрения биологии как «матери всего многообразия» (Givón, 2009), лингвисты-реалисты продолжают изобретать, разрабатывать и предлагать новые теории языка как более близкие к «истине», чем уже существующие теории. Однако смысл жизни состоит не в том, чтобы выяснить, является нечто истинным или ложным, особенно учитывая тот факт, что понятие истины (в корреспондентной теории истины) как того, что соответствует факту или действительности, — как и всякое другое понятие, включая и само понятие «понятие», — представляет собой продукт интерпретации наблюдателем собственного переживаемого

мого опыта в языке как семиотической деятельности, образующей когнитивную нишу человека. И сам процесс языкового семиозиса, и языковые знаки как проявления этого процесса непрерывно порождают, поддерживают и усложняют специфическую нишу, которую формируют и занимают человеческие организмы. Эту нишу можно рассматривать как набор аффордансов (Gibson, 1979) – возможностей, предоставляемых человеку реляционной областью языковых взаимодействий как той динамичной средой, в которой человек действует значимо для себя и других. В зависимости от того, какой ориентирующий эффект эти возможности оказывают на способность живой системы поддерживать свою целостность как единства взаимодействий, они приобретают ценность, которая может быть положительной, нейтральной или отрицательной. Эти ценности, в свою очередь, начинают выступать в роли ограничений, налагаемых на когнитивную динамику человеческого организма в его возможных взаимодействиях с собой и другими в реляционной области языка. Так языковые паттерны (вокализации) и модели языкового поведения становятся ценностными ориентирами, задавая экзистенциальные векторы в когнитивном развитии человека и общества.

В то время как семиозис лежит в основании жизни в целом (Kull, 2007), языковой семиозис – это то, что находится в основании человечности (Kravchenko, 2020b; 2021). Невозможно понять природу человеческой когниции вне и без языкового семиозиса как эволюционного источника разумности. Понимание этого чрезвычайно важно не только для междисциплинарного проекта когнитивной науки, но и для широкого спектра устоявшихся областей институционализированной общественной практики, в первую очередь образования.

Катастрофическая ситуация, которая сегодня сложилась в образовании в развитых странах (Kravchenko, Raupena, 2017), во многом вызвана тем, что общество (а точнее, та его часть, которая профессионально занимается изучением различных аспектов феномена человека, то есть академическое сообщество гуманитариев) никак не может уйти от кодовой модели языка и философского дуализма в попытках ответить на главные эпистемологические вопросы: что такое знание, что такое познание (когниция) и что такое человек познающий (*Homo cogitans*). Из поколения в поколение передается искаженный взгляд на природу языка и его роль в эволюционном развитии человека; в результате игнорируется неразрывная связь между языком и жизнью – как на уровне индивида, так и на уровне общества, что приводит ко многим негативным последствиям не только локального, но и глобального характера. Это происходит потому, что, будучи экологически особенным, человек оказывается не готовым признать свою ответственность за благополучие мира живого в целом (Kravchenko, 2019).

Противопоставление человека (как субъекта познания) миру (как не зависящему от человека объекту познания) порождает потребительское отношение к миру, в котором все со всем взаимосвязано. В неумном стремлении приспособить мир под свои сиюминутные нужды, изменяя

и преобразая его множеством изобретательных способов, человек не хочет задуматься над тем, какие обязательства перед миром накладывает на него статус «царя природы», равно как и над тем, благодаря чему он оказался на этом «троне». Человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо осознать, что делают люди и почему они это делают как живые системы (Mitchell, 2017, р. 6), являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса, потому что *в начале было Слово*.

Список литературы

- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
- Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. №3-2. С. 315—332.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3—22.
- Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, №5. С. 3—13.
- Кравченко А.В. Проблема метода в когнитивной науке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 28—35.
- Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. ст. в честь Е.С. Кубряковой / отв. ред. Н.К. Рябцева. М., 2009. С. 51—65.
- Кравченко А.В. К обоснованию идеального проекта лингвистики: интеграция языка, семиотики и биологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012: сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2013а. С. 285—294.
- Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013б. № 1. С. 55—63.
- Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М., 2013в.
- Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014: сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2015а. С. 697—709.
- Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика : сб. ст. / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015б. С. 155—172.
- Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14—26.
- Кравченко А.В. Язык и экология человека: от картезианской лингвистики к эколлингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 20—31.

Kravchenko A. V. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму (Новая повестка дня в языкознании). М., 2021.

Bunnell P. Reflections on languaging // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15, № 2. P. 152–155.

Button T. The limits of realism. Oxford, 2013.

Cariani P. In defense of biosemiotics // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15, № 2. P. 155–158.

Cooke M. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth // J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel, K.-H. Spitzl (eds.). (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft. Berlin, 2016. P. 59–76.

Cowley S. J., Markoš A. Evolution, lineages and human language // *Language Sciences*. 2019. Vol. 71. P. 8–18.

Curtiss S. Genie: A psycholinguistic study of a modern-day «wild child». N. Y., 1977.

Damasio A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. N. Y., 1994.

Di Paolo E. A., Cuffari E. C., De Jaegher H. Linguistic bodies: The continuity between life and language. Cambridge, MA, 2018.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge, 2015.

Finch G. How to study linguistics: A guide to understanding language. 2nd ed. Basingstoke, 2003.

Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). Urbana, 1972.

Fry D. Homo loquens: Man as a talking animal. Cambridge, 1977.

Gibson J. The ecological approach to visual perception. Boston, MA, 1979.

Givón T. The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam, Philadelphia John Benjamins, 2009.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. L., 1995.

Jennings R. E., Thompson J. J. The biological centrality of talk // A. V. Kravchenko (ed.). Cognitive dynamics in linguistic interactions. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 33–63.

Kenny V. Constructivism – everybody has won and all must have prizes! // *Transactional Analysis Journal*. 1997. Vol. 27, № 2. P. 110–117.

Kravchenko A. V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps // *Language Sciences*. 2006. Vol. 28, № 1. P. 51–75.

Kravchenko A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 650–671.

Kravchenko A. V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc., 2008.

Kravchenko A. V. Reassessing the project of linguistics // J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falck, C. Lundmark (eds.). Studies in language and cognition. Newcastle upon Tyne, 2009a. P. 27–42.

Kravchenko A. V. Language and mind: A bio-cognitive view // H. Götzsche (ed.). Memory, mind and language. Newcastle upon Tyne, 2009b. P. 103–24.

Kravchenko A. V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // *Pragmatics & Cognition*. 2009b. Vol. 17, no 3. P. 527–548.

Kravchenko A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2011. Vol. 6, № 3. P. 352–362.

Kravchenko A. V. Human autopoiesis? // *Constructivist Foundations*. 2014. Vol. 9, № 2. P. 177–179.

Kravchenko A. V. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education // *New Ideas in Psychology*. 2016. № 42. P. 14–20.

Kravchenko A. V. On elephants in linguistics // M. En (ed.). *Truths, trust and translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke*. Frankfurt/Main, 2020. P. 11–16.

Kravchenko A. V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. 2021. Vol. 15, № 2. P. 139–158.

Kravchenko A. V., Payunena M. V. Education: a value lost? // Dudziak A., Orzechowska J. (red.). *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, 2017. P. 239–246.

Kull K. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life // M. Barbieri (ed.). *Introduction to biosemiotics*. Dordrecht, 2007. P. 167–177.

Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962.

Love N. Are languages digital codes? // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 690–709.

Maturana H. R. *Biology of cognition*. Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0. University of Illinois, Urbana IL, 1970.

Maturana H. R. *Biology of language: The epistemology of reality* // G. Miller, E. Lenneberg (eds.). *Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. N. Y., 1978. P. 27–63.

Maturana H. R. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head // *Journal of Social and Biological Structures*. 1985. Vol. 8, № 4. P. 308–311.

Maturana H. R. The nature of the laws of nature // *Systems Research and Behavioral Science*. 2000. Vol. 17, № 5. P. 459–468.

Maturana H. R., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. Vol. 28, № 1. P. 15–26.

Menary R. Writing as thinking // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 621–632.

Mitchell K. What are “the laws of biology”? // *The Biologist*. 2017. Vol. 64, № 6. P. 6.

Morris C. W. *Foundations of the theory of signs* // O. Neurath, R. Carnap, C. W. Morris (eds.). *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1, part 2. Chicago, 1938. P. 1–59.

Nickerson R. S., Perkins D. N., Smith E. E. *The teaching of thinking*. Hillsdale, NJ, 1985.

Pepperberg I. M. Cognitive and communicative abilities of grey parrots // *Current Directions in Psychological Science*. 2002. Vol. 11, № 3. P. 83–87.

Pilley J. W., Hinzmann H. *Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words*. Boston, 2013.

Pinker S. *The language instinct: How the mind creates language*. N. Y., 1995.

Putnam H. *Reason, truth and history*. Cambridge, 1981.

Raimondi V. The bio-logic of languaging and its epistemological background // *Language Sciences*. 2019. Vol. 71. P. 19–26.

Ross D. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29, № 5. P. 710–731.

Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P., 1916.

Savage-Rumbaugh S., Lewin R. *Kanzi: the ape at the brink of the human mind*. N. Y., 1994.

Schilhab T. Words as cultivators of other minds // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames S. *The dawn of analysis*. Princeton, 2003.

Stewart J., Gapenne O., Di Paolo E. A. (eds.). *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA, 2011.

Varela F. J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, 1991.

Об авторе

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.

E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Для цитирования:

Кравченко А. В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LANGUAGE AND THE NATURE OF HUMANNESSE (INVITATION TO A DISCUSSION)

A. V. Kravchenko

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia

Submitted on November 10, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

The article invites the reader to contemplate what impedes further development of language science which is currently in a state of stagnation. This crisis is caused by the inadequate methodology used in linguistic research. It defines the paradigm of so-called 'normal' science, which suppresses innovation. The dualistic philosophy of external realism continues to be the epistemological foundation of 'normal' linguistics, and neither mainstream cognitive science nor cognitive linguistics has been able to break away from it. The author argues that a new, constructivist epistemology is capable of overcoming the crisis and could give a new impetus to further development of language science. This calls for abandoning the traditional view of language as a tool used for the expression and transfer of thoughts. Instead, researchers should use a systems approach to linguistic semiosis as a biological adaptation, which is the organizational basis of humans as living systems at both individual and social levels. Linguistic semiosis is an evolutionary stage in the development of Homo sapiens. Establishing the functional role of linguistic semiosis in systemic cognition as a socially organized living system whose unity is ensured and sustained by its circular (self-referential) organization in the relational domain of language, calls for a radical revision of the extant views on the relationship between language and mind, language and cognition, and language and consciousness. An ecological approach to language assumes that the cognitive dynamics of humans as living systems consists in the adaptive interactional behaviour in the relational domain of linguistic interactions. This domain constitutes the ecological niche of humans as organism-environment systems. It is in this continuously self-constructed human niche that the uniquely human power to reasoning (intelligence) emerges and develops. Humanness rests in language as the creative beginning of the world in which we exist as organisms capable of speech.

Keywords: dualism, realism, constructivism, linguistic semiosis, living system, cognition, ecological niche, intelligence

References

- Bunnell, P., 2020. Reflections on languaging. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 152–155.
- Button, T., 2013. *The Limits of Realism*. Oxford.
- Cariani, P., 2020. In defense of biosemiotics. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 155–158.
- Cooke, M., 2016. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth. In: J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel and K.-H. Spitzl, eds. *(Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft*. Berlin, pp. 59–76.
- Cowley, S.J. and Markoš, A., 2019. Evolution, lineages and human language. *Language Sciences*, 71, pp. 8–18.
- Curtiss, S., 1977. *Genie: A psycholinguistic study of a modern-day "wild child"*. New York.
- Di Paolo, E. A., Cuffari, E. C. and De Jaegher, H., 2018. *Linguistic Bodies: The continuity between life and language*. Cambridge, MA.
- Evans, V., 2015. *The Crucible of Language: How language and mind create meaning*. Cambridge.
- Finch, G., 2003. *How to Study Linguistics: A guide to understanding language*. 2nd ed. Basingstoke.
- Foerster, H. von, 1972. *Notes on an epistemology for living things*. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). Biological Computer Laboratory, Department of Electrical Engineering, University of Illinois, Urbana.
- Fry, D., 1977. *Homo loquens: Man as a talking animal*. Cambridge.
- Gibson, J., 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, MA.
- Givón, T., 2009. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia.
- Glaserfeld, E. von, 1995. *Radical Constructivism: A way of knowing and learning*. London.
- Glazkov, A. V., 2018. Mode of Reality: Definition, Taxonomy, Features. *Prepodavatel XXI vek [The Teacher XXI century]*, 3–2, pp. 315–332 (in Russ.).
- Jennings, R.E. and Thompson, J.J., 2012. The biological centrality of talk. In: A. V. Kravchenko, ed. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, pp. 33–63.
- Kenny, V., 1997. Constructivism – everybody has won and all must have prizes! *Transactional Analysis Journal*, 27 (2), pp. 110–117.
- Kibrik, A. E., 2005. *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and Variables in Language]*. St. Petersburg (in Russ.).
- Koshelev, A. D., 2013. Modern linguistic theory as the Tower of Babel (Can numerous antagonistic linguistic theories peacefully coexist). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 72(6), pp. 3–22 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V. and Payunena, M. V., 2017. Education: a value lost? In: A. Dudziak and J. Orzechowska, ed. *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, pp. 239–246.
- Kravchenko, A. V., 2001. Cognitive linguistics and the new epistemology (On the ideal project of linguistics) *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 60 (5), pp. 3–13 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2006. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language Sciences*, 28 (1), pp. 51–75.

Kravchenko, A. V., 2007. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 650–671.

Kravchenko, A. V., 2007. The problem of method in cognitive science. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, pp. 28–35 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2008. *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien.

Kravchenko, A. V., 2009. On tradition, linguistics, and the cognitive approach. In: N. K. Riabtseva, ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: traditsii i novatorstvo* [The Horizons of Modern Linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, pp. 51–65 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2009a. Reassessing the project of linguistics. In: J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falck and C. Lundmark, eds. *Studies in Language and Cognition*. Newcastle upon Tyne, pp. 27–42.

Kravchenko, A. V., 2009b. Language and mind: A bio-cognitive view. In: H. Götzsche, ed. *Memory, Mind and Language*. Newcastle upon Tyne, pp. 103–124.

Kravchenko, A. V., 2009c. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 17 (3), pp. 527–548.

Kravchenko, A. V., 2011. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences. *Constructivist Foundations*, 6 (3), pp. 352–362.

Kravchenko, A. V., 2013a. On grounding the ideal project of linguistics: integrating language, semiotics, and biology. In: E. I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2012* [The RGGU readings in the humanities – 2012]. Moscow, pp. 285–294 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2013b. The biological reality of language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 55–63 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2013c. *From the Language Myth to Biological Reality: Reassessing the epistemological assumptions of linguistics*. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2014. Human autopoiesis? *Constructivist Foundations*, 9 (2), pp. 177–179.

Kravchenko, A. V., 2015a. External realism and biology of cognition: the epistemological turn. In: E. I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2014* [The RGGU readings in the humanities – 2014]. Moscow, pp. 697–709 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2015b. On the subject matter of linguistics. In: *Language and thought: Contemporary cognitive linguistics*. Moscow, pp. 155–172 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2016. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*, 42, pp. 14–20.

Kravchenko, A. V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (41), pp. 14–26 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2019. Language and human ecology: from Cartesian linguistics to ecolinguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 4 (1), pp. 20–31 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2020b. On elephants in linguistics. In: M. En, ed. *Truths, Trust and Translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke*. Frankfurt a/M, pp. 11–16.

Kravchenko, A. V., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 139–158.

Kravchenko, A. V., 2021. *Otkryvaya yazyk zanovo. Ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma k ekologicheskomu realizmu: no-*

vaya povestka dnya v yazykoznanii [Rediscovering Language: From non-realist linguistics to a realistic language science. From structuralism and cognitivism to ecological realism. (A new agenda in linguistics)]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2020a. Author's response: Codes, interpretation, meaning: Why language matters. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 159–163.

Kuhn, T., 1962. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago.

Kull, K., 2007. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life. In: M. Barbieri, ed. *Introduction to Biosemiotics*. Dordrecht, pp. 167–177.

Love, N., 2007. Are languages digital codes? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 690–709.

Maturana, H.R., 1970. Biology of cognition. *Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0*. University of Illinois, Urbana, IL.

Maturana, H.R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller, and E. Lenneberg, eds. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. New York, pp. 27–63.

Maturana, H.R., 1985. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head. *Journal of Social and Biological Structures*, 8 (4), pp. 308–311.

Maturana, H.R., Mpodozis, J. and Letelier, J.C., 1995. Brain, language and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28 (1), pp. 15–26.

Maturana, H.R., 2000. The nature of the laws of nature. *Systems Research and Behavioral Science*, 17 (5), pp. 459–468.

Menary, R., 2007. Writing as thinking. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 621–632.

Mitchell, K., 2017. What are “the laws of biology”? *The Biologist*, 64 (6), p. 6.

Morris, C.W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris, eds. *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1, Part 2. Chicago, pp. 1–59.

Nickerson, R.S., Perkins, D.N. and Smith, E.E., 1985. *The Teaching of Thinking*. Hillsdale, NJ.

Pepperberg, I.M., 2002. Cognitive and communicative abilities of grey parrots. *Current Directions in Psychological Science*, 11 (3), pp. 83–87.

Pilley, J.W. and Hinzmann, H., 2013. *Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words*. Boston.

Pinker, S., 1995. *The Language Instinct: How the mind creates language*. New York, NY.

Putnam, H., 1981. *Reason, Truth and History*. Cambridge.

Raimondi, V., 2019. The bio-logic of languaging and its epistemological background. *Language Sciences*, 71, pp. 19–26.

Ross, D., 2007. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 710–731.

Saussure, F. de, 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris.

Savage-Rumbaugh, S. and Lewin, R., 1994. *Kanzi: The ape at the brink of the human mind*. New York.

Schilhab, T., 2015. Words as cultivators of other minds. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha, C., 2015. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames, S., 2003. *The Dawn of Analysis*. Princeton, NJ.

Stewart, J., Gapenne, O. and Di Paolo, E.A., eds., 2011. *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA.

Varela, F.J., Thompson, E. and Rosch, E., 1991. *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA.

Vernadsky, V.I., 1989. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Alexander V. Kravchenko, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Russia.

E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-0540

To cite this article:

Kravchenko, A. V., 2022, Language and the nature of humanness (Invitation to a discussion), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 7–24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**КТО ТОТ, КТО ИСПОЛЬЗУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК?
(К статье А. В. Кравченко «ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»)**

С. В. Чебанов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 31
Поступила в редакцию 01.06.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

Статья посвящена полемике с А. В. Кравченко по поводу его тезиса о том, что выход из затянувшегося кризиса в лингвистике должен заключаться в приложении системного подхода к языковому семиозису как биологической адаптации. Однако автор полагает, что лингвистика находится не в состоянии кризиса, а в состоянии застоя, выход из которого предполагает не использование неадекватного поставленной задаче системного подхода, а интенсивный методологический поиск, неограниченно раздвигающий горизонты допустимых взглядов. При этом надо максимально полно учитывать маргинальные проявления языка для получения действительно универсальных результатов. Не обойтись в таком случае и без выяснения природы человека как того, кто пользуется языком, поскольку природа человека состоит в весьма сложных отношениях с биологией человека в его антропологическом понимании (находящейся в непроясненных отношениях с биологией Homo sapiens как объекта зоологии) как одним из его компонентов. В качестве примеров, претендующих на решение так поставленной задачи, рассматриваются доктрины разных эпох и направлений мысли – от Книги пророка Ездры через Фому Аквинского, Григория Паламу до Дж. Остина, Дж. Сёрля, Г. П. Щедровицкого и о. Георгия Кочеткова.

Ключевые слова: язык, природа человека, биология человека, холизм, модусы реальности, методология лингвистики, синтез

Обсуждаемая статья вполне адекватно представляет положение в современной лингвистике и в гуманитарных дисциплинах в целом (семиотике, коммуникологии, когнитологии, антропологии и т. д.). Присущие статье неясности и непроясненности типичны для современной гуманитарной и не только гуманитарной науки, и в этом отношении это не дефект статьи, а скорее ее достоинство, так как она оказывается хорошей иллюстрацией имеющегося положения дел. Продемонстрируем несколько примеров.

Так, на с. 13 речь идет об «экспериментах», на с. 14 и 15 «экспериментально различных» и «экспериментальных измерениях», на с. 12 и 16 об «опыте», но не поясняется, в каких отношениях находятся эксперимент, эксперимент и опыт. Концепция их соотношения ясно и последовательно изложена Г. Галилеем в сочинении *De Motu*, написанном около 1590 года (Galilei, б. г.). Однако уже ко временам Фарадея это различие утрачивается, что требует введения на грани XIX и XX веков различения лабораторного эксперимента (опыта) и мысленного эксперимен-

та Э. Махом (Мах, 2012), а позже и введения Дж. Лакоффом в когнитивную лингвистику представления об экспериенциальных моделях (Lakoff, 1978; Lakoff, 1986; Lakoff, Johnson, 1999). Каким-то образом оказывается приемлемым для автора-лингвиста и плеоназм «эволюционное развитие» (с. 16), определяемый крайне неудачным, контрэтимологичным использованием термина «эволюция» Г. Спенсером в 1852 году (Чайковский, 2008, с. 91) для обозначения появления новых видов путем накопления мелких изменений, в то время как эволюцией в этимологическом смысле скорее является то, что ныне называется онтогенезом, а в обсуждаемой статье речь идет о таких эволюционных событиях, как создание разговорного языка (с. 14), письма (с. 14), эволюция человека как наблюдателя (с. 11, 15), появление разумности (с. 11) и т.д. В статье немало и других подобных неувязок, впрочем, не очень важных для общей постановки проблемы. Сожаление вызывает и широко распространенная у гуманитариев игра (особенно неуместная в статье, призывающей учитывать биологическую организацию человека) во введение новых видов обезьян семейства *Hominidae* — *Homo loquens*, *Homo cogitans*. Однако К. Линней, выделивший вид *Homo sapiens*, в качестве типа *Homo sapiens* не указал ясно себя, так что его приходится признавать ныне в качестве лектотипа *Homo sapiens* (Гапон, 2012). Всякие же *Homo ludens*, *Homo soveticus*, *Homo faber*, *Homo loquens*, *Homo cogitans* и т.п., вводимые без представления диагноза, голотипа, указания автора, года описания, синонимии, без выяснения приоритета и т.д. с точки зрения Международного кодекса зоологической номенклатуры только плодят номенклатурный мусор.

Однако все это в конце концов не так уж важно в случае данной статьи, не являющейся ни обзором литературы, ни квалификационным сочинением, а только способом приглашения к дискуссии. Поэтому важнее сформулировать общее отношение к формулируемой автором концепции. Суть ее заключается в следующем.

Автор утверждает, что лингвистика находится в состоянии глубокого кризиса (с. 8). При этом «человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо понять, что делают люди и почему они это делают как живые системы... являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса...» (с. 17). Для того чтобы понять смысл сказанного, надо отступить на один шаг и попробовать разобратся в основаниях сформулированных утверждений.

Начать надо с того, что такое «кризис». Термин «кризис» пришел из медицины, в которой он является антонимом «лизиса» и обозначает высший, поворотный период течения болезни, за которым следует ли-

бо начало выздоровления, либо смерть пациента, то есть это ситуация полной неопределенности, точка сингулярности с точки зрения теории катастроф. Для врачей это момент предельного напряжения своей профессиональной деятельности, когда они, не отходя от постели больного, могут неопределенно долго ни пить, ни есть, ни спать. Для больного это нередко тоже высшая точка страданий, боли, беспокойства, метаний, беспорядочной двигательной активности, переходящей в судороги, нарушения дыхания и т. д. Таким образом, в ситуации кризиса имеет место предельное напряжение и врачей, и пациента.

В философско-аскетическом смысле кризис — это поворот, пребывание на кресте, источник метаноии, перемены сознания (Духовный кризис, 2000).

Ни о каком кризисе ни в первом, ни во втором смысле в лингвистике последние столетия речи не идет (если не принимать во внимание последствия инициированной И. Сталиным дискуссии по вопросам языкознания или отчет ALPAC 1966 года о перспективах машинного перевода) — профессора в основном довольны жизнью, поток студентов неиссякаем, особо жарких дискуссий нет. Скорее, можно зафиксировать застои и безразличие, в условиях которых можно порассуждать о тех или иных незначительных расхождениях во мнениях на фоне не только непроясненности, но даже отсутствия постановки фундаментальных проблем и путаницы в основных понятиях. При этом можно сказать, что источником такой путаницы, в частности, является то, что в дискурсе современных филолого-лингвистических дисциплин сосуществуют как не идентифицируемые представления по крайней мере пяти совершенно разных по сути суперпарадигм, концепций языка и речи — герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики и антропоцентрической версии понимания языка, на которую конкурирующим образом претендуют когнитивная лингвистика и прагмалингвистика (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Фиксируя столь неприглядную ситуацию, имеем в виду следующее.

Если рассматривать становление человеческой культуры в целом, то можно выделить следующие его фазы.

Исходным состоянием является взаимодействие человеческого индивида с целостным, нерасчлененным образом реальности. Часть такого образа реальности составляет целостный образ человека, данного в непосредственном взаимодействии с другим человеком. Такое состояние квалифицируется в культурологии как состояние исходного синкретизма.

Далее в результате обогащения знаниями, разделения труда, специализации деятельности людей и т. д. начинается развитие дифференцированных представлений о человеке, возникают разные образы человека, он рассматривается в разных аспектах, становится предметом разных дисциплин. Так, человек может представать как механическое тело очень своеобразного многофазного агрегатного состояния, как разновидность высших обезьян с точки зрения биологии, как сверхсложный химический реактор, как член семьи и представитель опреде-

ленного этноса и т.д. Среди этих амплуа человека можно выделить разные описательные или аналитические, эмпирические и родовые (теоретические) сущности (объекты – Кордонский, 2001). В европейской традиции такой способ представления о человеке присутствует уже в выделении в нем тела и души, а то и духа, что явно зафиксировано уже у халдеев и ясно сформулировано у Сократа, Платона и Аристотеля.

К последней трети XX века явно (а неявно – еще ранее отдельными мыслителями) осознано, что такое умножение аналитических объектов, представляющих человека (да и любое другое образование в мире – кристалл, планету, звезду, живой организм, страну), лишь промежуточный шаг на пути постижения, за которым должен последовать синтез, что и порождает многочисленные и разнообразные призывы к разного рода системным, целостным, организмическим, органонным и прочим холистическим построениям (Чебанов, Мартыненко, 2004).

Таким образом, можно зафиксировать общую траекторию движения сознания: первичный синкретизм – вторичный аналитизм – итоговый синтез. Однако достичь чего-то плодотворного на этом пути весьма сложно. Так, в качестве итога попыток такого синтеза применительно к человеку обычно оказывается утверждение о том, что человек – это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой и ничего более. Какие-либо нетривиальные выводы сделать из этого невозможно. Не отличаются от этого, по сути, и утверждения автора обсуждаемой работы о том, что «при системном подходе язык... предстает биосоциокультурной средой... определяющей развитие человека. Поскольку человек – социальное существо, когнитивное развитие индивида невозможно вне общества как живой системы... а единство этой системы поддерживается языковыми взаимодействиями между отдельными особями как компонентами этой системы... Образуя... область, в которой индивиды и общество развиваются как когнитивные системы, языковые взаимодействия... становятся той главной чертой, которая определяет человека говорящего как... особый биологический вид» (с. 14), «...человеческое общество представляет собой живую систему третьего порядка; эта система состоит из... особей как живых систем второго порядка, которые развиваются и существуют в когнитивной области языка...» (с. 14–15), «...для нас как социально организованного биологического вида...» (с. 17) и подобные им.

Примечательно, что в этих высказываниях А.В. Кравченко сочетаются сущности разных модусов реальности (выделены курсивом). Так, человек вроде бы в основном выступает как индивид и в этом качестве является описательной эмпирической единицей. Будучи трактуемым как социальное существо, он оказывается аналитической сущностью, причем рассматриваемой в теоретико-родовом аспекте. Этот же последний модус реальности относится и человеку как биологическому виду. С логико-методологической точки зрения (и такой анализ обсуждаемой статьи можно было бы продолжать неопределенно долго) это

несвязная мешанина категорий, относящихся к разным модусам реальности, однако никакой не синтез. При этом эти категории не просто перемежаются в тексте — между ними устанавливаются прямые, непосредственные отношения. Причина этого представляется вполне очевидной — А. В. Кравченко принимает и сохраняет все парадигмальные различия последних столетий — различие биологического и социального, представление о системности, различие филогенеза и онтогенеза, универсальность отношения «состоять из» и т. д., причем сохраняет, даже не предпринимая попытки их критического пересмотра.

Так на с. 14 А. В. Кравченко пишет: «эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка». Но система эта — категория аналитическая, а особь — описательная, причем в обсуждаемом контексте скорее эмпирическая, в то время как система — теоретическая. С этой точки зрения это бессмысленная фраза. Примечательно, что практически точно в этом же смысле вопрос очень доходчиво обсужден Ю. С. Степановым еще в 1975 году, когда он показывает, что морфема не состоит из фонем, слово не состоит из морфем, структурная схема словосочетания не состоит из слов, структурная схема предложения не состоит из структурных схем словосочетаний (Степанов, 1975, с. 219–220). Недопустимость использования отношения «состоять из» к ситуациям, когда целое и фрагмент относятся к разным модусам реальности или только к аналитическим объектам для объектов любой природы (физических, биологических, социальных и т. д.), подробно обоснована в указанной книге С. Г. Кордонского (Кордонский, 2001, гл. 3). Подобные невязки можно проследить и на примере ряда других категорий, используемых А. В. Кравченко.

Примечательно, что после знакомства с моей рецензией глубокоуважаемый Александр Владимирович пассаж о том, что «мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах “объективной реальности”», дополнил замечанием о том, что «и, соответственно, о “модусах реальности”, представленных в высказывании или тексте» (Глазков, 2018) (с. 11). Как само это заявление, так и цитируемая статья А. В. Глазкова радикально расходятся с сутью работ по полимодусной онтологии. Две важнейшие отечественные публикации в этой области последнего полувека принадлежат А. А. Любичеву (1971) и Ю. А. Шрейдеру (1984), причем обе они затрагивают и вопрос о языке (специально его не обсуждая). Статья Ю. А. Шрейдера при этом является маленьким фрагментом его многолетних исследований в этой области. Комментируя ее, Р. М. Фрумкина подчеркивает фундаментальное значение развиваемого подхода, который благодаря рассмотрению множества модусов реальности позволяет разорвать свойственное советской науке отождествление языка и мышления, поскольку они обладают разными модусами реальности (Фрумкина, 1999). Однако для самого Шрейдера представление о множественности модусов реальности было связано с его теологическими работами, получившими одобрение Св. папы Римского Иоанна Павла II (Шрейдер был терциарием ордена

доминиканцев, братьев-проповедников, к которому принадлежал Фома Аквинский, под чьим именем он и был крещен), в которых он развивал представления Аквината. Отношения мышления и языка для Фомы представляются путем переосмысления апофатического богословия Ареопагитик через аналогию как нечто среднее между эквивокальностью и унивокальностью. Поскольку для Аквината истина — это «соответствие интеллекта и вещи», а понятия (не слова!), образуемые человеческим интеллектом, истинны в той мере, в какой они соответствуют понятиям, предшествующим в интеллекте Бога, то вопрос об «эпистемологической ловушке языке» для него не очень важен. Так что самый яркий реалист — Фома Аквинский — в терминах «объективной реальности» не рассуждал и различал язык и мышление, концентрируя свое внимание на мышлении. Независимость мышления от языка более или менее очевидна и для лиц, переживших глубокие измененные состояния сознания или клиническую смерть (сознание при этом работает, но языком пользоваться невозможно — см. (Спивак, 2000); нужно отметить, что число людей, испытавших такое состояние, довольно велико, что хорошо известно врачам — хирургам и анестезиологам, но они предпочитают не обсуждать это даже со своими пациентами, которые приобрели такой опыт в их присутствии, что наделяет книгу Р. Моуди экстраординарным значением (Моуди, 2020)).

Тем не менее главный вопрос относится к другому — как может быть осуществлен итоговый синтез так, чтобы быть действительным синтезом, а не просто перечнем аналитически выделенных компонентов? Автор настоящего текста не имеет ответа на этот вопрос. Однако можно привести несколько попыток ответа на него и сформулировать некоторые требования к условиям ответа, а также возможные шаги в направлении его получения.

Во-первых (по близости к тому, что имеет место в современной науке — гуманитарной и естественной), можно выявить какие-то универсальные сущности и обнаружить, что постигаемая реалья является некой особой конфигурацией этих сущностей.

Так, если имеется различение тела, души и духа, то можно говорить о человеке как об определенной их конфигурации. В Третьей книге пророка Ездры (3 Ез., 16: 62–63) человек рассматривается более сложно — как единство тела и сердца, а сердце понимается как соединение дыхания Бога с духом, душой (жизнью) и разумом (умом).

Не менее интересен образ человека и его места в мире у Григория Паламы. Так, в «Физических главах...» (Григорий Палама, 2006) говорится о том, что ангелы обладают только «жизнью по сущности»; они разумны, духовны, бессмертны, нетленны. Животные же имеют только «жизнь в действии», оживотворяющую их «земляное тело»; они неразумны, недуховны, смертны и тленны. У людей же есть как «жизнь по сущности», так и «жизнь в действии»; их душа разумна, духовна, бессмертна, нетленна, однако тело их смертно и тленно. Таким образом, исключительность человека заключается в том, что только он обладает и «жизнью по сущности», и «жизнью в действии», что позволяет ему

осуществлять уникальные действия в мире. Однако при этом он смертен и тленен, что придает его жизни особый драматизм и еще больше увеличивает его выделенность в мире.

В комплексном подходе (Сопиков, 2002; Чебанов, 1986) каждая сущность выступает как уникальная конфигурация шести универсальных картин описания – субстратной, структурной, функциональной, энергетической, программной и ценностно-целевой. Человек в этом случае выступает как существо, субстратами которого оказываются физические элементарные частицы и поля, химические молекулы (включая макромолекулы), биологические и психические поля (вопрос о фундаментальности или производности которых сейчас не обсуждается) и т.д., энергетика которого соединяет физическую энергию в разных формах (механической, электродинамической, квантово-механической), химическую (энергия химического сродства, биомолекул-макроэргов), психическую (в понимании Фрейда и его последователей, язык как выражение энергии народа в трактовке В. Гумбольдта и энергию заблуждения Л.Н. Толстого), духовную ангельского чина Сил и т.д. При этом оказывается возможным проследить взаимодействие разных компонентов человеческой сущности в их единстве.

Следующим шагом такого синтеза является представление о человеке как о живой иконе Бога (Кочетков, 2020). Если такой образ человека рассматривать в кругу христианских представлений (как бы к ним не относиться, но просто соглашаться на реконструкцию внутреннего устройства этого образа), то оказывается, что он в высшей степени синтетичен. Дело в том, что Христос как воплощение Бога-сына выступает как Бог-Слово, а христианское миропонимание при этом является раскрытием природы Слова. Человек же как икона Бога – это тоже своего рода слово, несомненный семиотический объект. Более того, это слово – человек – еще и говорит словами. Поэтому вполне понятно, что христианское миропонимание позволило узнать очень многое о слове и языке. Это понимание и выражено в Священной герменевтике (*Hermeneutica Sacra*), представления которой, однако, не очень приемлемы для лингвистики Нового времени. Тем не менее в последние десятилетия многие идеи *Hermeneutica Sacra*, которые были когда-то категорически отвергнуты наукой, получили признание в современной функциональной лингвистике (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Это наиболее наглядно представлено на примере того, как язык из средства описания мира, принимаемого в таком качестве в лингвистике XVIII – первых трех четвертей XX века, превратился благодаря концепции перформативов Дж. Остина и Дж. Сёрля в средство творения новой действительности, в качестве которого он выступал в *Hermeneutica Sacra*, а человек оказывает сотворцом этого мира (Chebanov, 1994).

Очевидно, что при осуществлении подобного синтеза лингвистам придется не только обогащать свои представления, но и отказываться от уже имеющихся.

Так, например, лингвистам (и прежде всего отечественным, испытывавшим влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ) придется расстаться с представлением об устной речи как об основной форме реализации языка, поскольку это положение вызывает несколько возражений.

Во-первых, оно игнорирует сам факт существования внутренней речи, не говоря о том, что объем материала, порождаемого внутренней речью, явно превышает объем речи внешней. При этом лингвисты практически полностью «передали» изучение внутренней речи психологам. Примечательно и то, что внутренняя речь сопровождает человека круглые сутки, так как она присутствует и во сне. Таким образом, объем речевой деятельности одного человека увеличивается примерно на 8 часов, то есть в полтора раза количественно и качественно заметно больше, чем изучается лингвистами, скажем, в рамках проекта «Один речевой день» (ОРД) (Богданова-Беглорян и др., 2019), поскольку охватывает такие своеобразные состояния, как засыпание и пробуждение, которые явно относятся к измененным состояниям сознания (Синеокова, 2008; Спивак, 2000).

Во-вторых, ныне появилась такая форма речи, как речь эсэмэс, интернет-чатов (Подгорная, Демиденко, 2014) и других сходных типов речи – они обладают чертами как письменной, так и устной речи. При этом и они имеют свой прообраз – тексты, представленные бегущей строкой.

В-третьих, во многом недооценивается значение письменной (печатной) речи. Так, современного ребенка в более или менее благополучных семьях со второй половины первого года жизни окружают не только книги и игрушки с буквами и цифрами, но и множество надписей в интерьере или на улицах поселения, так что письменная речь осваивается почти одновременно с устной. При этом надо учитывать, что виды рукописной, печатной, машинописной, а ныне порождаемой с помощью клавиатуры или стилуса письменной речи довольно контрастно различаются психолингвистическими характеристиками, временем порождения, возможностями (само)исправления и т.д., так что очень проблематично установить, это вообще одна или несколько разных форм существования языка. В ряду таких форм речи может занять подобающее место и узелковое письмо индейцев кипу.

В-четвертых, даже значительная часть устной речи представлена не спонтанной или подготовленной речью, а воспроизведением с помощью тех или иных технических средств (магнитофонов, плееров, радио, телевидения) записанной речи, неизбежно (за счет возможностей перезаписи и окончательного монтажа из наиболее удачных фрагментов каждой записи) отличающейся акустическими характеристиками, синтаксисом, интонациями и т.д. от «живой» речи.

В-пятых, на далекой периферии интересов лингвистов находится вокальная речь, которая приходит к ребенку с материнской колыбельной. Видимо, с ней можно соотнести и свист гуанчей.

Существует довольно широкий круг явлений, который, хотя и известен лингвистам, не включается ими в представление о природе языка. Так, трудно говорить об универсальном представлении о языке, если не принимать во внимание детскую и младенческую речь. Тем не менее далеко не каждый лингвист способен отличить гуление от лепета, не

говоря об обладании хотя какой-то осведомленностью о внутриутробном речевом поведении человеческого плода, в результате чего у него еще в пренатальный период закладываются основы распознавания фонем языка, на котором говорит мать ((Moon, 2017); аналогичные исследования ведутся и в Санкт-Петербургском научно-исследовательском институте уха, горла, носа и речи Минздрава РФ).

Нетривиальный материал дает и лингводидактика, в частности находящаяся на грани с коррекционной педагогикой (сурдопедагогикой, тифлопедагогикой, олигофренопедагогикой и логопедией). Так, выясняется, что для коррекции тяжелых видов дисграфий оказывается эффективным формирование целостного образа буквы-звука, поддерживаемого координацией моторики мышц речевого аппарата, руки, глаз и мышц, обеспечивающих оптимальное для бинаурального восприятия звука положение головы (Романова, 2019). Целостный образ звукобуквы фигурирует и в фоносемантических исследованиях А. П. Журавлёва (Журавлёв, 1991).

Ряд речевых явлений допустим с точки зрения существующих в лингвистике представлений о языке, но эти концепции не дают объяснения неожиданно высокой частоте их распространения и, порой, исключительной сложности реализации. Начать можно с эпизодического появления в спонтанной речи эвфонии и силлабо-тонической версификации, а продолжить переразложениями, бустрофедонами или палиндромами. При этом можно говорить о разных видах палиндромии (амбиграмы, семилапы), палиндромии языковых единиц (слов, самым длинным из которых считается финское *saippuakivikauppias* – продавец парфюмерии) и палиндромии текстов (так, самый длинный палиндром на русском языке «Фантастический сон на берегу реки за минуту до пробуждения» В. Гончарова содержит 5638 слов, передаваемых 20836 буквами), что не поддается оценке с теоретико-вероятностной точки зрения (при том что проводятся соревнования палиндромистов, то есть речь идет о довольно распространенном явлении, которое, казалось бы, должно описываться статистикой).

К палиндромам примыкают и листовертни Д. Авалиани, простейшим примером которых является **милозо**, дающий после поворота на 180° **золими**. Л. В. Зубова показывает, что они органически входят в структуру современной поэзии (Зубова, 2010, с. 83–88), причем как профессиональный лингвист она считает, что сама возможность появления листовертней заложена в системе языка (устное сообщение). Совершенно не осмыслена с лингвистической точки зрения полифонсеманика А. Г. Горнона, основанная на множественности способов произнесения одной последовательности звуков или прочтения одной и той же последовательности букв (см., напр., (Горнон, 2014)).

Примечательным является и то, что при обсуждении природы языка в поле зрения попадают почти исключительно семантика и синтактика, а о прагматике речь заходит лишь эпизодически (что и понятно, если принимать деление на внутреннюю и внешнюю лингвистику), хотя уже около ста лет (90–130 в зависимости от того, что брать за точ-

ку отсчета) осознано, что прагматика — неотъемлемая сторона языка. При этом, конечно, наименее разработанной проблемой выступают механизмы реализации перформативности. Рассмотрение же таких механизмов позволяет иначе взглянуть и на использование языка в межвидовых взаимодействиях. Тем не менее, такие явления, хорошо известные любителям собак, как движение спящей собаки, воспроизводящей ее движения в ответ на команду (что позволяет предположить наличие у собаки соответствующих сновидений), в число перформативных эффектов какого-то случайного высказывания прохожего на улице вообще не попадает.

С точки зрения автора настоящих строк, учет указанных и прочих подобных явлений служит основанием для того, чтобы утверждать, что проблемы предстоящего синтеза заключаются не только, а может быть, и не столько в том, чтобы принять, как настаивает А. В. Кравченко, ту или иную методологию или концепцию человека, сколько в том, чтобы учесть указанный фактический материал. При этом апелляцию к тому, что речь идет о редких, периферических явлениях, нельзя принять в качестве аргумента, что их можно не учитывать при разработке общей концепции («теории») языка. Для того чтобы прояснить этот тезис, придется обратиться к проблемам статистики и построения теории в других областях знания.

Начать можно с того, что лингвостатистические распределения — это негауссовы H -распределения, в силу чего, с одной стороны, ни одна выборка текстов не представляется характеристической для языка, а с другой — самыми важными для построения текста становятся уникальные компоненты (Арапов, Ефимова, Шрейдер, 1975; Кудрин, 2002; Маслов, Маслова, 2006), что исключает возможность игнорирования кажущихся редкими явлений. Более того, всегда найдется совокупность речевых произведений, в которых кажущееся редким (например, палиндромы или назывные предложения в спонтанной разговорной речи) окажется частым (например, на конкурсе палиндромистов или в собрании таксономических описаний) и наоборот (например, комментарии на палиндромы в собрании палиндромов (Антология..., 2000) или глаголы в традиционных таксономических описаниях).

Понятно, что такое положение дел создает серьезнейшие методические затруднения при изучении конкретного материала. Это можно проиллюстрировать на примере из ботаники, которая уже в 1930-е годы отличалась большей методологической строгостью и изощренностью, позволяющей находить простейшие технические решения. Речь идет об исследовании Н. П. Кренке изменчивости формы пластинки листьев вязов и хлопка (Кренке, 1933—35). Оказалось, что растения одного вида обладают всеми вариантами формы листа, присущими всем растениям (а также колониальным животным), однако некоторые из этих форм встречаются по одному (!) экземпляру на 2—3 миллиона. Суть этого феномена была выявлена С. В. Мейеном в связи с концепцией рефрена (повторяющегося полиморфического множества) (Мейен, 2007; Meuyen, 1973), количественные характеристики которого соотносятся с негаус-

совыми *N*-распределениями (Мейен, Налимов, 1979; Налимов, Мейен, 2007). При этом именно такие сверхредкие варианты позволяют осуществлять исключительно важные для биологической типологии отождествления. Так, документально зафиксировано не более 40 случаев наличия хвоста у человека (Alashari, Torakawa, 1995), что тем не менее важно для понимания его анатомии и установления гомологий его органов с органами приматов и других млекопитающих.

Выхода из обнаруживавшегося положения пока имеется два — отказ от изучения генеральных совокупностей по репрезентативным выборкам (из-за их отсутствия (Шрейдер, Шаров, 1982)) с вынужденным переходом к изучению генеральных совокупностей целиком (что фантастически увеличивает трудоемкость осмысленных исследований — ср. работу Н.П. Кренке) или ставка на результаты, основанные на экспертных оценках, являющихся плодом личностного знания (Полани, 1985).

Второй выход для отечественной лингвистики был осуществлен еще Л.В. Щербой в концепции лингвистического эксперимента (Щерба, 1974), наименование которого, однако, с методологической точки зрения представляет собой недоразумение, так как речь идет именно об опыте в трактовке Галилея. По сути же это именно использование экспертных оценок в ситуации, когда становится ясно, что использование какого-либо метода невозможно. Таким образом, с методологической точки зрения это возвращение к докартезианской практике обращения со знанием с опорой вместо субъекта на личность исследователя, что означает радикальный пересмотр научной методологии. Совершенно корректно описывают такую ситуацию американские когнитивные лингвисты (Дж. Лакофф, У. Лабов), используя для этого адекватную (хотя редкую и весьма специфичную, известную до этого только по текстам Галилея) терминологию, связанную с противопоставлением экспериментального и экспериенциального. При этом сами авторы подчеркивают, что их подход является преодолением аристотелевской логики. Однако современные трактовки Аристотеля дают основание соотносить эту логику не столько с самим Аристотелем, сколько с его позднесхоластическим прочтением.

Учитывая сказанное, можно вернуться к задаче синтетического представления человека как того, кто вовлечен в речевую деятельность. Это важно в связи с поставленной А.В. Кравченко задачей порождения «по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида *Homo sapiens*» (с. 8).

Начать стоит с рассмотрения вопроса о соотношении человека и *Homo sapiens*. У Г.П. Щедровицкого была рукопись, которой в итоге в архиве не оказалось, имеющая название «О функционировании человека в структуре вида *Homo sapiens*». Такое название отнюдь не случайно, поскольку человек — предмет изучения в антропологии, в то время как гоминидология — раздел зоологии.

Далее можно различить морфофункциональную и когнитивно-психическую организацию человека. Формирование первой из них

можно назвать гоминизацией, а второй — оразумливанием, сапиентизацией. Первый процесс охватывает становление организмов с билатеральной симметрией, прорыв вторичного рта, формирование строения хордовых, тетраподизацию и выход на сушу, развитие живорождения и млечного питания и т.д. Одним из центральных направлений изменений является процесс, обозначенный П. Тейяром де Шарденом, как цефализация (Тейяр де Шарден, 1987). Можно проследить, как этапы этого процесса очерчивают путь от одноклеточных до высших обезьян.

Второй процесс значительно более сложный и принципиально фрагментарный. Так, у кубомедуз имеется не только сложная система ганглиев, но и важное для ловли добычи зрение, обеспечиваемое сложным диоптрическим аппаратом и присутствием нескольких светочувствительных пигментов, использование которых предполагает наличие сложных форм сенсорной психики, которая делает возможной и целенаправленную передачу сперматофоров. Сложные формы когнитивной активности свойственны по крайней мере двум группам первичноротых — головоногим моллюскам и общественным насекомым. Среди позвоночных в этом отношении выделяются птицы (врановые своим интеллектом, многие, прежде всего попугаи, способностью быть перемешниками) и млечопитающие (дельфины, псовые, высшие обезьяны). Никакой линейной последовательности и учитываемых филогенетических связей в этом ряду нет.

Тем не менее оба этих ряда пересекаются в человеке. При этом в ряду животных, которые маркируют важные этапы сапиентизации, нет морфофункциональных структур, обеспечивающих речь человека (строение гортани, голосовых связок, мозга), причем это относится и к высшим обезьянам. Таким образом, язык и речь человека возникают на пересечении двух разнокачественных процессов. Охватив человека, процесс сапиентизации начинает распространяться на домашних, домовых и синантропных животных, которые пользуются достижениями человека и осваивают некоторые из них и с которыми может устанавливаться коммуникация посредством человеческого языка — иногда спонтанная, иногда целенаправленная (в случае дрессуры). Таким образом, человеческий язык используется не только представителями вида *Homo sapiens*.

С другой стороны, бывают ситуации, когда эти два ряда не пересекаются или пересекаются не полностью. Речь идет о психосоматических аномалиях, прежде всего тяжелых, например о слепоглухонемых. Опыт сурдотифлопедагогики показывает, что попытки реабилитации таких пациентов, начиная с приобщения к языку, безрезультатны — сначала у них надо сформировать схему тела и локомоцию, а потом можно развивать языковые компетенции. В этих случаях имеет место ситуация, когда сапиентизация реализуется при дефицитарной гоминизации. Для понимания природы языка и связи его с сознанием жизненные практики таких пациентов не менее важны, чем опыт переживших клиническую смерть.

Еще один поворот проблемы — соотношение биологии *Homo sapiens*, биологии человека, и биологии человека духовного. Человек в отличие от биологического вида *Homo sapiens* характеризуется ношением одежды, строительством жилья, использованием мебели и огня и т. д. (все эти признаки не входят в число таксономических, указывающих на зоологический вид *Homo sapiens*). Поэтому у человека имеются отличия в строении скелета, функционировании системы пищеварения, кровообращения, терморегуляции, потоотделения и т. д. Однако *Homo sapiens* в отличие от человека в эмпирическом мире не представлен, и его характеристики выступают предметом умозрения (Чебанов, 1996). Тем не менее можно утверждать, что результатом очеловечивания *Homo sapiens* является, например, все более увеличивающаяся продолжительность пострепродуктивного периода жизни человека и рост интенсивности его деятельности в этот период. Контрастно отличается и экологический статус человека с его нарастающей ролью вида-эдификатора (начиная с овладения огнем) на фоне характерного амплуа пациента *Homo sapiens* (Чебанов, 2013), причем у человека, вовлеченного в духовную жизнь, появляются дополнительные особенности биологии, в частности экологии (Чебанов, 2010).

Таким образом, соотношение *Homo sapiens*, человека и субъекта владением языком весьма нетривиально. Очевидно, что в настоящее время имеются наиболее полные данные для того, чтобы обсуждать вопрос об отношении человека и субъекта владением языком. Но для того чтобы его обсуждать, нужно синтетическое представление человека.

Это представление должны быть именно синтетическим, а не просто декларацией того, что человек — это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой. На пути такого синтеза к представлению о говорящем, слушающем, пишущем и читающем человеке как живой иконе Бога может быть остановка в виде лингвистически образованного человека, сохраняющего целостность непосредственного восприятия.

Такие люди могут создать актерский образ (в театре или кино) человека как языковой личности (Богин, 1984). Множество таких образов в своих выступлениях-моноспектаклях воплотил И. Л. Андроников ((Андроников, 1980 — 81); надо учитывать, что в полной мере обсуждаемый синтетический образ языковых личностей представлен Андрониковым именно в его устных выступлениях с их пластикой, взглядами, интонациями). Другой пример — это образ языковой личности ребенка (причем развернутый во времени) матери-лингвиста (Рыко, 2018).

Таким образом, мы с благодарностью принимаем приглашение автора к дискуссии, но у нас есть основания не согласиться с ним в том, что лингвистика находится в состоянии кризиса, из которого можно выйти, опираясь на смену методологии, а зафиксировать, что постижение языка находится в состоянии застоя, стагнации, преодолеть которое можно, охватывая все (в том числе и кажущиеся редкими и экзотическими) виды речевой деятельности и радикально пересматривая основные принципы методологии не только Нового времени, но и всей

аристотелевской (и шире – сократовской) традиции. Однако заслуга автора обсуждаемой статьи состоит в том, что он призывает к обсуждению вопросов, которые обычно предпочитают оставлять в тени.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе», выполняемый в ИНИОН РАН.

Список литературы

- Андроников И.Л. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1980—1981.
- Антология русского палиндрома XX века / сост. В. Рыбинский ; под ред. Д. Минского. М., 2000.
- Арапов М.В., Ефимова Е.Н., Шрейдер Ю.А. О смысле ранговых распределений // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. №1. С. 9—20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А.М. Молдован ; отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101—110.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Гапон А.Г. «Типичный» человек с позиции зоологической номенклатуры // Человек. 2012. №4. С. 100—114.
- Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. №3-2. С. 315—332.
- Горнон А. 25-й кадр, или Стихи не о том (полифоносемантика). СПб., 2014.
- Григорий Палама. 150 глав / пер. с греч. и примеч. А.И. Сидорова. Краснодар, 2006.
- Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / под ред. Станислава и Кристины Гроф. М., 2000.
- Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
- Зубова Л.В. Языки современной поэзии. М., 2010.
- Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М., 2001.
- Кочетков Георгий, свящ. Тайны и таинства человека и Церкви: Опыт современной мистагогии второй ступени : в 3 ч. Ч. 2: Новая христианская (православная) антропология: Об устройении и спасении человека и человечества. Основы христианской аскетике и мистики. М., 2020.
- Кренке Н.П. Феногенетическая изменчивость. М., 1933—1935. Т. 1.
- Кудрин Б.И. Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические H -распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Манделъброта // Философские основания технетики. Математический аппарат структурного описания ценозов и гиперболические H -ограничения / Ценологические исследования. Вып. 19. М., 2002. С. 357—412.
- Любищев А.А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М., 1971. С. 67—81.
- Маслов В.П., Маслова Т.В. О законе Ципфа и ранговых распределениях в лингвистике и семиотике // Матем. заметки. 2006. Т. 80, вып. 5. С. 718—732.
- Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. М., 2012.
- Мейен С.В. Морфология растений в номотетическом аспекте // In memoriam. С. В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 162—222.

Мейен С. В., Налимов В. В. Вероятностный мир и вероятностный язык // *Химия и жизнь*. 1979. № 6. С. 22 – 27.

Моуди Р. Жизнь после жизни: Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела. М., 2020.

Налимов В. В., Мейен С. В. Вероятностный мир – выход в другую культуру? (Возможно ли второе Средиземноморье в европейской культуре?) // *In memoriam*. С. В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 87 – 100.

Пик А., Хешиг А. Клиническая семиотика с обращением особого внимания на угрожающие симптомы и их лечение. СПб., 1910.

Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // *Концепт*. 2014. № 9 (сентябрь). URL: <http://e-kon-sept.ru/2014/14254.htm> (дата обращения: 13.12.2021).

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.

Романова Н. Занятия по коррекции дисграфии младших школьников. Б. м., 2019.

Рыко А. И. Детство Хомы: Дневник научных наблюдений. СПб., 2018.

Синеокова Т. Н. Лингвистика измененных состояний сознания : учеб. пособие. Н. Новгород, 2008.

Сопиков А. П. Междисциплинарность как тип комплексности // *Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований*. СПб., 2002. С. 78 – 79.

Сливак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М., 1987.

Фрумкина Р. М. Вечнозеленое дерево теории [памяти Ю. А. Шрейдера] // *Человек*. 1999. № 4. С. 145 – 158.

Чайковский Ю. В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М., 2008.

Чебанов С. В. Комплексность в биостратиграфии // *Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты)*. Ч. 1. М., 1986. С. 84 – 86.

Чебанов С. В. Спекулятивная биология человека // *Спекулятивная биология человека : тез. докл. Школы по теоретической биологии (Молодежное, 1–5 февраля 1993 г.)*. Vilnius, 1996. С. 4 – 5.

Чебанов С. В. Блюдо как культурно-нормативный способ потребления пищи: роль ритуала и экологические последствия // *Страницы: богословие, культура, образование*. 2010. № 14(3). С. 421 – 448.

Чебанов С. В. Экология человека или экология Homo sapiens? // *Наука. Философия. Религия : сб. матер. XV конф. «Наука. Философия. Религия»*. Проблемы экологии и кризис ценностей современной техногенной цивилизации (Дубна, 25 – 26 октября 2012 г.). М., 2013. С. 265 – 294.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка // *Acta et commentationes universitatis tartuensis*. Вып. 911. Tartu, 1990a. С. 112 – 136.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // *Acta et commentationes universitatis tartuensis*. Вып. 912. Tartu, 1990b. С. 92 – 111.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Синергетика и холистические образы языка // С. В. Чебанов Петербург. Россия. Социум : собр. соч. Vilnius, 2004. Т. 3. С. 650 – 656.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. О герменевтизации прикладной лингвистики // *Вестник Тверского ГУ. Сер.: Филология*. Вып. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 11(207). С. 273 – 291.

- Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М., 1982.
- Шрейдер Ю. А. Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой // Системность и эволюция. М., 1984. С. 69–82.
- Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
- Alashari M., Torakawa J. True tail in a newborn // *Pediatr. Dermatol.* 1995. №12 (3). P. 263–266.
- Chebanov S. V. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology // *Biology Forum.* 1994. №87 (1). P. 39–48.
- Galilei G. *De Motu Antiquiora.* Berlin, no date. URL: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD> (дата обращения: 13.12.2021).
- Labov W. Denotational structure // *Papers from the Parasession on the Lexicon.* Chicago, 1978. P. 220–260.
- Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects // *Noun Classes and Categorization.* Amsterdam, 1986. P. 13–52.
- Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought.* N. Y., 1999.
- Meyen S. V. Plant morphology in its nomothetical aspects // *Botanical Review.* 1973. №39(3). P. 205–260.
- Moon C. Prenatal experience with the maternal voice // *Early vocal contact and preterm infant brain development / Filippa M., Kuhn P., Westrup B. (eds.). Cham, Switzerland, 2017. P. 25–37.*

Об авторе

Сергей Викторович Чебанов, доктор филологических наук, профессор, кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

Для цитирования:

Чебанов С. В. Кто тот, кто использует человеческий язык? (К статье А. В. Кравченко «Язык и природа человечности») // *Слово. ру: балтийский акцент.* 2022. Т. 13, №3. С. 25–44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHO IS THE ONE WHO USES THE HUMAN LANGUAGE?

To the discussion with on by Alexander Kravchenko's
the article "Language and nature of humanity"

S. V. Chebanov

St. Petersburg State University
31 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia

Submitted on June 01, 2022
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

The article is devoted to the polemic with Alexander Kravchenko regarding his thesis that the way out of the protracted crisis in linguistics is to use a systemic approach to linguistic semiosis as biological adaptation. The author argues that linguistics is not in a state of crisis

but rather in a state of stagnation. Overcoming it presupposes an intensive methodological search that infinitely expands the horizons of permissible views rather than the use of a system approach that is inadequate to the task. At the same time, it is necessary to take into account the marginal manifestations of language as fully as possible to obtain truly universal results, which is impossible without clarifying the nature of man as the user of language. Human nature is in a very complex relationship with human biology in its anthropological understanding and the biology of *Homo sapiens* as an object of zoology as one of its components. The doctrines of different epochs and schools of thought, from the Book of the Prophet Ezra through Thomas Aquinas, from Palamas to Austin, from Searle to Shchedrovitsky and Father Georgy Kochetkov, are examples of works claiming to solve this problem.

Keywords: language, human nature, human biology, holism, modes of reality, methodology of linguistics, synthesis

References

- Alashari, M. and Torakawa, J., 1995. True tail in a newborn. *Pediatr. Dermatol*, 12(3), pp. 263–266.
- Andronikov, I. L., 1980–1981. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh* [Collected works in 3 volumes]. Moscow (in Russ.).
- Arapov, M. V., Efimova, E. N. and Shreider, Yu. A., 1975. On the meaning of rank distributions. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information], 2(1), pp. 9–20 (in Russ.).
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya. and Sherstino-va, T. Yu., 2019. Russian everyday speech corpus “One day of speech”: Current state and perspectives. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 21, pp. 101–110 (in Russ.).
- Bogin, G. I., 1984. *Model' yazykovoï lichnosti v ee otnoshenii k raznoïdnostyam tekstov* [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts]. PhD thesis. Leningrad (in Russ.).
- Chaikovskii, Yu. V., 2008. *Aktivnyi svyaznyi mir. Opyt teorii evolyutsii zhizni* [Active connected world. Experience of the theory of evolution of life]. Moscow (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 1990a. The main types of ideas about the nature of language. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 911. Tartu, pp. 112–136 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 1990b. Ideas of hermeneutics in applied linguistics. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 912. Tartu, pp. 92–111 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 2004. Synergetics and holistic images of language. In: S. V. Chebanov, ed. *Peterburg. Rossiya. Sotsium* [Petersburg. Russia. Society]. Vilnius, pp. 650–656 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 2007. On the hermeneuticization of applied linguistics. *Vestnik Toerskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Vestnik TvGU Series: Philology], 11 (207), pp. 273–291 (in Russ.).
- Chebanov, S. V., 1986. Complexity in biostratigraphy. In: *Sistemnyi podkhod v geologii (Teoreticheskie i prikladnye aspekty)* [System approach in geology (Theoretical and applied aspects)], part 1. Moscow, pp. 84–86 (in Russ.).
- Chebanov, S. V., 1994. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology. *Biology Forum*, 87(1), pp. 39–48.
- Chebanov, S. V., 1996. Speculative human biology. In: *Spekulyativnaya biologiya cheloveka: tez. dokl. Shkoly po teoreticheskoi biologii (Molodezhnoe, 1–5 fevralya 1993 g.)* [Speculative human biology. Abstracts of the School of Theoretical Biology]. Vilnius, pp. 4–5 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2010. Dish as a cultural and normative way of eating food: the role of ritual and environmental consequences. *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: theology, culture, education], 14 (3), pp. 421–448 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2013. Human ecology or ecology of Homo sapiens? In: *Nauka. Filosofiya. Religiya: sb. mater. XV konf. "Nauka. Filosofiya. Religiya". Problemy ekologii i krizis tsennosti sovremennoi tekhnogennoi tsivilizatsii (Dubna, 25–26 oktyabrya 2012 g.)* [Science. Philosophy. Religion. Collection of materials of the XV conference "Science. Philosophy. Religion". Problems of ecology and the crisis of values of modern technogenic civilization]. Moscow, pp. 265–294 (in Russ.).

Frumkina, R. M., 1999. The evergreen tree of theory [in memory of Yu. A. Schreider]. *Chelovek [A Man]*, 4, pp. 145–158 (in Russ.).

Galilei, G., n.d. *De Motu Antiquiora*. Available at: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD> [Accessed 13 December 2021].

Gapon, A. G., 2012. A typical human being in the perspective of zoological nomenclature. *Chelovek [A Man]*, 4, pp. 100–114 (in Russ.).

Glazkov, A. V., 2018. Mode of reality: definition, taxonomy, features. *Prepodavatel' XXI vek [The Teacher XXI century]*, 3–2, pp. 315–332 (in Russ.).

Gornon, A., 2014. *25-i kadr, ili Stikhi ne o tom (polifonosemantika)* [25th frame, or Poems not about that (polyphonosemantics)]. St. Petersburg (in Russ.).

Grigoriy Palama. *150 glav [150 chapters]*. 2006. Translated and notes by A. I. Sidorov. Krasnodar (in Russ.).

Grof, S. and Grof, K., eds., 2000. *Dukhovnyi krizis: Kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom* [Spiritual Crisis: When Personal Transformation Becomes a Crisis]. Moscow (in Russ.).

Kochetkov, Georgiy, Fr., 2020. *Tainy i tainstva cheloveka i Tserkvi: Opyt sovremennoi mistagogii vtoroi stupeni: v 3 ch. Ch. 2: Novaya khristianskaya (pravoslavnaya) antropologiya: Ob ustroenii i spasenii cheloveka i chelovechestva. Osnovy khristianskoi asketiki i mistiki* [Secrets and sacraments of man and the Church: Experience of modern mystagogue of the second stage: in 3 parts. Part 2: New Christian (Orthodox) anthropology: On the dispensation and salvation of man and mankind. Fundamentals of Christian asceticism and mysticism]. Moscow (in Russ.).

Kordonskii, S. G., 2001. *Tsikly deyatel'nosti i ideal'nye ob'ekty* [Cycles of activity and ideal objects]. Moscow (in Russ.).

Krenke, N. P., 1933–1935. *Fenogeneticheskaya izmenchivost'* [Phenogenetic variability]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Kudrin, B. I., 2002. Mathematics of cenoses: specific, rank-specific, rank-by-parameter hyperbolic H-distributions and the laws of Lotka, Zipf, Pareto, Mandelbrot. *Filosofskie osnovaniya tekhnologii. Matematicheskii apparat strukturnogo opisaniya tsenozov i giperbolicheskie N-ogranicheniya. Tsenologicheskie issledovaniya* [Philosophical Foundations of Technology. Mathematical apparatus of the structural description of cenoses and hyperbolic H-limits. Tsenological research], 19, pp. 357–412 (in Russ.).

Labov, W., 1978. *Denotational structure. Papers from the Parasession on the Lexicon*. Chicago, pp. 220–260.

Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York.

Lakoff, G., 1986. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects. In: *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam, pp. 13–52.

Lyubishchev, A. A., 1971. On the Criteria of Reality in Taxonomy. In: *Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistik i avtomaticheskogo perevoda* [Informational Issues of Semiotics, Linguistics and Automatic Translation], 1, pp. 67–81 (in Russ.).

Makh, E., 2012. *Mekhanika. Istoriko-kriticheskiy ocherk ee razvitiya* [Mechanics. Historical-critical sketch of its development]. Moscow (in Russ.).

Maslov, V.P. and Maslova, T.V., 2006. On Zipf's law and rank distributions in linguistics and semiotics. *Mathematical Notes*, 80 (5), pp. 718–732 (in Russ.).

Meyen, S.V. and Nalimov, V.V., 1979. Probabilistic world and probabilistic language. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and life], 6, pp. 22–27 (in Russ.).

Meyen, S.V., 1973. Plant morphology in its nomothetical aspects. *Botanical Review*, 39 (3), pp. 205–260.

Meyen, S.V., 2007. Morphology of plants in the nomothetic aspect. In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 162–222 (in Russ.).

Moon, C., 2017. Prenatal experience with the maternal voice. In: M. Filippa, P. Kuhn and B. Westrup, eds. *Early vocal contact and preterm infant brain development*. Cham, Switzerland, pp. 25–37.

Moudi, R., 2020. *Zhizn' posle zhizni: Issledovanie fenomena prodolzheniya zhizni posle smerti tela* [Life after life: The investigation of a phenomenon survival of bodily death]. Moscow (in Russ.).

Nalimov, B.V. and Meyen, S.V., 2007. Probabilistic world – an exit to another culture? (Is a second Mediterranean possible in European culture?). In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 87–100 (in Russ.).

Pik, A. and Khesht, A., 1910. *Klinicheskaya semiotika s obrashcheniem osobogo vnimaniya na ugrozhayushchie simptomy i ikh lechenie* [Clinical semiotics with a focus on threatening symptoms and their treatment]. St. Petersburg (in Russ.).

Podgornaya, E.A. and Demidenko, K.A., 2014. Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication. *Koncept* [Concept], 9(September), pp. 136–140. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14254.htm> [Accessed 13 December 2021] (in Russ.).

Polani, M., 1985. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy]. Moscow (in Russ.).

Romanova, N., 2019. *Zanyatiya po korrektsii disgrafii mladshikh shkol'nikov* [Classes for the correction of dysgraphia of younger schoolchildren]. No Place (in Russ.).

Rybinskii, V., comp., Minskii, D., ed., 2000. *Antologiya russkogo palindroma XX veka* [Anthology of the Russian palindrome of the twentieth century]. Moscow (in Russ.).

Ryko, A.I., 2018. *Detstvo Khomy: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [Khoma's Childhood: A Diary of Scientific Observations]. St. Petersburg (in Russ.).

Shcherba, L.V., 1974. About the triple aspect of linguistic phenomena and about the experiment in linguistics. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, pp. 24–39 (in Russ.).

Shreider, Yu. A. and Sharov, A.A., 1982. *Sistemy i modeli* [Systems and models]. Moscow (in Russ.).

Shreider, Yu. A., 1984. Multi-level and system nature of the reality studied by science. *Sistemnost' i evolyutsiya* [System and evolution]. Moscow, pp. 69–82 (in Russ.).

Sineokova, T.N., 2008. *Lingvistika izmenennykh sostoyanii soznaniya: ucheb. posobie* [Linguistics of Altered States of Consciousness: Textbook]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Sopikov, A.P., 2002. Interdisciplinarity as a type of complexity. In: *Problemy i perspektivy mezhdisciplinarnykh fundamental'nykh issledovaniy* [Problems and prospects of interdisciplinary fundamental research]. St. Petersburg, pp. 78–79 (in Russ.).

Spivak, D.L., 2000. *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* [Altered States of Consciousness: Psychology and Linguistics]. St. Petersburg (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1975. *Osnovy obshchego yazykoznaniya* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow (in Russ.).

Teilhard de Chardin, P., 1987. *Fenomen cheloveka* [Le Phénomène humain]. Translated by N. A. Sadovsky. Moscow (in Russ.).

Zhuravlev, A. P., 1991. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moscow (in Russ.).

Zubova, L. V., 2010. *Yazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Sergey V. Chebanov, Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

To cite this article:

Chebanov, S. V., 2022, Who is the one who uses the human language? On Alexander Kravchenko's article «Language and the nature of humanity (Invitation to discussion)», *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 25–44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ
КОНЦЕПТОВ И ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В РУСЛЕ ВОПЛОЩЕННОГО/УКОРЕНЕННОГО
(EMBODIED/GROUNDED) ПОДХОДА**

А. Д. Кошелев

Издательский Дом ЯСК
Россия, 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, 13/16, стр. 1
Поступила в редакцию 10.12.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-3

В статье предложен путь преодоления двух известных проблем воплощенной/укорененной теории познания: невозможность строго разделить модальные и амодальные символы и трудности с определением абстрактных концептов/имитаторов (абстрактных лексических значений). Предлагаемый функциональный подход базируется на восходящей к И.М. Сеченову дихотомии «перцептивные (внешние) vs. функциональные (внутренние) когнитивные единицы». Единицы этой дихотомии играют принципиально разные роли: функция – это телесный человеческий отклик на воспринятый объект и типичное действие с ним. Она строго определяет концепт и задаваемую им категорию. Перцепт – это типичный внешний вид объекта. Он позволяет быстро построить первичную гипотезу о том, к какой категории этот объект относится. Опора на функцию концепта и систему ее частных функций, возникающую в процессе когнитивного развития ребенка, открывает возможность строить вместо одного универсального «вневозрастного» концепта (и одного связанного с ним варианта лексического значения) онтогенетический концепт (онтоконцепт) – три возрастные варианта (три формы представления) концепта и, соответственно, три варианта значения слова, возникающие в процессе онтогенеза: дошкольного, раннего и позднего школьного возраста.

В качестве примера построен онтоконцепт СТУЛ и три варианта значения слова стул: целостный, системный и функциональный. Такие построения отвечают мысли Л.С. Выготского о том, что значение слова изменяется «при различных способах функционирования мысли». Иными словами, онтоконцепт поддерживает идею о гетерогенности вербального мышления (Х. Вернер, Л. С. Выготский, А.Р. Лурия, П. Тульвисте, Н.В. Романов), то есть идею о существовании не одного универсального, а нескольких видов вербального мышления, каждый из которых обусловлен соответствующим видом деятельности (практической, теоретической и др.) и использует свои системы понятий для решения задач, возникающих в рамках этой деятельности.

Ключевые слова: концепт, имитатор, лексическое значение, воплощенное познание, укорененный подход, практическое мышление, теоретическое мышление

1. Введение

Статья лежит в русле исследований (Кибрик, 1995; Касевич, 2000; Кошелев, 2013; 2017; 2021; Кравченко, 2021), посвященных анализу причин и путей преодоления долголетнего кризиса в теоретической лингвистике и, в частности, в языковой семантике. Косвенным образом ста-

тья включается в дискуссию, предложенную в статье А. В. Кравченко (см. данный номер журнала), поскольку рассматривает семантические проблемы в контексте современных теорий познания, но не в русле экологического подхода к языку, который развивает А. В. Кравченко, а в рамках другого, также хорошо известного, воплощенного/укорененного подхода. Внимательный читатель найдет здесь и немало переключек со статьей С. В. Чебанова, также публикуемой в этом номере.

Среди многообразия современных теорий познания (см. работы (Kravchenko, 2007; Leitan, Chaffey, 2014; Логинов, Спиридонов, 2017; Barsalou, 2020; Borghi, 2020; Kiefer, Harpaintner, 2020)), одно из важных мест занимает теория воплощенного (embodied), шире, укорененного (grounded) познания, возникшая в конце XX века как одна из альтернатив традиционному («бестелесному» («disembodied»), или «репрезентативному») подходу.

Согласно укорененной теории, познание обусловлено специфическими свойствами физического тела человека, которое обеспечивает ему прямой контакт с окружающей средой, минуя «посредника между человеком и окружающей средой в виде ментальной репрезентации» (Raab, Araújo, 2019, p. 1; здесь и далее перевод мой. — А. К.). Чтобы сделать дальнейшее изложение максимально эксплицитным и верифицируемым, я ограничусь рассмотрением главным образом теории Л. Барсалу «Системы перцептивных символов» (Barsalou, 1999; 2008; 2020) — одной из наиболее развитых версий укорененного подхода.

В рамках этой теории разделение репрезентативного и укорененного подходов к познанию базируется на дихотомии «модальные vs. амодальные символы». Модальные символы представляют в долговременной памяти перцептивный опыт, возникающий в сенсомоторных системах мозга (в широком смысле): в модальных системах восприятия (зрение, слух, вкус и др.), системах действий (движения, проприоцепции и пр.) и осознанных переживаний (психических состояний, аффекта). Сохраняясь в долговременной памяти как сокращенные и избирательные единицы перцептивного опыта (Barsalou, 1999), они, с одной стороны, наследуют модальную структуру этого опыта, а с другой — обретают символическую функцию — способность обозначать классы явлений феноменального мира, моделируя их общие перцептивные свойства. Согласно сторонникам укорененного подхода, из этих модальных символов складываются конкретные человеческие понятия (концепты, имитаторы). В соответствии же с традиционным (репрезентативным) подходом первичные знания, представленные в модальных системах, при дальнейших трансформациях утрачивают свою сенсорную природу. Они преобразуются в амодальные символы и, сохраняясь в этом формате в семантической памяти, поддерживают широкий спектр когнитивных процессов от восприятия до мышления.

Перейдем к обсуждению конкретных определений. В укорененной теории вместо терминов «понятие» и «член/экземпляр категории» используются соответственно термины «имитатор» (simulator) и «имитация» (simulation):

Имитация — это воспроизведение перцептивных, моторных и интроспективных состояний, приобретенных в процессе взаимодействия с миром, телом и разумом. По мере того как происходит переживание (например, опускание на стул), мозг фиксирует состояния во всех модальностях и объединяет их с мультимодальным представлением, хранящимся в памяти (например, как выглядит и ощущается стул, действие сидения, самоанализ комфорта и расслабления) (Barsalou, 2008, p. 618).

Тем самым формируется имитатор СТУЛ, который далее используется для порождения (моделирования) имитаций — представлений в подходящих ситуациях различных стульев. Поясним сказанное на примере. Согласно Барсалу, имитатор ПИЦЦА объединяет разнообразную информацию, сохраняющуюся в человеческой памяти от множества различных подсистем, активизирующихся у человека в процессе регулярного употребления пищи:

Например, могут стать активными области мозга, которые обрабатывают внешний вид, вкус, запах и ощущения от пищи, а также области, которые обрабатывают действия, эмоции и удовольствия, связанные с ее употреблением. Другими словами... в нейронных системах устанавливается распределенный ассоциативный паттерн... укоренившаяся ассоциативная сеть, которая раз за разом накапливает совокупные результаты наложения информации о пище на соответствующие нейронные системы (Barsalou, 2020, p. 9).

Эту мультимодальную совокупность знаний о пище Барсалу называет имитатором и считает эквивалентной концепту ПИЦЦА и значению слова *пицца*. При восприятии человеком объекта, имеющего ряд общих свойств с данным имитатором, его мультимодальные состояния активизируются и этот объект концептуализируется как экземпляр (имитация) категории ПИЦЦА, то есть как референт слова *пицца*. Если воспринятый объект в самом деле оказывается пиццей, утверждение становится верным. И напротив, если объект оказывается лепешкой, утверждение неверно.

Заканчивая этот краткий обзор, отмечу, что укорененный подход, без сомнения, внес весьма ценный вклад в теорию познания, выделив центральную роль модальных и других телесных характеристик в структуре понятия. В то же время, несмотря на огромную популярность и лавинообразный рост публикаций в течение последних 30 лет (Raab, Araújo, 2019, p. 2), этот подход не оправдал пока возлагаемых на него надежд заменить собою традиционный подход и стать общепризнанной теорией познания. Напротив, растут сомнения в реальности этих надежд. В некоторых недавних работах открыто признается, что исследования по укорененному познанию зашли в тупик, ср.:

Дискуссия о природе репрезентативного формата концептов, похоже, зашла в тупик. Дискуссия сталкивается с двумя фундаментальными проблемами. Во-первых, и амодалисты... и модаллисты... утверждают, что одни

и те же эмпирические данные совместимы с их взглядами. Во-вторых, нет общего понимания того, что такое модальный или амодальный формат (Michel, 2021, p. 655).

Спор между представителями амодального и укорененного подходов к познанию, похоже, зашел в тупик. Их единственное существенное различие касается формата концептов. <...> Проблема в том, что нет четкой характеристики (модального или амодального) формата или его нейронного коррелята (см., например, Machery, 2007; Mahon, 2016) (Wajnerman, 2018, p. 5245).

Между тем, напомним, что для представителей укорененного подхода дихотомия «модальные *vs.* амодальные символы» носит принципиальный характер, ср.: «С точки зрения укорененного познания маловероятно, что мозг содержит амодальные символы» (Barsalou, 2008, p. 618).

Неизбежность отмеченного в цитатах тупика обусловлена, на наш взгляд, тесной взаимосвязью двух проблем укорененного подхода: а) строгого разделения модального *vs.* амодального формата и б) определения абстрактных понятий. Последняя проблема стала едва ли не главным камнем преткновения для укорененной теории. В полной мере решить ее не удалось до сих пор (Lakoff, Johnson, 1999; Dove, 2011; 2016; Sakreida, et al., 2013; Pecher, Zeelenberg, 2018; Barsalou, 2020; Borghi 2020; Kiefer, Harpaintner, 2020). Дело в том, что с уровнем когнитивной единицы (конкретная/абстрактная) тесно связан ее формат — модальный/амодальный. И здесь возникает целый ряд вопросов: является ли имитация достаточно мелкозернистой, чтобы ее можно было назвать воплощенной, а не какой-либо абстракцией (Sanford, 2008, p. 189; Mahon, Hickok, 2016)? Насколько конкретны или абстрактны такие концепты, как СОБАКА/ФОКСТЕРЬЕР, ДЕРЕВО/КЛЕН? См. об этом в (Кошелев, 2020). Если в свете этих вопросов принять положение о том, что абстрактное представление амодально (Kiefer, Harpaintner, 2020, p. 120; Komp, 2020), то станет ясно, что амодальность, как и абстрактность, является градуальной (не дискретной) характеристикой. А значит, это же верно и для модальности. Иначе говоря, модальные и амодальные единицы не дискретны, а значит, их невозможно строго разделить.

Кроме того, не так давно обнаружилось, что многие эмпирические данные, поддерживающие укорененный подход, не специфичны для него и согласуются также с репрезентативным подходом (Michel, 2021; Wajnerman, 2018). Эти факты стимулировали развитие гибридных подходов, использующих как воплощенные, так и репрезентативные представления (Dove, 2011; 2016; Pulvermüller, et al. 2014, Zwaan, 2014; Barsalou, 2020).

Из всего вышесказанного следует, что набирающая популярность гибридная, репрезентативно-укорененная теории познания, хотя и представляет собой существенное расширение традиционного подхода, не является новым подходом, пришедшим на смену репрезентативному подходу.

Замечание. Обычно утверждается, что паттерн телесных ощущений — главный компонент имитатора — формируется в результате непосредст-

венного телесного взаимодействия человека с объектами данного типа (Barsalou, 1999, 2020). Однако такой телесный опыт вовсе не обязателен. В самом деле, возьмем, к примеру, имитатор ВЕЛОСИПЕД. Понятно, что он имеется у любого велосипедиста. Однако сходный имитатор имеется также и у человека, никогда не ездившего на велосипеде, при условии, что он видел велосипед и его использование другими людьми. Можно предположить, что у него автоматически формируется исходный (декларативный) имитатор только на основе знаний внешнего вида велосипеда и наблюдений за типичными действиями с ним при езде. На основе такого декларативного имитатора человек может распознать велосипед, объяснить, зачем он нужен, и даже показать, посредством каких действий его используют. Точно так же, если в памяти австралийского аборигена хранится полноценный (процедурный) имитатор БУМЕРАНГ, то в памяти человека, никогда не пользовавшегося бумерангом, но видевшего, как это делают другие, хранится декларативный имитатор БУМЕРАНГ – его доопытный аналог. Из этих рассуждений следует, что для многих окружающих человека предметов (курительная трубка, ружье, футбольный мяч, теннисная ракетка и пр.) в его памяти хранятся декларативные имитаторы. При этом в сфере обычной жизни они мало в чем уступают процедурным имитаторам.

Как будет показано ниже, репрезентативно-укорененная теория не позволяет получать адекватные и фальсифицируемые представления конкретных концептов/имитаторов. Это же верно и в отношении дефиниций абстрактных концептов, поскольку данная теория не дает ясного понимания сущности абстрактности.

2. Основные методы и положения функциональной теории значения

Излагаемая ниже функциональная теория концептов и основных лексических значений призвана преодолеть указанные выше проблемы. Сформулируем кратко ее основные методы и положения.

2.1. Метод анализа – общая теория развития. Главным инструментом анализа генезиса у человека концептуальных представлений будет общая теория развития, см. (Werner, 2004; Чуприкова 2007; Кошелев, 2019, с. 25–32). В соответствии с этой теорией сущность развития некоторого целостного объекта заключается в двухэтапной трансформации этой целостности в систему ее частей, например целостное представление дерева трансформируется в системное: корни – ствол – ветви с листьями. Сначала (этап дифференциации) целостность разделяется на самостоятельные части и связывавшие их (в рамках целого) отношения, а затем (этап интеграции) эти части и отношения соединяются в систему, аутентичную исходной целостности.

2.2. Первое положение функциональной теории. Дихотомия «модальные vs. амодальные символы» заменяется на дихотомию «сенсорные (внешние, экзогенные) vs. «функциональные (внутренние, эндогенные) когнитивные единицы». К сенсорным символам относятся перцепты – типизированные продукты непосредственного чувственного восприятия (визуальные, акустические и другие образы и их

нейронные корреляты), а к функциональным символам — типичные реакции человека (подсистем его нервной системы: вестибулярной, соматической, лимбической и др. (Tsien, 2008; Кошелев, 2017, §19)), включающие эмоции, мотивацию, проприоцепцию, интроспекцию и пр. Данная дихотомия составлена из единиц принципиально разной природы. Если перцепты *экзогенны* — являются продуктами внешних воздействий на сенсорный аппарат человека, то функции, напротив, имеют *эндогенную* природу, поскольку представляют собой внутренние отклики человека (его подсистем) на эти перцепты, то есть на воспринимаемые объекты и действия с ними.

Подчеркнем: сенсорные и функциональные единицы входят в состояние восприятия (*perceptual state*) в смысле Л. Барсалу, ср.: «состояние восприятия может содержать два компонента: неосознанное нейронное представление физического ввода и факультативное осознанное переживание (*optional conscious experience*)» (Barsalou, 1999, с. 577 — 578). Тем самым Барсалу тоже различает «представление физического ввода» и «осознанное переживание». Но Барсалу не разделяет их при определении имитатора. Дело в том, что реально сенсорные и функциональные единицы хранятся в памяти человека в слитном, не отделенном друг от друга виде. Ведь восприятие ребенком окружающего мира и его фрагментов всегда аффективно, мотивационно и эмоционально окрашено (содержит аффордансы (Гибсон, 1988)). Однако, как будет показано ниже, строгое разделение этих единиц, превращающее их тем самым в абстракции, радикально важно для анализа и определения понятий.

По существу, об этой дихотомии когнитивных единиц пронизательно писал И. М. Сеченов почти 150 лет назад:

Наряду с восприятиями из внешнего мира человек непрерывно получает впечатления от собственного тела... Первая половина чувствования имеет, как говорится, объективный характер, а вторая — чисто субъективный. Первой соответствуют предметы внешнего мира, а второй — чувственные состояния собственного тела — *самоощущения* (Сеченов, 1952, с. 388).

Эти чувственные состояния тела, или самоощущения, мы и называем эндогенными единицами, или функциями (в широком смысле слова)².

Условимся далее типичные сенсорные единицы, «оседающие» в долговременной памяти, называть Прототипами. Функция, которая часто активируется как реакция на данный Прототип в различных состояниях восприятия, начинает сохраняться в долговременной памяти вместе с ним. Мы будем записывать эту пару так: «Прототип Функция», где их соположение обозначает их слитность, синкретичность: появление в состоянии восприятия Прототипа сразу же активирует его Функ-

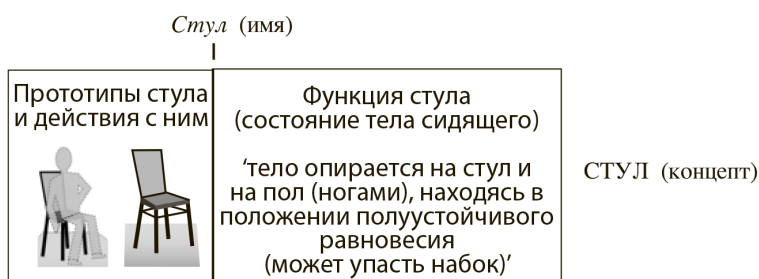
² В семиотическом плане введенная нами функция задает осмысление внешнего восприятия и в этой своей роли сходна с введенным Ч. Пирсом понятием «интерпретанта» и с понятием «значимость (*significance*)» (Пирс, 2000, с. 232).

цию. Функция интерпретирует Прототип, приписывает ему смысл (эмоцию, цель, телесное действие). Понятно, что априори Прототипы и Функции никак между собой не связаны. Связь между ними возникает только в ситуациях восприятия, когда воспринятые перцепты получают те или иные внутренние отклики (функции).

Приведем пример определения первичного детского понятия — концепта базового уровня — посредством пары «Прототип Функция».

(1) Целостный концепт СТУЛ (конкретное значение слова *стул*) (ребенку 2—3 года) =

Концепт СТУЛ (Прототип и Функция) имеет имя *стул*. Прототип стула представлен типичным визуальным образом. Наряду с Прототипом стула дается Прототип типичного действия с ним, которое отвечает его форме и реализует мотив сидящего ('занять удобное сидячее положение для отдыха или работы, часто за столом'). Прототип действия важен, поскольку со стулом осуществляются и другие действия, в которых он имеет другие функции: на него вешают одежду, кладут книги и пр.

Перейдем к Функции стула. Ее расширенное вербальное описание имеет вид 'Артефакт, сделанный для того, чтобы один человек мог сидеть на нем, опираясь телом (спиной, задом и ногами на пол) в полуустойчивой позе (может упасть набок)'. Подчеркнем: это не определение функции, а лишь содержательное описание *психофизического состояния* человека, сидящего на стуле. В соответствии с исследованиями в области памяти китайско-американского нейробиолога Дж. Циня (Tsien, 2008), психофизическое состояние человека на некотором отрезке времени фиксируется нейронным кодом памяти, объединяющим данные от различных подсистем его нервной системы, подробнее, см. (Кошелев, 2017, гл. 3). В данном случае это распределенный паттерн нейронной активности, содержащий данные от лимбической (мотивация сидящего на стуле), соматической, вестибулярной и других подсистем.

Далее мы примем естественную гипотезу о том, что структура нейробиологического кода концепта изоморфна его семантической структуре. Из нее следует, что на низком уровне концепт (1) представлен объединенным нейронным кодом Прототипа и Функции. Не лишено оснований также предположение, что оба эти кода, трактуемые

нами как слитные, физически локализованы в разных полушариях: нейрокод Прототипа (визуального образа) — в правом, а нейрокод Функции — в левом.

Как легко заметить, концепт (1) в целом аналогичен определениям имитаторов СТУЛ и ПИЦЦА, данным Л. Барсалу, см. выше. Разница лишь в том, что в (1) строго разделены сенсорные (Прототип) и функциональные (Функция) компоненты. Из этого разделения видно, что восприятие ребенком внешнего облика объекта сразу (через прототип) подсказывает ему, что можно с ним делать: сесть на него (стул), съесть его (яблоко) и т. д.

2.4. Второе положение функциональной теории. Общепринятое единое (вневозрастное) представление концепта (и лексического значения) заменяется онтогенетическим концептом, коротко — *онтоконцептом*, содержащим три возрастных варианта, или формы, представления концепта (значения): дошкольный (целостный, конкретный), возникающий у ребенка с 2–3 лет, см. (1), ранний школьный (системный, технический вариант), развивающийся у него из целостного варианта в возрасте 4–11 лет, и поздний школьный (функциональный, теоретический), развивающийся из системного варианта после 11 лет. В итоге понятие-значение хранится в памяти человека в виде такого трехсоставного онтоконцепта. При этом каждый его вариант используется человеком для решения задач определенного вида: целостный вариант — для практических, бытовых задач, системный — для технических, а функциональный — для теоретических (абстрактных).

Согласно известному положению Л. С. Выготского, человек, применяя различные виды вербального мышления для решения соответствующих задач, использует слово в разных значениях, ср.:

Все эти учения (о мышлении и речи. — А. К.) рассматривают слово и его значение *вне развития*. <...> Значение слова неконстантно... Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли (Выготский, 1996, с. 304–305).

Развивая это положение (Там же, гл. 4, 5), Выготский фактически ввел вместо одного, привычного нам значения двусоставный онтоконцепт: житейское понятие-значение (у ребенка 2–3 лет) — научное понятие-значение (у школьника с 12 лет). На него и опирается введенный нами трехсоставный, или трехуровневый, онтоконцепт.

3. Трехуровневый онтоконцепт

Обратимся теперь к анализу процесса образования у ребенка трехуровневых онтоконцептов. Для эксплицитности изложения сосредоточимся на конкретном онтоконцепте СТУЛ.

3.1. Системные концепты. Техническое мышление. Как было установлено выше, сначала у ребенка формируется целостный (и конкретный) концепт СТУЛ (1). В процессе последующего когнитивного развития ребенка этот концепт трансформируется в систему своих ча-

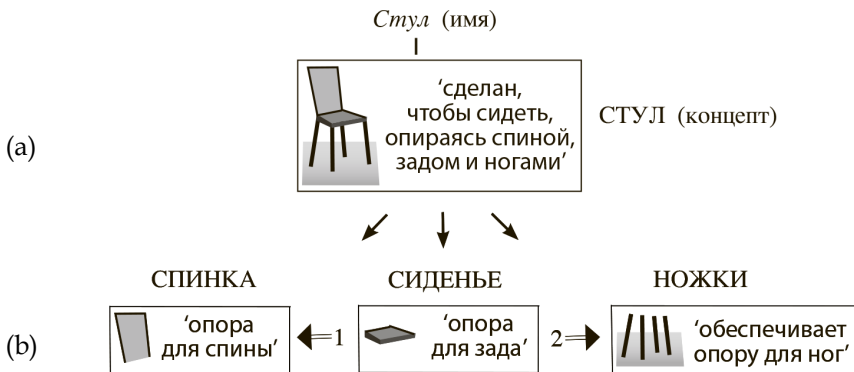

стей. Поясним кратко, как это происходит. Сначала делится на части общая функция стула — ‘сидеть, опираясь всем телом’. Дело в том, что в раннем возрасте ребенок ощущает свое тело целостно, слитно. Поэтому и прототип стула он воспринимает целостно, без вычленения спинки, сиденья и ножек. Но позднее тело ребенка разделяется на части: спина, зад, ноги и др., и превращается в систему частей. Соответственно, и единая опора целостного тела разделяется на части: опоры для спины (спинка) и др. А эти частные опоры индуцируют вычленение в целостном стуле физических частей: спинки, сиденья и ножек, обеспечивающих нужный уровень сиденья для опоры ногами на пол. Далее на этапе интеграции разделившиеся части и отношения объединяются в системный концепт **СТУЛ** = «СПИНКА $\leftarrow 1$ СИДЕНЬЕ $2 \Rightarrow$ НОЖКИ». В нем части соединены двумя пространственными отношениями $\leftarrow 1$ и $2 \Rightarrow$, которые указывают, как должны располагаться спинка и ножки относительно сиденья, чтобы все они обеспечивали сидячую позу, то есть выполняли функцию целостного стула.

Возьмем для простоты более лаконичное, чем (1), представление (2а) целостного концепта **СТУЛ**. Тогда получим:

(2) Двухуровневый онтоконцепт **СТУЛ** (два варианта основного значения слова *стул*)

(ребенку от 4 до 12 лет) =

В нем (b) — это системный вариант целостного концепта (a) **СТУЛ**. Здесь телесно воплощенными и конкретными являются только разделившиеся частные концепты **СПИНКА**, **СИДЕНЬЕ** и **НОЖКИ**. При этом вариант (b) становится менее конкретным (более абстрактным), чем (a), поскольку вместо целостного прототипа стула он содержит только прототипы отдельных частей. Одинарные стрелки обозначают отношение развития — трансформацию целостного варианта (a) в системный (b).

Замечание. Процесс трансформации целостных объектов в системные занимает (для сложных объектов) длительное время. Эксперименты Ж. Пиаже позволяют довольно точно локализовать во времени его составляющие: дифференциация объекта на части и отношения протекает с 4 до

7 лет, а их интеграция в систему — с 8 до 11 лет. Пиаже подчеркивает, что в первый период ребенок представляет предмет просто как совокупность частей, не связанных между собой: «До 7–8 лет ребенок, рисуя велосипед, знает, что нужны "колеса", "педали", "цепь", "маленькое колесико" и т.д. Поэтому он ограничивается тем, что рисует их рядом, и думает, что эти части "идут вместе", но не заботится о контакте между ними. Раз они существуют и имеют название, они необходимы. Но их взаимные отношения не представляют важности. То же самое происходит, когда речь идет о стране: страна — это, собственно, группа домов и кусок земли...» (Пиаже, 1999, с. 290). После 8 лет отношения между частями становятся для ребенка столь же важными, сколь и сами части. Поэтому совокупности частей велосипеда и других объектов превращаются у него в системы частей.

Следуя принятой выше гипотезе об изоморфизме семантического и нейронного представлений концепта, будем считать, что на нейронном уровне этот концепт также представлен двухуровневой системой нейронных кодов. При этом естественно предположить, что коды прототипов стула и его частей локализованы в правом полушарии, а коды их функций и вся система отношений хранятся в левом полушарии.

Системный вариант (b) концепта существенно углубляет уровень познания ребенком объекта. Знание его частей и их функций дает ему лучшее понимание того, как объект «работает», каковы вклады частей в осуществление его функции. Например, если стул начинает падать назад, можно сразу же предположить, что перестала «работать» его задняя ножка, поскольку именно ее функция элиминировалась. Понятно, что из целостного варианта (a) ничего подобного не следует.

Как отмечалось выше, образование целостных концептов типа (a) открыло для ребенка новые возможности в практическом мышлении и деятельности: он стал понимать назначение окружающих предметов и узнавать, как их использовать. Точно так же благодаря системному варианту (b) ребенок может теперь решать задачи нового типа — технические, связанные, к примеру, с ремонтом или сборкой стула (купленного в магазине в разобранном виде). Ведь для этого нужно знать вид и функции частей стула, а также их взаимное расположение, то есть отношения \Leftarrow и \Rightarrow . Целостный вариант (a) для этого не пригоден. И напротив, системный вариант не нужен для решения практических задач использования стула. Когда человек говорит собеседнику: «Бери стул и садись поближе», слово *стул* употребляется в целостном значении (a). Части стула собеседников не интересуют. Заметим, что, услышав слово *стул*, человек по контексту определяет, какой вариант значения (a) или (b) имел в виду говорящий.

Итак, с появлением системных концептов у ребенка формируется новый вид вербального мышления, который естественно назвать *техническим мышлением* (Романов, 2014, с. 83–97). Благодаря ему ребенок способен целесообразно манипулировать частями предметов. Он начинает строить пирамиды, домики из кубиков, песочные замки, игрушки из деталей конструктора и т.д. Как отмечает Н.А. Бернштейн, теперь ребенок различает в рубашке пуговицы и петли для них, рукава с их

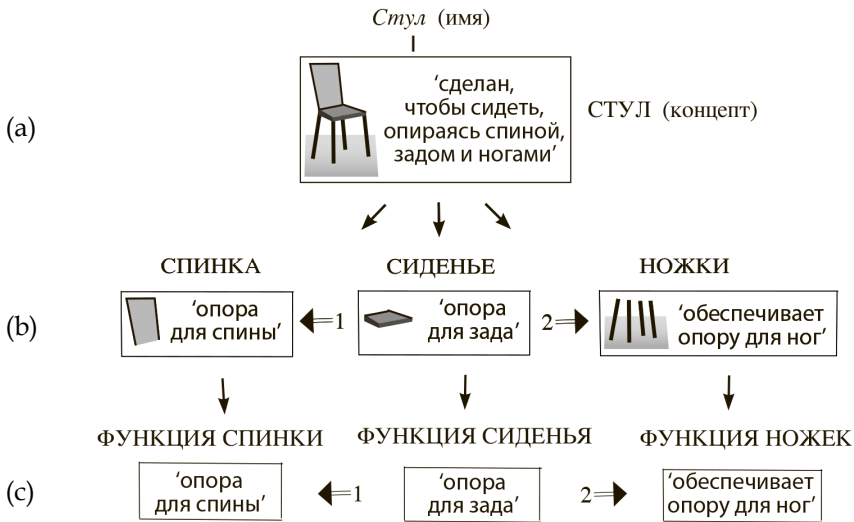

функциями и т.д. Поэтому он может самостоятельно надеть рубашку, застегнуть пуговицы, снять обувь на липучках и пр. По сравнению с использованием целостных предметов (практическое мышление) эти действия являются качественно новыми для ребенка. Бернштейн назвал их действиями предметного уровня *D*, особо подчеркнув, что они «почти монополюбно принадлежат человеку... Даже у высших обезьян процент их очень мал» (Бернштейн, 1947, с. 114).

Терминологическое замечание. Л. С. Выготский использовал для понятий два общих термина: спонтанное (синоним — житейское) и неспонтанное (в частности, научное), возникающее при вербальном обучении (Выготский, 1996, с. 199). В статье используются термины: практическое (синоним житейского, спонтанного) и теоретическое (синоним абстрактного, неспонтанного) понятия. Введенное мною системное понятие занимает промежуточное положение между спонтанным и неспонтанным понятиями. С одной стороны, его усвоение не требует вербального (обычно школьного) обучения, в отличие от теоретического понятия. С другой стороны, оно возникает у человека при решении специальных технических задач, требующих практического, точнее, симпрактического обучения (Романов, 2014, с. 87).

3.2. Функциональные концепты. Теоретическое мышление. С 12–13 лет к системному концепту (b) школьника добавляется уже чисто функциональный концепт (c), вообще не содержащий прототипов:

(3) Трехуровневый онтоконцепт СТУЛ (три варианта основного значения слова *стул*) =
(ребенку более 11 лет) =

Функциональный вариант (c) содержит только функции сиденья, спинки и ножек. Их прототипы уже отсутствуют. Накапливающийся у

ребенка опыт взаимодействия со стульями разного вида подсказывает ему, что прототипы частей стула не информативны. Ведь часть стула может иметь не прототипическую форму. Главное, чтобы она выполняла свою опорную функцию. Например, вместо четырех ножек у стула может быть одна толстая ножка в середине сиденья, или тонкая ножка с крестом внизу на колесиках (офисный стул), или две плоскости (рис.). Поэтому прототипы частей просто элиминируются, и в памяти ребенка остается чисто функциональное (и абстрактное) понятие (с).

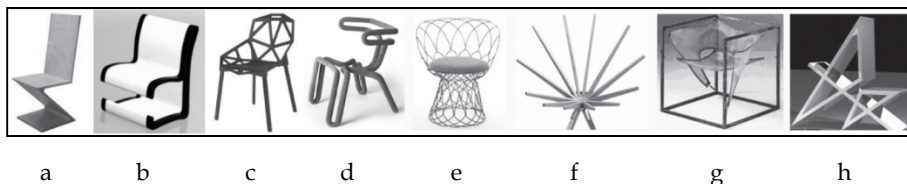

Рис. Дизайнерские стулья

Интересно заметить, что попутно подтверждается проницательная мысль Л. С. Выготского: «Развитие научных понятий должно непременно опираться на известный уровень созревания спонтанных понятий» (Выготский, 1996, с. 198). Функциональное (в частности, научное) понятие (с) развилось из системного понятия (b), а оно и есть продукт созревания целостного (спонтанного) понятия (a).

Функциональный вариант (с) онтоконцепта (3) дает старшему школьнику еще более глубокое понимание объекта, поскольку в отсутствие прототипической составляющей сосредоточивает его внимание на сущности стула — системе его опорных функций. Благодаря этому школьник обретает способность к абстрактному мышлению и начинает решать теоретические задачи, не связанные с его практическим опытом — с привычным ему видом стула и его частей. Например, он теперь может распознавать не встречавшиеся ему ранее сидячие места (в выступе скалы, в изгибе ствола дерева, в ступеньке лестницы), создавать новые сидячие места (приставив стопку кирпичей к стене и т. п.), идентифицировать необычные по внешнему виду дизайнерские стулья (рис.).

Функциональные варианты значения типа (3с) открывают человеку возможность решать совершенно новые, творческие задачи, связанные с целенаправленным преобразованием объекта. Теперь человек понимает, что, изменяя функции частей объекта (путем изменения их формы) или добавляя части с новыми функциями, можно изменять общую функцию объекта. Например, добавляя к стулу подлокотники, можно преобразовать его в кресло, модифицируя ножки кресла, можно сделать кресло-качалку и пр. Все это — задачи, относящиеся уже к теоретическому мышлению, которое оперирует исключительно функциональными (то есть абстрактными) концептами. Подчеркнем: системный концепт (3b) не позволяет всего этого делать, поскольку содержит прототипы частей стула.

3.3. Пример теоретического (абстрактного) мышления. Как уже отмечалось выше, слушающий по контексту определяет, какой из трех

вариантов онтоконцепта (3) обозначает услышанное имя *стул*. Сначала (по умолчанию) активируется наиболее частотное целостное (конкретное) значение (3а). А далее правильность принятого допущения проверяется контекстом. Проиллюстрируем этот тезис, а также способность человека посредством функциональных значений мыслить абстрактно, отвлеченно от привычной ему физической картины мира. Вот слегка измененное начало научно-фантастического рассказа А. Азимова «Молодость» (перевод Н. Шербиновской):

— Тощий! — Его окликнули хриплым, встревоженным шепотом, и он дернулся к окну. На самом деле у него было совсем другое имя, но его новый друг, с которым он познакомился накануне, едва взглянул на худощавую фигурку, сказал: «Ты — Тощий». И добавил: «А я — Рыжий». На самом деле его тоже звали совсем иначе, но это имечко явно шло к нему. Тощий крикнул: — Эй, Рыжий! — и радостно замахал ему, стряхивая с себя остатки сна.

Поскольку описывается обыденная ситуация, то включившееся по умолчанию практическое мышление, при котором воспринимаемые слова и выражения трактуются в их конкретных значениях, сохраняется. Но вот конец рассказа:

Рыжий смотрел, как отлетает корабль. Красные щупальца — из-за них он получил свое прозвище — все еще колыхались, выражая сожаление об утраченной надежде, а глаза на ножках были полны желтоватыми кристаллами, которые соответствовали нашим земным слезам.

Теперь, благодаря контексту, становится ясно, что прочитанные слова и выражения использовались в сугубо функциональных значениях, не содержащих привычных визуальных образов. Функциональная составляющая референтной ситуации осталась прежней ('общение подростков', ср. название рассказа — «Молодость»), но ее видимая составляющая стала отражать совершенно иную реальность.

Согласно мнению ряда ученых и разнообразным экспериментальным данным (Выготский, 1996, с. 199—200; Лурия, 1974 и др.), функциональные (теоретические) значения социально обусловлены и формируются в процессе обучения (у школьников — с 12—13 лет). Поэтому можно предположить, что десятилетний школьник или неграмотный узбекский крестьянин (участник экспериментов А.Р. Лурии), не обладающие знаниями о функциональных значениях, не поймут концовки рассказа Азимова.

В самом деле, согласно экспериментам Лурии (Лурия, 1974), неграмотные узбекские крестьяне легко решали простые счетные задачи типа «определить время пути до известного им города, скажем, до Ферганы, по известному расстоянию и скорости движения». Однако они не могли решать эти же задачи, если исходные данные противоречили их знаниям (например, когда заданное в задаче расстояние до Ферганы резко расходилось с реальным расстоянием, известным крестьянам).

Они отказывались решать такие задачи, говоря, что исходные данные не верны. В то же время их односельчане, поучившиеся в школе (по программе ликбеза) хотя бы 2—3 года, легко решали подобные задачи.

Аналогично, Пиаже в независимых исследованиях обнаружил это же свойство у 8—9-летних школьников. Когда им задавался вопрос: «Допустим, у собаки 6 голов. Сколько будет голов во дворе, где 5 собак?», они отказывались отвечать» (Пиаже, 1994, с. 243). В этом возрасте они были не способны принять допущение, что у собаки может быть больше одной головы. Но с 12 лет такие допущения их уже не смущали. Понятно, что функциональное значение слова *собака*, формирующееся у школьника к этому времени, вполне допускает у нее несколько голов.

3.4. Итоговые замечания. Онтоконцепт (3) СТУЛ представляет собой иерархию трех возрастных концептов: дошкольного (целостного), раннего школьного (системного) и позднего школьного (функционального), связанных отношением развития. Естественно предположить, что нейрокod онтоконцепта (3) формируется аналогично: путем добавления к нейрокodu онтоконцепта (2) нейрокoda функционального уровня (3с), который, по-видимому, уже целиком, вместе с отношениями, локализуется в левом полушарии. Легко понять, что, если вместо онтоконцепта (3) использовать какой-либо один, вневозрастной концепт СТУЛ (см., к примеру, приведенные выше определения имитатора СТУЛ, данные Л. Барсалу, которые включают в смешанном виде и стул, и его части, без разделения их на перцептивные и функциональные составляющие), то такой «усредненный» концепт никакому реальному нейронному коду памяти соответствовать не будет.

Как было показано, онтоконцепт (3) может служить наглядной иллюстрацией процитированной выше мысли Л. С. Выготского о том, что значение слова «изменяется при различных способах функционирования мысли» и прежде всего при решении типологически разных задач. Тем самым поддерживается идея о гетерогенности вербального мышления (Werner, 2004; Выготский, 1996; Лурия, 1974; Тульвисте, 1988; Романов, 2014, Глебкин, 2016), то есть идея о существовании у социально развитого человека не одного универсального, а нескольких, в данном случае трех, видов вербального мышления: практического, технического и теоретического, каждый из которых связан с соответствующим видом деятельности и решением задач, возникающих в рамках этой деятельности.

4. К определению категории

4.1. Категория как класс прямых референтов слова. Хорошо известно, что предметная категория задается основным значением слова, то есть представляет собой класс его прямых референтов. Это означает, что членами категории являются те и только те объекты, которые носитель языка может назвать именем категории в прямом, неметафорическом значении. Например, членами категории СТУЛЬЯ являются все

объекты, которые корректно называть словом *стул* в прямом значении. Скажем, стул, сделанный из папье-маше, можно назвать словом *стул*, но только метафорически, поэтому он не относится к данной категории. Таким образом, строгое определение человеческой категории СТУЛЬЯ сводится к точному определению основного значения слова *стул*. Однако общепризнанного решения эта задача до сих пор не получила. По крайней мере ни один из трех наиболее известных подходов: лексические толкования (словаря Longman, Ю. Д. Апресяна), определения концептов базового уровня Э. Рош и Дж. Лакоффа, дефиниции имитаторов (Л. Барсалу и др.) — не являются точными, поскольку все они опираются на прототип референтов. А поэтому они не способны охватить нетипичные референты, несомненно, входящие в человеческие категории.

Проиллюстрируем кратко этот тезис на примере дефиниций категории СТУЛ.

4.2. Лексические толкования. Рассмотрим традиционное толкование слова *стул*:

(4) Значение слова *стул* (словарь Longman) = 'предмет мебели, имеющий сиденье, спинку и четыре ножки, предназначенный, чтобы на нем сидел один человек' (прилагается несколько изображений типичных стульев).

Вполне аналогичное толкование, только без дополнительных рисунков, дано в словаре Ю. Д. Апресяна (Перспектив, 2010, с. 668). Легко убедиться, что толкование (4) и его аналоги задают категорию не всех, а лишь типичных стульев-референтов. Например, ни один из дизайнерских стульев, изображенных на рисунке, не входит в эту категорию. В то же время все они вполне корректно могут быть названы словом *стул* в прямом значении и, следовательно, входят в человеческую категорию СТУЛЬЯ.

Об этом же свидетельствует и признание Ю. Д. Апресяна, сделанное на основе его многолетней лексикографической работы:

Разумеется, от толкований лексических значений нельзя требовать той меры строгости, которая предъявляется к дефинициям научных понятий. [Это] некий идеал, к которому следует стремиться, с пониманием, что его невозможно реализовать в полном объеме даже в «лабораторных» условиях, не говоря уж о реальном словаре (Апресян, 2014, с. 14).

4.3. Имитаторы Барсалу. Как было показано во введении, имитатор СТУЛ, определенный Л. Барсалу, будучи гораздо более эксплицитным, чем (4) (содержит полимодальные телесно воплощенные свойства), представляет только типичные стулья, поскольку вид стула также в него входит, см. цитаты выше и модальное представление стула в (Barsalou, 1999, p. 579). Это и понятно: имитатор СТУЛ — продукт визуальных и телесных впечатлений человека от множества конкретных использований им различных стульев. А из них практически все являются более или менее типичными стульями.

4.4. Категории Э. Рош. Коснемся теперь определения концепта базового уровня СТУЛ, данного в русле направления работ (Rosch, 1978; Лакофф, 2004; Gallese, Lakoff, 2005), см. о них в (Кошелев, 2017, с. 53). Ряд обширных экспериментов дал основание Э. Рош и ее коллегам предположить, что предметную категорию определяет некоторый перцептивный прототип, вокруг которого группируются ее члены, в большей или меньшей степени похожие на него. Среди членов категории выделяются «лучшие представители», задающие этот прототип, — они являются стопроцентными членами категории — и другие, менее схожие с прототипом члены, принадлежащие категории в меньшей степени. Например, малиновка — «лучший представитель» категории ПТИЦА, а кухонный стул, согласно (Rosch, 1978), — более типичный представитель категории СТУЛЬЯ, чем другие виды стульев.

Однако в более поздних исследованиях Э. Рош, отмечая важность прототипических эффектов, вынуждена была констатировать неспособность прототипов служить достаточным основанием для формирования новой теории категоризации:

Распространенность прототипов в категориях реального мира и прототипичность как переменной величины показывает, что прототипы должны занимать определенное место в психологических теориях изучения, представления и обработки знаний. Тем не менее прототипы сами по себе не образуют какую-либо особую модель обработки, представления и изучения данных. <...> Хотя прототипы должны изучаться, они не создают какой-либо отдельной теории изучения категорий (Rosch, 1978, p. 40–41).

На этот факт позднее указывал и Дж. Лакофф (Лакофф, 2004, с. 69–70). При этом, однако, главный вопрос — о признаках определения категории с четкими границами, в которую наряду с типичными входят и объекты нетипичного вида, так и остался открытым.

4.5. Определение категории посредством онтоконцепта. Поскольку онтоконцепт (3) СТУЛ образован тремя концептами, он определяет одновременно три категории СТУЛЬЯ. Целостный концепт (3а) содержит прототип стула, поэтому он задает категорию только типичных (и близким к ним по внешнему виду) стульев. Она обеспечивает практическое использование стульев по их назначению.

Системный концепт (3б) заметно расширяет эту категорию. В частности, к ней присоединяются стулья (а–с) — см. рисунок, поскольку теперь внимание носителя языка привлекают также объекты, части которых схожи с соответствующими частями прототипа. У указанных объектов две части из трех сходны с соответствующими прототипами частей (3б). Поэтому после проверки их способности выполнять функцию стула, они присоединяются к категории СТУЛЬЯ. В ней стулья определены уже как системы своих частей, поэтому данная категория используется для решения более сложных, технических задач, связанных со стульями: их починка, сборка/разборка и т. п.

Наконец, функциональный концепт (3с) предельно расширяет предшествующую категорию. Он дает *строгое определение категории*

СТУЛЬЯ, совершенно не зависимое от внешнего вида стула. В частности, концепт (3с) позволяет идентифицировать все дизайнерские стулья (см. рис.), включая (f–h), как полноценные стулья, поскольку все они обеспечивают правильную систему опорных функций для сидящего человека. А ввиду того что все эти стулья вполне корректно назвать словом *стул* в основном (неметафорическом) значении, можно предположить, что данная категория в наибольшей степени сближается с человеческой категорией СТУЛЬЯ. Эта категория используется теоретическим мышлением человека для решения творческих задач, связанных со стульями: их модификация, придание им эстетических функций и пр.

Заметим, что в онтоконцепте (3), дающем полное определение человеческой категории, учитывается пожелание Э. Рош: прототипы в этом определении тоже используются, но не служат его основой. Так, при идентификации воспринятого объекта как стула прототипы стула и его частей (в концептах (3а) и (3б)) позволяют строить быструю гипотезу о том, что это стул. Однако для окончательного ответа всегда привлекается концепт (3с), посредством которого проверяется, обеспечивает ли объект (независимо от его внешнего вида) систему требуемых опор для зада, спины и ног человека.

4.6. Определение категорий разных видов. Обобщая проведенные рассуждения, можно утверждать, что любая ординарная категория строго определяется функциональным концептом типа (3с), то есть системой функций своих частей. Но аналогично определяется и суперординарная категория. Примеры: категория РАСТЕНИЯ определяется системой «Функция корня 'добывать из земли питание' \Leftarrow Функция надземной части 'постоянно расти, используя это питание'», а категория ИНСТРУМЕНТЫ – системой «Функция ручки 'ее держат рукой/руками для управления рабочей частью' \Leftarrow Функция рабочей части 'производить физические изменения в объекте'». Аналогично определяются гетерогенные категории: ОБУВЬ, МЕБЕЛЬ и т.п. (Кошелев, 2020).

Таким образом, для получения точного определения категории можно предложить следующий эвристический алгоритм: сначала из целостного представления члена категории нужно построить его системное представление – систему основных частей, а затем преобразовать ее в функциональное представление – систему функций этих частей. Она и будет служить ориентиром для итогового определения.

Выражаю глубокую благодарность А. В. Кравченко за ценные замечания.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Об Активном словаре русского языка // Активный словарь современного русского языка. Первый выпуск / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М., 2014. Т. 1. С. 5–36.

Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996.

Глебкин В. В. Тетральная модель когнитивного развития и культурно-историческая типология // Этнографическое обозрение. 2016. №3. С. 128–142.

- Касевич В. Б. Является ли лингвистика наукой? (По поводу статьи Жильбера Лазара) // Материалы XXIX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 14. Секция общего языкознания. СПб., 2000. Ч. 1. С. 53–68.
- Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1995. №5. С. 93–103.
- Кошелев А. Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня // Известия РАН. Сер. языка и литературы. 2013. Т. 72, №6. С. 3–22.
- Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2017.
- Кошелев А. Д. О генезисе мышления и языка. М., 2019.
- Кошелев А. Д. О когнитивных основаниях лексической классификации предметного мира // Вопросы психолингвистики. 2020. №4 (46). С. 59–75.
- Кошелев А. Д. О генезисе у ребенка понятий и лексических значений // Вопросы психолингвистики. 2021. №2 (48). С. 156–170.
- Кравченко А. В. Что не так с лингвистикой как наукой // Методология современного языкознания – 3 : сб. ст. в честь юбилея В. А. Пищальниковой / К. С. Карданова-Бирюкова (ред.). М., 2021. С. 163–176.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Логинов Н. И., Спиридонов В. Ф. Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, №1. С. 25–42.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Паувио А. Теория двойного кодирования и обучение // Когнитивная психология: история и современность. М., 2011. С. 110–117.
- Пиаже Ж. Мышление и речь ребенка. М., 1999.
- Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000.
- Перспектив активного словаря русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010.
- Романов В. Н. Культурно-историческая антропология. М. ; СПб., 2014.
- Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. Физиология и психология / под ред. и посл. Х. С. Коштоянца. М., 1952.
- Тулвисте П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин, 1988.
- Чунрикова Н. И. Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб., 2007.
- Barsalou L. W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. P. 577–660.
- Barsalou L. W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008. №59. P. 617–645.
- Barsalou L. W. On staying grounded and avoiding Quixotic dead ends // Psychonomic Bulletin & Review. 2016. №23. P. 1122–1142.
- Barsalou L. W. Challenges and Opportunities for Grounding Cognition // Journal of Cognition. 2020. Vol. 3 (1), №31. P. 1–24.
- Borghini A. M. A Future of Words: Language and the Challenge of Abstract Concepts // Journal of Cognition. 2020. Vol. 3(1). №42.
- Dobzhansky T. Biology, molecular and organismic // American Zoologist. 1964. Vol. 4, №4. P. 443–452.
- Dove G. On the need for embodied and dis-embodied cognition // Front. Psychology. 2011. №1. P. 242–251.
- Dove G. Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition // Psychon Bull Rev. 2016. Vol. 23. P. 1109–1121.
- Gallese V., Lakoff G. The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // Cognitive Neuropsychology. 2005. Vol. 22, №3, P. 455–479.

Hesslow G. The current status of the simulation theory of cognition // Brain research. 2012. №1428. P. 71–79.

Kiefer M., Harpaintner M. Varieties of abstract concepts and their grounding in perception or action // Open Psychology. 2020. №2. P. 119–137.

Kravchenko A. V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps // Language Sciences. 2006. Vol. 28, №1. P. 51–75.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: embodied mind and its challenge to Western thought. N. Y., 1999.

Leitan N. D., Chaffey L. Embodied cognition and its applications: A brief review // Sensoria: A Journal of Mind, Brain & Culture. 2014. Vol. 10, №1. P. 3–10.

Mahon B. Z., Hickok G. Arguments about the nature of concepts: symbols, embodiment, and beyond // Psychol. Bull. Rev. 2016. Vol. 23. P. 941–958.

Michel C. Overcoming the modal/amodal dichotomy of concepts // Phenom Cogn Sci. 2021. Vol. 20. P. 655–677.

Pecher D, Zeelenberg R. Boundaries to grounding abstract concepts // Phil. Trans. R. Soc. B, 2018. №373.

Pulvermüller F., Garagnani M., Wennekers T. Thinking in circuits: Toward neurobiological explanation in cognitive neuroscience // Biological Cybernetics. 2014. №108. P. 573–593.

Raab M., Araújo D. Embodied cognition with and without mental representations: The case of embodied choices in sports // Frontiers in Psychology. 2019. №10, art. 1825.

Rosch E. Principles of categorization // E. Rosch, B. B. Lloyd (eds.). Cognition and categorization. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. P. 28–49.

Sakreida K, Scorolli C, Menz M. et al. Are abstract action words embodied? An fMRI investigation at the interface between language and motor cognition // Front Hum Neurosci. 2013. Vol. 9, №7.

Sanford A. J. Defining embodiment in understanding // Symbol and embodiment: Debates on meaning and cognition / M. de Vega, A. Glenberg and A. Graesser (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 181–194.

Tsien J. Z. Neural coding of episodic memory // Dere E., Easton A., Nadel L., Huston J. P. (eds.). Handbook of Episodic Memory. Amsterdam etc., 2008. P. 399–416.

Wajnerman A. An efficient coding approach to the debate on grounded cognition // AW Paz – Synthese. 2018. Vol. 195, №12. P. 5245–5269.

Werner H. Comparative psychology of mental development (with a new prologue by Margery B. Franklin). Clinton Corners (NY), 2004.

Zwaan R. A. Embodiment and language comprehension: reframing the discussion // Trends Cogn. Sci. 2014. №18. P. 229–234.

Об авторе

Алексей Дмитриевич Кошелев, кандидат физико-математических наук, доцент, Издательский Дом ЯСК, Москва, Россия.

E-mail: koshelev47@gmail.com

Для цитирования:

Кошелев А. Д. О функциональном определении концептов и языковых значений в русле воплощенного/укорененного (embodied/grounded) подхода // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 45–67. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-3.

ON THE FUNCTIONAL DEFINITION OF CONCEPTS
AND LINGUISTIC MEANINGS:
THE EMBODIED/GROUNDED APPROACH

A. D. Koshelev

LRC Publishing House
13/16 Bolshaya Lubyanka, Moscow, 107031, Russia
Submitted on December 10, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-3

The article suggests a way to overcome two well-known problems of embodied/grounded theory of cognition: the impossibility of strict differentiating modal and amodal symbols, and the difficulty in defining abstract concepts/simulators (abstract lexical meanings). The proposed functional approach is based on the dichotomy 'perceptual (external) vs. functional (internal)' that goes back to Ivan Sechenov. These cognitive units are shown to play fundamentally different roles. The function – the embodied human response to the perceived object and the typical interaction with it – strictly defines the concept and the category set by it. The percept – the appearance of the object – allows one to quickly hypothesize which category this object belongs to. Based on the function of the concept and the division of this function into parts (private functions), it becomes possible to construct, instead of one generic concept (and one lexical meaning associated with it), an ontogenetic concept (ontoconcept) as three age-related variants of the concept (and, accordingly, three variants of the meaning of the word), arising in ontogeny – in preschoolers, early school and late school. As an example, the ontoconcept CHAIR and three variants of the meaning of the word chair are constructed. These constructions resonate with Vygotsky's thought that the meaning of the word changes with the different modes of thinking. In other words, the ontoconcept supports the idea of heterogeneous verbal thinking (Werner, Vygotsky, Luria, Tul'viste, and Pomanov), arguing that there are several types of verbal thinking associated with different types of human activity and the tasks solved within the framework of this activity (applied, theoretical, artistic, etc.).

Keywords: concept, simulator, lexical meaning, embodied cognition, grounded approach, concrete thinking, abstract thinking

References

- Apresyan, Yu.D., 2014. About the Active dictionary of the Russian language. In: Yu.D. Apresyan, ed. *Aktivnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [An Active dictionary of Modern Russian], Vol. 1, pp. 5–36. Moscow (in Russ.).
- Apresyan, Yu.D., ed., 2010. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [The prospectus of the active dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Barsalou, L.W., 1999. Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 22, pp. 577–660.
- Barsalou, L.W., 2008. Grounded cognition. *Annual Review of Psychology*, 59, pp. 617–645.
- Barsalou, L.W., 2016. On staying grounded and avoiding Quixotic dead ends. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23 (4), pp. 1122–1142.
- Barsalou, L.W., 2020. Challenges and Opportunities for Grounding Cognition. *Journal of Cognition*, 3 (1): 31.
- Bernshtein, N.A., 1947. *O postroenii dvizhenii* [About the construction of movements]. Moscow (in Russ.).

Borghì, A. M., 2020. A Future of Words: Language and the Challenge of Abstract Concepts. *Journal of Cognition*, 3(1): 42.

Chuprikova, N. I., 2007. *Umstvennoe razvitie. Printsip differentsiatsii* [Mental development. The Principle of differentiation]. St. Petersburg (in Russ.).

Dobzhansky, T., 1964. Biology, molecular and organismic. *American Zoologist*, 4 (4), pp. 443–452.

Dove, G., 2011. On the need for embodied and dis-embodied cognition. *Front. Psychology*, 1, pp. 242–251.

Dove, G., 2016. Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition. *Psychon Bull Rev*, 23, pp. 1109–1121.

Gallese, V. and Lakoff, G., 2005. The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge. *Cognitive Neuropsychology*, 22 (3), pp. 455–479.

Glebkin, V. V., 2016. A Tetramerous Model of Cognitive Development and the Cultural-Historical Typology. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 3, pp. 128–145 (in Russ.).

Hesslow, G., 2012. The current status of the simulation theory of cognition. *Brain research*, 1428, pp. 71–79.

Kasevich, V. B., 2000. Is linguistics a science? (About the article by Gilbert Lazar]. In: *Materialy XXIX mezvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov. Vyp. 14. Sektsiya obshchego yazykoznaniya* [Materials of the XXIX interuniversity scientific and methodological conference of teachers and postgraduates. Vol. 14. General Linguistics Section]. St. Petersburg, pp. 16–22 (in Russ.).

Kibrik, A. E., 1995. Modern linguistics: From where to where. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 5, pp. 93–103 (in Russ.).

Kiefer, M. and Harpaintner, M., 2020. Varieties of abstract concepts and their grounding in perception or action. *Open Psychology*, 2, pp. 119–137.

Koshelev, A. D., 2021. On the genesis of the child's concepts and lexical meanings. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (48), pp. 156–170 (in Russ.).

Koshelev, A. D., 2013. Modern linguistic theory as the Tower of Babel (Can numerous antagonistic linguistic theories peacefully coexist). *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 72 (6), pp. 3–22 (in Russ.).

Koshelev, A. D., 2019. *O genezise myshleniya i yazyka* [On the Genesis of Thought and Language]. Moscow (in Russ.).

Koshelev, A. D., 2020. On the cognitive foundation of lexical classification of the subject world. *Journal of Psycholinguistics*, 4 (46), pp. 59–75 (in Russ.).

Koshelev, A. D., 2017. *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka* [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2006. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language Sciences*, 28 (1), pp. 51–75.

Kravchenko, A. V., 2021. What's wrong with linguistics as a science. In: K. S. Kardanova-Biryukova, ed. *Metodologiya sovremennogo yazykoznaniya – 3: sb. st. v chest' yubileya V. A. Pishchal'nikovoi* [Methodology of modern Linguistics – 3: collection of articles in honor of the anniversary of V. A. Pishchalnikova]. Moscow, pp. 163–176 (in Russ.).

Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the flesh: embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books.

Lakoff, G., 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind]. Moscow (in Russ.).

Leitan, N.D. and Chaffey, L., 2014. Embodied cognition and its applications: A brief review. *Sensoria: A Journal of Mind, Brain & Culture*, 10(1), pp. 3–10.

Loginov, N.I. and Spiridonov, V.F., 2017. Embodied Cognition as a Current Trend in Cognitive Psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 7 (1), pp. 25–42 (in Russ.).

Luria, A.R., 1974. *Ob istoricheskom razvittii poznavatel'nykh protsessov* [On the historical development of cognitive processes]. Moscow (in Russ.).

Mahon, B.Z. and Hickok, G., 2016. Arguments about the nature of concepts: symbols, embodiment, and beyond. *Psychonomic Bulletin and Review*, 23 (4), pp. 941–958.

Michel, C., 2021. Overcoming the modal/amodal dichotomy of concepts. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 20 (4), pp. 655–677.

Paivio, A., 2011. Dual coding theory and education. In: *Kognitivnaya psikhologiya: istoriya i sovremennost'* [Cognitive Psychology: History and modernity]. Moscow, pp. 110–117 (in Russ.).

Pecher, D. and Zeelenberg, R., 2018. Boundaries to grounding abstract concepts. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 373: 20170132.

Piaget, J., 1999. *Rech' i myshlenie rebenka* [Speech and thinking of a child]. Moscow (in Russ.).

Pierce, Ch. S., 2000. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow (in Russ.).

Pulvermuller, F., Garagnani, M. and Wennekers, T., 2014. Thinking in circuits: Toward neurobiological explanation in cognitive neuroscience. *Biological Cybernetics*, 108, pp. 573–593.

Raab, M. and Araújo, D., 2019. Embodied cognition with and without mental representations: The case of embodied choices in sports. *Frontiers in Psychology*, 10: 1825.

Romanov, V.N., 2014. *Kul'turno-istoricheskaya antropologiya* [Cultural and historical anthropology]. Moscow; St. Petersburg (in Russ.).

Rosch, E., 1978. Principles of categorization. In: E. Rosch and B.B. Lloyd, eds. *Cognition and categorization*, pp. 28–49.

Sakreida, K., Scorolli, C., Menz, M., Heim, S., Borghi, A. and Binkofski, F., 2013. Are abstract action words embodied? An fMRI investigation at the interface between language and motor cognition. *Front Hum Neurosci*, 9(7): 125.

Sanford, A.J., 2008. Defining embodiment in understanding. In: M. de Vega, A. Glenberg and A. Graesser, eds. *Symbol and embodiment: Debates on meaning and cognition*. Oxford: Oxford University Press, pp. 181–194.

Sechenov, I.M., 1952. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1. Fiziologiya i psikhologiya* [Selected works. Vol. 1. Physiology and psychology]. Moscow (in Russ.).

Tsien, J.Z., 2008. Neural coding of episodic memory. In: E. Dere, A. Easton, L. Nadel and J.P. Huston, eds. *Handbook of Episodic Memory*. Amsterdam etc., pp. 399–416.

Tulviste, P., 1988. *Kul'turno-istoricheskoe razvitie verbal'nogo myshleniya* [Cultural and historical development of verbal thinking]. Tallinn (in Russ.).

Vygotsky, L.S., 1986. *Myshlenie i rech'* [Thought and Language]. Moscow (in Russ.).

Wajnerman, A., 2018. An efficient coding approach to the debate on grounded cognition. *AW Paz – Synthese*, 195 (12), pp. 5245–5269.

Werner, H., 2004. *Comparative psychology of mental development (with a new prologue by Margery B. Franklin)*. Clinton Corners (NY): Percheron Press.

Zwaan, R. A., 2014. Embodiment and language comprehension: reframing the discussion. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (5), pp. 229–234.

The author

Dr Alexey D. Koshelev, Associate Professor, LRC Publishing House, Russia.
E-mail: koshelev47@gmail.com

To cite this article:

Koshelev, A. D. 2022, On the functional definition of concepts and linguistic meanings: the embodied/grounded approach, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no 3, p. 45–67. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

О ФОРМАХ МАНИФЕСТАЦИИ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

С. Г. Проскурин^{1, 2}, А. В. Проскурина²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

² Новосибирский государственный технический университет
630073, Россия, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20

Поступила в редакцию 17.12.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

Представление языковых явлений как манифестации магической функции языка стало предметом настоящей статьи. В системных классификациях, таксономиях и линейных явлениях, таких как эвфемизация и перформативность, отражаются верования и социально-духовные функции человеческих обществ. Набор лингвистических форм и средств напрямую определяется существовавшими религиозными воззрениями. В статье речь идет о некотором фундаменте верований в виде элементарных «первичных перформативов», которые нельзя отрицать с позиции логики, а можно представить как успешные и неуспешные. Иными словами, вся совокупность культурных представлений зиждется на элементарных перформативах. Другим примером преемственности лингвистических форм религиозных верований выступает эвфемизация. Системные классификации в языках австралийских аборигенов и одушевленный / неодушевленный род в индоевропейских языках предстают зависимыми от религиозного выбора сущностями в виде предпочтений, возникающих в тотемных представлениях народов. В результате анализа нами реконструируются области пересечения верований и лингвистических форм. Языковая форма находится в некоторой гармонии с определенными стадиями развития общества, а также его социальной организацией. Так, нами определяется изоморфизм лингвистических и социальных структур австралийских аборигенов. В индоевропейских языках таксономии родов восходят к первичным делениям на основы, определяемые как активные / одушевленные и инактивные / неодушевленные. В статье показано, что на одушевленность / неодушевленность влияет этап анимизма.

Ключевые слова: язык, культура, перформативность, основа, одушевленный, неодушевленный

1. Введение

Язык — это сложный идеальный организм, который по-своему отражает экстралингвистические представления носителей языка. В нашем исследовании речь пойдет о влиянии религиозных представлений на ткань языка, а также на системные классификации и таксономии, определяющие языковые формы. Пересечение верований и их репрезентаций в языках как некоторой совокупности еще не были предметом лингвистического и философского анализа. В настоящей статье авторы стремятся восполнить отмеченный пробел в виде экскурса в элементарные формы религиозной жизни и представить лингвистические явле-

ния как их продолжения. Цель исследования — системная классификация явлений, которая отвечает за репрезентацию таксономий окружающего мира в ткани языка. Методология исследования обращена к филологическому анализу текстов и лексиконов с опорой на системные представления о языке. Различные народы классифицируют реалии в виде оригинальных таксономий окружающего мира. Классификации встроены в язык и определяют его самобытность. Извлекаемые из классификаций категории представляют собой наглядное продолжение архаических форм сознания и элементарных форм религиозной жизни.

2. Элементарные формы религиозной жизни. Эвфемизация и перформативность

Сложное социальное устройство архаического общества, поделенного на фратрии, объясняется наличием относительно развитой системы распознавания и толкования окружающей среды. Эволюция человеческих обществ предполагает развитие групповой поддержки, фратрий, каст, коалиций и т. п., иными словами, вовлечение других людей в некие коллективные действия для обеспечения собственного индивидуального выживания. Ограниченные интуитивные ожидания аборигенов выражались в обряде инициаций и тайных культов, основной идеей которых была передача неофитам мифологических знаний о смерти и (новом) рождении.

В обряде инициаций Солнце, как отмечает М. Элиаде, отождествляется с человеком. В этом обряде неофиту необходимо вырвать себе волосы и бороду, выкрасить голову в красный цвет, тем самым пройти символическую «смерть», а наутро, подобно сыну Творца (солярному герою Грогорагалли), «воскреснуть» вместе с Солнцем. Для австралийских племен Солнце находится в определенных отношениях с каждым членом общины, так как напрямую связано с посмертной судьбой человека. Сверхъестественное понимание Солнца отражается в прообразе умершего, оживающего каждым утром и, в отличие от Луны, не знающего смерти, а поэтому тождественного самому себе. Заход Солнца аборигенами трактовался как процесс погружения в царство мертвых. Иными словами, в архаических лунарных иерофаниях солярный культ тесно связан с культом предков. В представлении сотериологических функций Луны фратрии имели миф о появлении нового человека в древнем ритуале инициации. Фазы Луны представлялись воскрешением, поэтому в таких обрядах неофит проходит через ритуальную смерть, после которой наступает восстановление подлинной личности человека, его возрождение в качестве нового человека. В таких обрядах неофит появляется на свет из так называемой могилы, как Луна выходит из темноты (Элиаде, 2021а, с.126—129, 159). Следовательно, связь «Солнце — Луна» имеет свою когнитивную репрезентацию уже на самых ранних архаических стадиях, свидетельствуя о самоопределении человека в общей картине универсума.

Подлинные знания, которые передаются посредством мифов и символов, доступны древнему человеку только в процессе духовного

возрождения обряда инициации. М. Элиаде подчеркивает смысл древних обрядов, указывая на то, что человеку архаическому свойственно желание победить смерть, изменяя ее значение, что в конечном итоге она перестала быть *прекращением* и приобрела смысл *обряда перехода*. Триада рождения, смерти и возрождения выступала одним целым, являясь рекуррентным явлением. Эта идея бессмертия воплощается в каждом новом религиозном восприятии, к которому так стремится человек, постоянно умирая и воскресая в религиозных практиках (Элиаде, 2021б, с. 233–235).

Формы религиозной жизни отражаются в языке также в виде табу и эвфемизмов. Благодаря исследованию корня *svoļь (инд.-евр. -*su) стал возможен анализ древней этимологии слова «смерть»: «Слав. *sъ-mьrtь смерть собственно своя благовидная смерть как индоевропейский архаизм» (Грубачев, 1987, с. 60–61). Своя смерть — естественная смерть. Остается спорным: «Означает ли префикс *su- в этом слове “свое” или “хорошее”, т.е. “своя смерть” — это и “хорошая смерть”? В любом случае инвариантом выражений остается “естественная”, “природная” смерть. Прямое обозначение “природная” в сущности совпадает с эвфемистическими “своя”, “хорошая» (Степанов, 2004, с. 9). Обратимся к словарю древнеанглийского языка и рассмотрим связи слова *forðferan* («умирать») / *forðferde* («умер»), *forðfērednes* («смерть»): 1. *Faran* — сильный глагол: «ехать», «двигаться», «идти», «уезжать», «действовать», «терпеть», «претерпевать»; *gefaran* — «умирать», «наступать», «брать верх», «ловить», «сохранить»; новоангл. *fare*; древнефриз., древнеисл. *fara*; древнесакс., древневерхненем., готский *faran*; греческий *περάω*, *πείρω*, *πόρο-ς*; древнеслав. *pera*, *na-perja*; 2. *For* — предлог: «перед», «на стороне», «вместо», «вследствие», «несмотря на»; наречие *fer*: новоангл. *for*, древнефриз. *for-*, *ur-*, *far-*, *fir-*, древнеисл. *for*, гот. *faúr*, лат. *por-*, греч. *πάρ(α)*; 3. *Ford* — наречие: «дальше», «вперед», «отсюда», «оттуда», «постоянно», «все еще», «одновременно»; предлог: «во время», новоангл. *forth*, древнефриз., древнесакс. *cort* (Holthausen, 1974, с. 98; 112).

Религиозные практики связываются с фундаментальными явлениями в языке, такими как перформативные ядра. Оказывается, что с точки зрения языка нельзя опровергнуть базовые сущности, например веру. Переход от устной к письменной традиции ознаменовался целой серией трансформаций, главной из которых была ранняя перформативность, опиравшаяся на специфическую роль голоса. Голос в архаической культуре сравним с более поздней письменностью. Быть произнесенным в устной культуре — это получить своеобразный «вид на жительство». Голос оформляет «первичные перформативы». Под «первичными перформативами» понимаются опорные конструкции, которые выходят за пределы логического оценивания по шкале истинный / ложный. Такие конструкции не поддаются отрицанию, они являются либо успешными, либо неуспешными (см.: (Остин, 2006)). Это своеобразные перформативные каркасы культуры, на которых она покоится. Не случайно, что подобные конструкции встречаются в очень древних текстах. Так, в Библии имеются перформативные контексты: «И сказал

Бог: да будет свет. И стал свет. <...>. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь. <...>. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. <...>. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» (Быт 1:6–11). Бог говорит, и это одновременно и есть деяние. Таким образом, реализуется «первичный перформатив», который становится в культуре выше логической оценки. Любой прочитавший эти речевые конструкции не может их отрицать по правилу перформатива, сформулированному Дж. Остином. Языки и культура имеют сетевую структуру, содержащую перформативное ядро как ценность, способную стать источником метаописания, которые рассматриваются субъектами как ценности второго порядка. В центре языка и культуры находятся перформативы, трансформируемые в метаоператоры ритуалов (ср. перформатив *Я клянусь*, но метаоператор — констатив *Он клянется*). В таком ядре рождаются перформативные конструкции, на которых покоится вера. Обратимся к одному из религиозных гимнов — *Cædmon's Hymn* (Гимн Кэдмона) (оригинал текста представлен по: (Old English shorter poems, 2012);

Cædmon's Hymn

Nu scylun hergan hefaen-ricaes uard,
metudæs maecti end his mod-gidanc,
uerc uuldur-fadur, sue he uundra gihuaes,
eci dryctin, or astelidæ.
5 He aerist scop aelda barnum
heben til hrofe, haleg scepem;
tha middun-geard mon-cynnæs uard,
eci dryctin, æfter tiadæ,
firum foldu, frea allmectig.

Гимн Кэдмона

Сейчас мы должны возблагодарить
Хранителя Царства Небесного, мощь
Создателя и волю Его намерений, дея-
ния Отца славы, когда он, вечный Гос-
подь, положил начало всякой твари.
5 Он, святой Создатель, сперва превра-
тил небо в крышу над детьми челове-
ческими; затем Хранитель людской,
вечный Господь, всемогущий Прави-
тель создал для людей срединный мир.

В божественном гимне, ставшем доступным по легенде Кэдмону во сне, содержится восемь именовании Господа, традиционных для древнеанглийского периода: *hefaen-ricaes uard* — Хранитель Царства Небесного, *metudæs* — Создатель, *uuldur-fadur* — Отец славы, *eci dryctin* — вечный Господь, *haleg scepem* — святой Создатель, *mon-cynnæs uard* — Хранитель людской, *frea allmectig* — всемогущий Правитель. В «Гимне Кэдмона» есть лексема *middun-geard* — срединный мир, указывающая на представление о пространстве. В гимне имеется перформатив — *Nu scylun hergan* (Сейчас должны восславить), звучащий как призыв к действию и являющийся комплексом, на котором покоится повествование гимна.

Языковые явления эвфемизации и перформативности детерминируются элементарными формами религии и отвечают за распознаваемость самих явлений. Определения верований имеют под собой философские обоснования и не могут быть поняты иначе как в связи с языком и его лингвистическими формами.

3. Языковые классификаторы

В своей позиции мы исходим из того, что существует изоморфизм в социальной организации общества и некоторых категориальных членениях языков. Так, обратимся к лингвистическим классификаторам языка аборигенов Австралии — дьирбал (Dyirbal) — в когнитивной интерпретации Дж. Лакоффа, установленным Робертом Диксоном (Лакофф, 1988, с. 13):

(I) bayi

мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большая часть змей, большая часть рыб, некоторые птицы, большая часть насекомых, луна, грозы, радуги, бумеранги, некоторые типы копий и т. д.

(II) balan

женщины, бандикуты (сумчатые барсуки), собаки, утконосы, ехидна, некоторые змеи, некоторые рыбы, большая часть птиц, светлячки, скорпионы, сверчки, волосатый червь (the hairy mary grub), все, связанное с водой и огнем, солнцем и звездами, щиты, некоторые типы копий, некоторые деревья и т. д.

(III) balam

все съедобные фрукты и растения, на которых они произрастают, клубни, папоротники, мед, сигареты, вино, лепешки.

(IV) bala

части тела, мясо, пчелы, ветер, заостренные палки, некоторые типы копий, большая часть деревьев, трава, грязь, камни, звуки, язык и т. д.

Используя эти четыре слова bayi, balan, balam, bala, говорящие на языке дьирбал подвергают классификации все предметы окружающего мира. Отсюда ясна необходимость употребления перед каждым существительным соответствующего классификатора.

Для австралийских аборигенов характерно социальное устройство общества, поделенное на фратрии. Как установил Э. Дюркгейм, деление на фратрии является структурной особенностью социальной организации общества. В труде «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» классик социологии отмечает, что австралиец воспринимает природу согласно названиям следующих фратрий: солнце, луна и звезды относятся к одной или другой фратрии. Так, племя, проживавшее в районе Маккая в Квинсленде, состоит из двух фратрий (йунгароо и воотароо) — и точно так же именуются фратрии в соседних племенах. Примечательно, что все одушевленные и неодушевленные предметы поделены данными племенами на два класса, называемых также йунгароо и воотароо. В каждой фратрии люди делятся на кланы, и вещи, принадлежавшие к той или иной фратрии, делятся между составляющими их кланами. Иными словами, все существа представляют собой систематизированную классификацию, охватывающую всю природу, как то: некое дерево относится к клану кенгуру и только к нему, и поэтому тотемом этого дерева, точно так же, как и тотемом людей, будет кенгуру (Дюркгейм, 2018, с. 270–271).

Подобный способ систематизации представляет собой предпосылку появления классификаторов, которые естественным образом находят свое место в такой классификации. Следовательно, такой подход позволяет разделить эту систему на две составные части, то есть фратрии, члениющиеся на кланы, за которыми закрепляется определенное число вещей и явлений окружающего мира.

Приведем таксономию, описанную в работе Э. Дюркгейма, объясняющую выбор обозначенных предметов в социуме:

Племя вотьобалук также разделено на две фратрии — гурогити и гумати (по Хауитту, крокитч и гамутч). Мы не будем продолжать подробное описание и удовлетворимся тем, что перечислим предметы, принадлежащие к нескольким кланам фратрии гурогити, опираясь на данные Мэтьюса.

За кланом ямса числятся индейка, обитающая на равнинах, дикий кот, мопоке, сова дийм-дийм, курица маллее, попугай розелла и пеевее.

За кланом мидии: серый эму, дикобраз, кроншнеп, белый какаду, древесная утка, ящерица маллее, вонючая черепаха, белка-летяга, опоссум со свернутым в кольцо хвостом, бронзовокрылый голубь (bronze-wing) и вижугла.

За кланом солнца: бандикут, луна, кенгуровая крыса, черная и белая сороки, опоссум, сокол нгурт, гусеницы с эвкалипта, гусеницы с дерева, имеющего маленькие ветки (акация, wattle-tree), планета Венера.

За кланом горячего ветра: сокол с серой головой, ковровая змея, горный попугай, волнистый попугай (shell), сокол мурракан, змея диккомур, воротничковый попугай, змея мирндаи, короткохвост» (Дюркгейм, 2018, с. 272–273).

Иными словами, социальная организация общества связана с систематизированными классификациями окружающего мира. Таким образом, во главу угла принципов организации классификации дьирбала необходимо закладывать принцип тотема. Тотемные представления отражают структуру религиозной жизни, находя воплощение в социальных формах. Соответственно, если существует область смысла, закрепленная за тотемом, то все реалии этой области принадлежат этому тотему. Так, за вышеупомянутым кланом горячего ветра закрепляются определенные виды птиц и змей (ср. когнитивную интерпретацию Дж. Лакоффа (Лакофф, 1988, с. 14) по результатам исследования Р. Диксона. Дж. Лакофф определяет принцип сферы опыта: «Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А»). Чем же отличается когнитивная интерпретация Дж. Лакоффа от принципа тотема в языке и культуре? Сфера опыта Дж. Лакоффа — это когнитивная осмысленная категория, тогда как принцип тотема — это данность культуры, то есть проявление внешнего порядка, своеобразный герб племени. В сущности тотем — это особый знак семьи, к которой он принадлежит. Налицо, что вперед выходит социальная функция. Необходимо также подчеркнуть религиозную природу тотемизма. М. Элиаде (Элиаде, 2021а, с. 56) указывает на отличительную черту религиоз-

ности австралийских аборигенов — вера в богов нигде не является доминантой религиозного сознания, поскольку смещена в сторону тотемизма.

Глубинное деление на фратрии солнца и луны отражает дуальную конструкцию деления окружающего мира. Согласно мифологическим представлениям, луна и солнце отождествляются с мужем и женой, следовательно, это деление является примарным и существует как бинарная оппозиция. Отсюда существование первых двух классов дьирбала, вероятно, объясняется глубинной преемственностью с членениями на фратрии солнца и луны. Таким образом, первые два класса дьирбала восходят к глубинному слою членения на фратрии, тогда как третий и четвертый классы преемственны более дробному членению на кланы, по Э. Дюркгейму. Таким образом, первый и второй классы — это бинарная оппозиция «мужской — женский», «солнце — луна» и т. д. Третий класс — это то, что не вошло в первые два класса, а четвертый класс — все остальное.

Для определения третьего и четвертого классов дьирбала важен «принцип важной особенности» Р. Диксона, формулируемый так: «Если подмножество существительных обладает определенной важной особенностью, которая отсутствует у остальных членов множества, то члены этого подмножества в целях маркирования данной особенности могут быть отнесены к иному классу, чем вся остальная часть множества. Чаще всего такой важной особенностью является “вредоносность”» (Лакофф, 1988, с. 15).

У австралийского племени арунта, по данным М. Элиаде, Солнце (женское существо) играет более важную роль, нежели Луна (мужское начало), поскольку считается, что Солнце имеет вполне конкретную связь с каждым представителем социальных групп (Там же, с. 126). За классификаторами дьирбала просматривается социальная организация общества. Отсюда получается несколько иная подборка принципов дьирбала. Так, упомянутый нами принцип тотема раскрывает приводимый по Дж. Лакоффу «принцип мифа и поверья», объясняемый ученым так: «Если какое-либо существительное обладает характеристикой X (по которой оно может быть отнесено к определенному классу), но вместе с тем на основе поверья или мифа оно обладает характеристикой Y, то, как правило, оно принадлежит классу, в который включаются существительные с характеристикой Y, а не X» (Лакофф, 1988, с. 14). Существует миф, в котором пестрый дронго похищает огонь из когтей радуги-змеи, поэтому он относится к классу огня. Нами устанавливается тотем дронго с ассоциативным полем огонь, поэтому является сфера, закрепленная за тотемом. Прежде всего тотем — это имя и эмблема класса явлений. Чем же объясняется вхождение в класс I *baui* таких разнородных сущностей, как луна и опоссум? Среди австралийских племен был распространен миф о водной катастрофе, связанный с незнанием ритуального запрета. Миф повествует о Луне в образе женщины, холодной ночью просящей у человека шкуру опоссума, что-

бы согреться. Получив отказ, Луна затапливает землю проливным дождем (Элиаде, 2021а, с. 147). Смежность тотема опоссума с Луной объясняет их вхождение в один класс явлений.

У. Эко проводит аналогию между языком дьирбал и грамматикой итальянского языка. При помощи редукции автор «Канта и утконоса» сводит грамматику итальянских артиклей к таксономиям дьирбала. В результате итальянские артикли *il* и *la* определяются через простые типы сочетаемости со словами «мужчины», «кенгуру», «летучие мыши», то есть воспроизводят тотемические принципы дьирбала, а не традиционную грамматику итальянского языка. У. Эко пишет:

Предположим, что на одном средиземноморском полуострове живет один народ, который имеет странную привычку ставить перед каждым именем два слова *il* (с вариантом *lo*) и *la* со следующим категориальным эффектом:

Il они используют с мужчинами, кенгуру, летучими мышами, многими змеями (удав, питон, кобра), многими рыбами (лаврак, щука, рыба-меч, акула), многими насекомыми (шершень), солнцем, временем года, радугой, бумерангом, ружьем, восходом, утконосом, носорогом.

La они используют с женщинами, тигром, некоторыми змеями (гадюка, уж), некоторыми рыбами (золотая рыбка, форель), многими птицами (ласточка, большая синица), насекомыми (оса, муха), водой, луной, звездой, броней, пистолетом, копьем, некоторыми деревьями (дуб, пальма), жирафом, хорьком и т. д. (Есо, 1997, р. 172).

Иными словами, возникает системная классификация глубинных кодов итальянского языка на базе иных принципов, а именно кодов дьирбала. Система рода в индоевропейских языках, вероятно, в прошлом также была основана на выборе признаков ассоциативных рядов тотемного порядка. Во всяком случае оппозиция итальянских артиклей, наполненная именными формами, имеющими соответствующий классификатор, свидетельствует о более ранней системной классификации в самих индоевропейских языках.

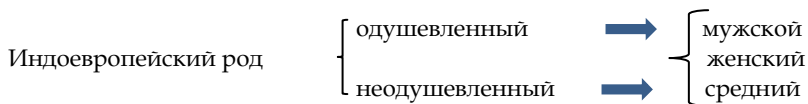
4. Системы родов: «одушевленность» / «неодушевленность»

Обращение к классификации индоевропейских языков, то есть выражение одушевленности / неодушевленности или активности / инактивности, связывается с тотемным ресурсом индоевропейских номинаций. В традиции имена, относящиеся к одушевленному роду, обозначают активные силы (Мейе, 1938, с. 346). Древние индоевропейцы олицетворяли большое количество неодушевленных предметов, как то: солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т. д. Разница между одушевленными и неодушевленными именами выражается в форме. Это и объясняет различное оформление английских вопросительных местоимений *who* и *what*, которые эксплицитно выражают оппозицию одушевленности и неодушевленности (Сирме, 1931, р. 553).

Некоторые конструкции в современном английском языке предполагают идею одушевленности. Так, рекомендуемый дидактический перевод предложения *London saw a cold winter last year* = «В прошлом году в Лондоне была холодная зима» не отражает тотемное маркирование ситуации — способность английских конструкций передавать смыслы одушевленности и неодушевленности. Такие возможности в английском языке обусловлены сохранением категоризации действительности по принципу древнейших родов (ср., например, одушевленные псевдопассивы *I got injured, I got hurt* и др., но неодушевленный пассив *The letter was sent*. Следовательно, в грамматике английского сохраняются реликтовые отношения, отразившиеся в лексике одушевленных существностей. Переводческие традиции, использующие этнические маркеры одушевленности / неодушевленности, интерпретируют вышеприведенное предложение с помощью собирательного словосочетания: «Жители Лондона пережили в прошлом году холодную зиму».

В традиционной грамматике индоевропейских языков слова с основой *red- имеют значение «нога» и принадлежат к активному классу, тогда как слова с основой *pedo- относятся к инактивному классу, имея исходное значение «след». На существование этого многослойного порядка родовой отнесенности указывают данные индоевропейских языков. Приведем схему эволюции современной родовой системы:

В латинском языке лексемы *pater* — *mater* — «отец» — «мать» или *lupus* — *fagus* — «волк» — «буковое дерево» не имеют маркеров мужского и женского родов, а относятся к общему одушевленному роду. Однако формальное различие между родами достигается более поздними средствами, а именно сочетаниями с прилагательными мужского (*pater, lupus*) и женского (*mater, fagus*) родов.

Следовательно, когда одушевленный род трансформировался в более поздней системе в мужской и женский роды, древний неодушевленный приобрел инновационное значение среднего рода. Опираясь на организацию значения в индоевропейском, можно истолковать многие явления в старославянском, древнегреческом, латыни и других языках, например в русском. Как отмечает Ю. С. Степанов, женский род обозначает разновидность общего, так, небольшие животные, половые различия которых не имеют значения в хозяйственной жизни человека, относятся к женскому роду. Однако к пережиткам старого одушевленного рода принадлежат названия небесных светил, огня, дня и ночи, которые всегда принадлежат либо к мужскому, либо к женскому роду. Вариации мужского и женского родов в этих случаях оказываются уже вторичными частностями, обусловленными конкретной системой или даже тем или иным фрагментом каждого отдельного языка. В латыни слово *dies* «день» было первоначально словом мужского рода, но затем перешло в женский род под влиянием других слов на *-ies*, а также по

причине семантики соотносительного слова *ночь* «ночь», которое является словом женского рода. Очевидно, что с точки зрения унаследованной именной классификации это уже частность, решающее же значение имеет принадлежность этого слова к «несреднему» роду (Степанов, 1975, с. 128).

Согласно А. Мейе, отличие «одушевленного» от «неодушевленного» заключается в том, что в «одушевленном» роде (к которому относился мужской и средний род) проявлялось различие в экспликации именительного и винительного падежей, тогда как в «неодушевленном» роде окончание именительного и винительного падежей копировали друг друга (Мейе 1938, с. 202–203). Эта идея о более глубоком делении индоевропейских основ на активные и пассивные засвидетельствована в фундаментальной статье Х. К. Уленбека, опубликованной в 1901 году. «Актив» был падежом действующего лица, агенса, то есть субъекта при активном глаголе. «Пассив» был падежом пациенса, объекта при активном глаголе и субъекта при неактивном (лица или вещи). Следовательно, за отношением «одушевленный» — «неодушевленный» проступает древняя система падежей, свидетельствующая о принадлежности к языку номинативно-аккузативного типа (Климов, 1977, с. 173–174).

Таким образом, на систему родовых отношений повлияла система представлений и верований народов. В индоевропейском языке к одушевленному роду относятся действующие акторы (Мейе, 1938, с. 345). Алгоритм определения сущностей также строится на экстралингвистических предпосылках тотемного порядка. Религиозные верования оказывали решающее воздействие на определение рода существительного.

Протогерманский язык характеризуется реконструкцией слов с основой на согласный, который свидетельствует об активной природе имени, тогда как слова, имеющие основы на гласный, принадлежат системе неодушевленного рода или пассиву. Так, Ф. Шпехт (Specht, 1947) отмечает взаимосвязь родов и основ существительных в древних индоевропейских языках, где род представляет собой вторичное явление по отношению к основам. Основы существительных в индоевропейских языках различаются по признаку одушевленности / неодушевленности. Ф. Шпехт приводит группы существительных, тесно связанные с жизнедеятельностью человека, которые индоевропейцы одушевляли и / или персонифицировали: 1) созвездия, обозначения времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и т. д.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений, изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т. д. Эти существительные редко относились к индоевропейским основам на *o-* или *ā*, так как были словами с основами консонантного типа.

О. А. Осипова приводит пример:

При анализе существительных с основой на *-ōn* уже приводилось др.-англ. *bēce* (ж. р., *ōn* — основа) «бук». Родственное ему существительное *bōc*

ж.р. «книга» относится к корневым основам. Употребление близких по значению слов в разных склонениях (по Скиту, *bēce* – это результат умятута общегерм. формы **bōkjōn-*) передает оппозицию одушевленности / неодушевленности. Существительное *bēce* «бук» обозначает живое растущее дерево, отсюда употребление его в склонении существительных *n-* основ, в котором в основании группировались имена одушевленной семантики. Слово *bōc* «книга» обозначало не живое дерево, а предмет, сделанный из него, – общегерм. **bōks*, мн. ч. *bōkiz*, первоначально имеющее значение «дощечка из букового дерева для письма» (Fiest, S. 75; Skeat, p. 53, 67) – поэтому оно склонялось по корневым основам (Осипова, 2007, с. 159–160).

В результате возникает дихотомия одушевленный / неодушевленный, когда грамматическая принадлежность обусловлена формальными признаками, определяемыми на основе культурных представлений народов. Таким образом, языковые формы оказываются зависимыми от элементарных форм религиозной жизни. Как отмечается в работе Э.Б. Тайлора, необходимо принятие за определение минимума религии верования в духовных существ (Тайлор, 1989, с. 210). Общее учение о духовных сущностях замещается у Э.Б. Тайлора термином «анимизм». Одушевление предметных сущностей согласно древним таксономиям является решающим фактором языковой реконструкции.

5. Заключение

Языковая форма находится в гармонии с определенной стадией развития представлений о мире. Так, этап анимизма в религиозной жизни оказал влияние на категоризацию мира по принципу одушевленный / неодушевленный. Одушевление на ранних этапах развития сущностей, которые затем начинают принадлежать таксономии мужского, женского и среднего родов, носит характер системной классификации, когда весь мир предстает поделенным на сущности, имеющие свои тотемы. Одушевление связано с ролью дыхания, характерного для высших животных при жизни, прекращение которого совпадает с прекращением их жизни, и отождествляется с душой. Но в то же самое время нельзя всю религию древних обществ сводить к простому набору элементарных форм, таких как тотемизм, анимизм и т.п. Другое дело, когда производится поиск взаимосвязи языковой и культурной моделей мира, тогда допустима определенная доля абстракции в экспликации форм. Иными словами, здесь мы имеем дело с грамматикой культуры, когда эвфемизация и перформативность, а также классы дырбала, одушевленный и неодушевленный роды индоевропейских языков напрямую связаны с элементарными формами религиозной жизни.

Развитие представлений о мире в русле религиозных концепций существенно влияет на структуры лингвистических форм, прежде всего в плане их классификаций и базовых схем. Так, оказывается, что вся культура покоится на своеобразных фундаментальных конструкциях,

которые лишены рационального оценивания. Сам фундамент культурных представлений является некой константой мироздания, когда излагаемые теории находят свое воплощение в некоторых «подушках», на которых покоится весь каркас культуры. Феномен веры предстает в виде имманентно присущей практики, которая отделяется от рациональных оценок, а сам язык предстает в виде системной классификации со своими координатами в виде классов, родов и основ. Так, субъект культуры оценивает некоторый объект как одушевленный согласно своим религиозным убеждениям или элементарным тотемным представлениям, например дерево «бук». Тогда само дерево оформляется в языке согласно одушевленным активным формам и противопоставляется лингвистически неодушевленным примерам. Тотальная классификация окружающего мира, предстающего через призму языка, придает всей конструкции жизни своеобразный изгиб, определяемый элементарными формами религии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01712) «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

Список литературы

- Библия / Рос. Библейское о-во. М., 2008.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018.
- Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1987.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. 1988. С. 12–51.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск, 2007.
- Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. СПб., 2006. С. 262–281.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. М., 1989.
- Трубачев О. Н. Славистический комментарий к реконструкции индоевропейской языковой и культурной древности // Теория лингвистической реконструкции: матер. Всесоюз. конф. М., 1987. С. 58–64.
- Элиаде М. Трактат по истории религии. М., 2021а.
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 2021б.
- Curme G. O. A Grammar of the English Language: Syntax. N. Y., 1931. Vol. 3. XV.
- Eco U. Kant e L'ornitorinco. Milano, 1997.
- Old English shorter poems / ed. and transl. by C. A. Jones. Harvard University Press, 2012.
- Sepecht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.

Об авторах

Сергей Геннадьевич Проскурин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Новосибирский национальный исследовательский университет; профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7244-264X

Анна Вячеславовна Проскурина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Россия.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9026-2511

Для цитирования:

Проскурин С.Г., Проскурина А.В. О формах манифестации магической функции языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 68–82. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ON THE FORMS OF MANIFESTATION OF THE MAGIC FUNCTION OF LANGUAGE

S. G. Proskurin^{1,2}, A. V. Proskurina²

¹ Novosibirsk National Research State University
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia

² Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa Str., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on December 17, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4

The article explores linguistic phenomena as a form of manifestation of the magic function. Systemic classifications, taxonomies, and linear phenomena such as euphemization and performativity reflect the beliefs and socio-spiritual functions of societies. This set of linguistic forms and means is determined by the existing religious beliefs. The article studies the foundation of beliefs in the form of elementary "primary performatives". They cannot be denied from the standpoint of logic but can be presented as felicitous and infelicitous. The entire set of cultural representations is based on elementary performatives. Another example of the continuity of linguistic forms of religious beliefs is euphemization. Systemic classifications in the languages of Australian aborigines and the animate/inanimate gender in Indo-European languages appear as dependent entities on religious choice in the form of preferences arising in the totem ideas of peoples. A we reconstruct the areas of intersection of beliefs and linguistic

forms. The linguistic form is in harmony with certain stages of development of society, as well as its social organisation. Thus, we define the isomorphism of the linguistic and social structures of the Australian aborigines. In Indo-European languages, taxonomies of gender go back to primary divisions into stems defined as active/animate and inactive/inanimate. The article shows that animate / inanimate is influenced by the stage of animism.

Keywords: language, culture, performativity, stem, animate, inanimate

References

- Austin, J.L., 2006. Performative statements. In: *Tri sposoba prolit' chernila* [Three Ways of Spilling Ink]. St. Petersburg, pp. 262–281 (in Russ.).
- Bibliya* [The Bible], 2008. Moscow (in Russ.).
- Curme, G.O., 1931. *A Grammar of the English Language: Syntax*. Vol. III. XV. New York.
- Durkheim, E., 2018. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie]. Moscow (in Russ.).
- Eco, U., 1997. *Kant e L'ornitorinco*. Milano: Bompiani.
- Eliade, M., 2021a. *Traktat po istorii religii* [Traité d'histoire des religions]. Moscow (in Russ.).
- Eliade, M., 2021b. *Mify, snovideniya, misterii* [Myths, Dreams and Mysteries: The Encounter Between Contemporary Faiths and Archaic Realities]. Moscow (in Russ.).
- Jones, Ch. A., ed., 2012. *Old English shorter poems*. Harvard University Press.
- Klimov, G. A., 1987. *Tipologiya yazykov aktivnogo stroya* [Typology of languages of the active system]. Moscow (in Russ.).
- Lakoff, D., 1988. Classifiers as a reflection of mind. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of language], pp. 12–51 (in Russ.).
- Meye, A., 1938. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoeuropeiskikh yazykov* [Introduction a l'étude comparative des langues indoeuropeennes]. Moscow; Leningrad (in Russ.).
- Osipova, O. A., 2007. *Tipologiya drevnegermanskikh imennykh sklonenii v svete indoeuropeiskikh i ural'skikh yazykov* [Typology of Old Germanic noun declensions in the light of Indo-European and Uralic languages]. Tomsk (in Russ.).
- Specht, F., 1947. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination* Göttingen.
- Stepanov, Yu. S., 1975. *Osnovy obshchego yazykoznanija* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 2004. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Dictionary of Russian culture]. 3d ed. Moscow (in Russ.).
- Trubachev, O. N., 1987. Slavic commentary on the reconstruction of Indo-European linguistic and cultural antiquity. In: *Teoriya lingvisticheskoi rekonstruktsii: materialy Vsesoyuznoi konferentsii* [Theory of linguistic reconstruction: Materials of the All-Union Conference]. Moscow, pp. 58–64 (in Russ.).
- Tylor, E. B., 1989. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow (in Russ.).

The authors

Dr Sergei G. Proskurin, Professor, Novosibirsk National Research University, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: s.proskurin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7244-264X

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9026-2511

To cite this article:

Proskurin, S.G., Proskurina, A.V. 2022, On the forms of manifestation of the magical function of language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 68–82. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 164.3

СООБЩЕНИЯ О ДИЗЪЮНКТИВНЫХ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВКАХ DE RE

Е. В. Вострикова¹, П. С. Куслий²

^{1, 2} Русское общество истории и философии науки
Россия, Москва, 105062, Лялин пер., 1/36, стр. 2
Поступила в редакцию 12.09.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-5

В статье обсуждаются так называемые сообщения о пропозициональных установках de re, выражаемые сложноподчиненными предложениями, в которых вложенное предложение содержит по меньшей мере один референциальный термин. Стандартный анализ такого рода предложений опирается на идею Д. Каплана о том, что такого рода аскрипции вводят экзистенциальную квантификацию по функциям, отображающим субъекта пропозициональной установки и объект (обозначаемый референциальным термином) в индивидуальный концепт, посредством которого этот объект идентифицируется в мирах верования субъекта. Эта экзистенциальная квантификация имеет более широкую сферу действия, чем универсальная квантификация по возможным мирам, стандартно вводимая в семантику сообщений о пропозициональных установках. Мы выдвигаем тезис о том, что существуют случаи дизъюнктивных установок de re, сообщения о которых не могут анализироваться таким образом. Это случаи, когда у носителя установки нет одного-единственного концепта, который выбирает нужный объект во всех возможных мирах, а есть разные концепты для разных миров. Отталкиваясь от этих примеров, мы формулируем обновленную версию одной из наиболее распространенных теорий каплановского типа, которая способна корректно выражать условия истинности и для сообщений о дизъюнктивных установках.

Ключевые слова: семантика, сообщения о пропозициональных установках de re, генераторы концептов, естественный язык

1. Введение: de re установки как проблема философии языка

Сообщения о верованиях и других пропозициональных установках являются одной из наиболее сложных проблем философии языка. Г. Фреге в работе «О смысле и значении» впервые обращает внимание на то, что выражения в интенциональных и экстенциональных контекстах имеют разную интерпретацию. Так, Фреге указывает на то, что в такого рода предложениях замена одного референциального термина (такого, как имя собственное) на другой, обозначающего тот же самый объект, может привести к изменению истинностного значения всего

предложения. Предложения (1) и (2) могут иметь разные истинностные значения, хотя «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» указывают на один и тот же объект:

- (1) Коперник считал, что Утренняя звезда – это Венера.
- (2) Коперник считал, что Вечерняя звезда – это Венера.

Фреге формулирует идею о том, что в косвенных контекстах выражения имеют в качестве своего предметного значения свой смысл. Смыслом имен собственных, с точки зрения Фреге, является описание объекта, которое позволяет говорящему идентифицировать этот объект. Идея Фреге о различии смысла и предметного значения была позднее формализована через различие между интенционалом (функцией от возможного мира к предметному значению) и экстенционалом (предметным значением). Однако идея Фреге о смысле имен собственных не была принята большинством исследователей. Это связано, во-первых, с тем, что реализация такого рода подхода потребовала бы допущения, что смысл каждого конкретного собственного имени разный для разных индивидов, что проблематично для идеи композиционности (то есть возможности выводить условия истинности предложений из содержания составляющих их терминов и способа их сочетания друг с другом), а во-вторых, с широко принятым тезисом С. Крипке о том, что имена представляют собой жесткие десигнаторы, то есть обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах. Таким образом, проблема, сформулированная Фреге и проиллюстрированная примерами (1) и (2), оставалась актуальной и нерешенной в философии языка.

Стандартным семантическим анализом для предложений о верованиях является анализ, сформулированный Я. Хинтиккой (Hintikka, 1968), согласно которому пропозициональный глагол «считать» выражает отношение между индивидом Коперником и пропозицией (функцией от возможного мира к истинностному значению). Пропозициональный глагол вводит универсальную квантификацию по возможным мирам. Эта квантификация ограничена только теми мирами, в которых выполняется все, во что верит Коперник. Миров, в которых выполняется все, во что верит Коперник в реальном мире (то есть мире оценки всего сообщения о веровании), называются его докстастическими альтернативами и обозначаются посредством функции Dox в (3), которая сочетается с индивидом и миром и выдает пропозицию, являющуюся конъюнкцией (другими словами пересечением) всех пропозиций, в которые верит индивид x в мире w . Соответственно, предложение типа (1) и (4), согласно такому подходу, должны иметь абсолютно одинаковые условия истинности, показанные в (4). Поскольку имена собственные, указывающие на один и тот же объект, имеют одно и то же значение, мы использовали имя «Венера» в обоих случаях для наглядности:

$$(3) \text{Dox}(x)(w) = \bigcap \{p: x \text{ в } w \text{ верит, что } p\}$$

$$(4) \llbracket (1) \rrbracket = \llbracket (2) \rrbracket = 1, \text{ если и только если во всех мирах } w', \text{ входящих в } \text{Dox}(\text{Коперник})(w): [\text{Венера} - \text{это Венера в } w']$$

Наиболее ярким образом проблема интерпретации референциальных терминов в косвенных контекстах была сформулирована Куайном в его классической работе «Кванторы и пропозициональные установки» (Quine, 1956). Куайн со всей очевидностью показывает, что пропозициональные установки, содержащие референциальный термин, представляют серьезную проблему для традиционных подходов к семантике таких предложений. Так, предложение (5) не может анализироваться как отношение между Ральфом и пропозицией, которая в терминах современной интенциональной семантики может быть представлена как $[\lambda w. \text{Орткут является шпионом в } w]$.

(5) Ральф верит, что Орткут является шпионом.

Проблема такого рода анализа выявляется в следующем сценарии. Ральф знает Орткута под двумя разными описаниями. Ральф видел Орткута несколько раз в сомнительных ситуациях и решил, что перед ним шпион. Но однажды Ральф встретил Орткута на пляже и решил, что это уважаемый и достойный человек. Таким образом, оба предложения (5) и (6) являются одновременно истинными, хотя в обычных условиях (которые мы здесь подразумеваем) Орткут (как и большинство других людей) не считает, что достойный человек может быть шпионом. Тем не менее интуитивно кажется, что в данной ситуации нельзя сказать, что Ральф иррационален и его взгляды противоречивы. Такого рода сценарии называются сценариями двойного видения, а такие сообщения о верованиях, как (5) и (6), — сообщениями *de re*.

(6) Ральф считает, что Орткут не является шпионом.

Куайн предложил рассматривать глагол «считать» в такого рода предложениях не как отношение между носителем верования и пропозицией, а как трехместное отношение между Ральфом, Орткутом и свойством «являться шпионом». В такой интерпретации, пишет Куайн, Ральф может приписывать свойство объекту, который дан ему определенным образом, при этом не приписывать этого же свойства, когда он дан ему другим образом. Проблема с решением, предложенным Куайном, состоит в том, что даже если мы вынесем Орткута за пределы интенционального контекста, мы в любом случае в (5) говорим, что Ральф приписывает Орткуту свойство, а в (6), что Ральф приписывает Орткуту несовместимое с этим свойство (то есть отрицание первого свойства), что противоречиво. Хотя Куайн лишь предлагает не до конца разработанную общую мысль, а не готовое теоретическое решение проблемы интерпретации референциальных выражений в косвенных контекстах, сформулированная им идея лежит в основании всех современных теорий в этой области.

Важным шагом на пути решения проблемы интерпретации референциальных выражений в косвенных контекстах представляется решение, предложенное Д. Капланом (Kaplan, 1968). Идея Каплана состоит в том, что интерпретация таких предложений содержит экзистенциальную квантификацию по способам представления объекта. Особен-

ностью его системы было также то, что он предлагал рассматривать косвенные контексты как цитаты, соответственно, способ представления — это выражение — дескрипция, посредством которой объект представлен носителю верования. Данная идея была реализована Капланом посредством использования оператора Δ , который соотносит индивида с выражением, обозначающим этого индивида. Каплан предлагает интерпретировать (5) как (7), а (6) как (8). Соответственно, (5) интерпретируется следующим образом: существует выражение α , которое обозначает Орткута, и Ральф состоит в отношении верования к выражению « α является шпионом» (где α — часть выражения). Предложение (6) интерпретируется схожим образом: существует выражение α , которое обозначает Орткута, и Ральф состоит в отношении верования к выражению « α не является шпионом». Поскольку в обоих случаях здесь речь не идет о конкретном выражении α , а просто вводится требование, что должно быть одно какое-то выражение α , то никакого противоречия между (7) и (8) нет. В первом случае релевантным выражением может быть «человек, встреченный Ральфом при сомнительных обстоятельствах». Во втором — «человек, встреченный Ральфом на пляже».

(7) $\exists\alpha[\Delta(\text{Орткут}, \alpha) \ \& \ \text{Ральф верит «}\alpha \text{ является шпионом»}]$

(8) $\exists\alpha[\Delta(\text{Орткут}, \alpha) \ \& \ \text{Ральф верит «}\alpha \text{ не является шпионом»}]$

Решение Каплана имело два основных недостатка. Первый состоял в том, что интерпретация контекстов верования как цитат не является удовлетворительной. Мы можем приписывать верования любому индивиду на любом языке, при этом не очевидно, что носитель верования имеет отношение верования к цитате на определенном языке. Второй состоял в том, что оно оставляло за скобками проблему композициональной интерпретации таких предложений. Идея композициональности состоит в том, что значение целого предложения складывается из значения частей и способа их сочетания друг с другом. Каплан не показывает, как условия истинности, проиллюстрированные в (7) и (8), складываются из значения выражений, входящих в предложения (5) и (6), что вводит квантор по способам представления, откуда берется оператор Δ и переменная α внутри контекста верования.

Решение для первой из этих проблем было предложено Д. Льюисом в статье «Отношения de dicto и de se» (Lewis, 1979). Основным предметом исследовательского интереса Льюиса в этой работе стали пропозициональные отношения de se, то есть установки неустранимо субъективного характера, в которых какие-то свойства приписываются субъектом верования самому себе. Так, (9) может быть понято только как описание ситуации, в которой Иван хочет, чтобы победил он сам. Данное предложение, в отличие от (10), не может быть истинным в ситуации, когда Иван смотрит репортаж про гонки по телевизору и болеет за спортсмена, в котором не узнает самого себя. Льюис предложил унифицировать анализ для установок de dicto и de se, беря за основу именно отношения de se. Он предложил рассматривать пропозициональные установки не как кванторы по возможным мирам, а как кванторы по

центрированным возможным мирам, то есть как кванторы по парам, состоящим из индивида и возможного мира. Выражая значение таких предложений, как (9), мы говорим, что для всех пар «мир – индивид», принадлежащих к множеству пар, первый элемент из которых мир, а второй – двойник Ивана в этом мире, верно, что индивид хочет победить. Таким образом, схватывается неустранимая субъективность аскрипции в (9): индивид приписывает себе свойство «быть победителем». Льюис предлагает распространить эти идеи на стандартные верования *de dicto*, такие как (11). В данном случае индивид приписывает себе свойство быть индивидом, живущим в мире, где снег бел.

(9) Иван хочет победить.

(10) Иван хочет, чтобы он победил.

(11) Иван считает, что снег бел.

Тот тип верований, которые нас интересуют в данной статье, Льюис считал особым типом: «то, что субъект приписывает себе, – составляет полную систему его верований. Другие приписывания свойств не являются какими-то еще верованиями наряду с теми, что он приписывает себе. Верования в голове, но я согласен с Перри, что верования *de re* не в голове. Верования *de re* не являются на самом деле верованиями. Они положения дел, которые случаются в силу отношения верования к тому или иному *res* (то есть объекту, предмету)» (Lewis, 1979, p. 538). Верования *de re* Льюис предложил анализировать следующим образом:

(12) Субъект приписывает свойство *X* индивиду *Y* посредством описания *Z*, если и только если: 1) субъект состоит в отношении *Z* к *Y* и никому другому; и 2) субъект приписывает себе свойство состоять в отношении *Z* к чему-то единственному, что также обладает свойством *X* (Lewis, 1979, p. 539).

В этом определении *Z* – индивидуальный концепт, описание, некоторое отношение, в котором субъект состоит с объектом в реальном мире и посредством которого он идентифицирует объект в мирах своих верований. Льюис также выдвигает идею о том, что релевантными концептами выступают отношения знакомства. Возвращаясь к примеру Куайна с Орткутом в (5) и следуя теории Льюиса, мы говорим, что предложение (5) является истинным если и только если: 1) Ральф состоит в отношении знакомства (например, «встретить при сомнительных обстоятельствах») с Орткутом и никем другим; и 2) Ральф приписывает себе свойство состоять в этом отношении знакомства с единственным человеком, который также является шпионом. Иными словами, предложение типа (5) считается истинным, если и только если существует индивидуальный концепт или описание, которому Орткут соответствует в реальном мире и носитель верования приписывает свойство быть шпионом носителю этого концепта (кто бы это ни был в мирах, где соблюдается все, во что он верит). Согласно данному подходу, индивидуальный концепт Орткута для носителя верования остается тем же самым во всех его альтернативах. Таким образом, теория Льюиса апеллирует к индивидуальным концептам, при этом лишена недостатка теории

Каплана, поскольку предлагает анализ *de re* верований в терминах квантификации по возможным мирам и не обращается к сомнительным сущностям-цитатам. Вопрос, который концепция Льюиса оставляет за скобками, это вопрос о том, как такого рода значения генерируются композиционально. Современный ответ на данный вопрос мы рассмотрим в следующем разделе.

2. Современный композициональный анализ *de re* сообщений

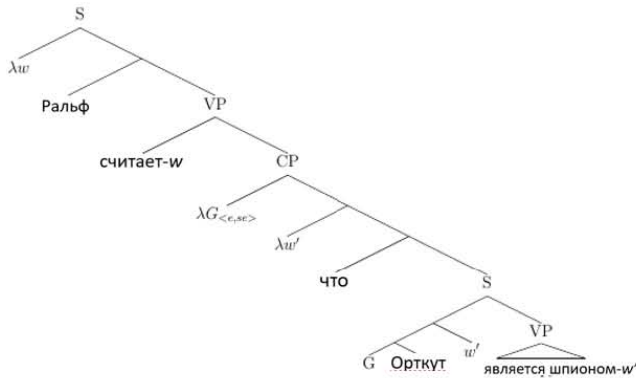
2.1. *De re* сообщения в терминах генераторов концептов

Существует несколько разных концепций, предлагающих конкретную реализацию *de re* анализа (Lewis, 1979; Cresswell and von Stechow, 1982; Abusch, 1994; Heim, 1994). В данной статье мы сформулируем аргумент, который равным образом относится ко всем существующим имплементациям *de re* анализа. Для представления нашего аргумента мы выбрали одну конкретную имплементацию анализа такого типа, а именно имплементацию в терминах теории генераторов концептов (Percus and Saureland, 2003; Charlow and Sharvit, 2014). Это самая современная версия *de re* анализа, и ее главное преимущество — это то, что она предлагает простое композициональное решение для проблемы сообщений о верованиях *de re* и не требует проблематичного с синтаксической точки зрения передвижения объекта верования.

В данном разделе мы опишем основные элементы теории генераторов концептов и проиллюстрируем, как она композиционально выводит условия истинности для таких предложений, как (5) и (6). Эти условия истинности верно отражают то обстоятельство, что оба предложения могут быть истинными в сценариях двойного видения, описанных выше.

Предполагаемая этой теорией логическая форма для предложения (5), то есть та синтаксическая структура (репрезентация) предложения (5), которая интерпретируется композиционально и порождает корректные условия истинности, показана в (13).

(13)

Это система, в которой синтаксическая структура предложения содержит переменные, обозначающие возможные миры. Переменная G семантического типа $\langle e, \langle s, e \rangle \rangle$ вставляется в синтаксическую структуру предложения и формирует конституенту вместе с референциальным термином («Орткут»). Значение этой переменной — это генератор концептов. Определение генератора концептов дано в (14), но общая идея состоит в том, что G — это функция, отображающая Орткута в индивидуальный концепт (функцию от мира к определенной дескрипции, схватывающей то, каким образом этот индивид дан или представлен носителю верования). Эта переменная связана лямбда-абстрактором (λG) в синтаксической структуре предложения, что при семантической интерпретации предложения дает нам функцию, которая в качестве своего аргумента берет генератор концептов. Таким образом, для того, чтобы осуществить композиционный анализ данного предложения, мы вводим допущение, что его логическая структура содержит скрытые непроизносимые элементы — переменные. Речь идет о переменных по возможным мирам (что является стандартным допущением в современных семантических концепциях) и о переменных, обозначающих функции, которые генерируют концепты.

(14) G — генератор концептов для индивида x в мире w если и только если:

- i) G это функция от индивидов к индивидуальным концептам ($\langle e, \langle s, e \rangle \rangle$);
- ii) $\text{Dom}(G) = \{z: x \text{ знаком с } z \text{ в } w\}$ (Percus, Saureland, 2003, p. 237)

Например, один возможный генератор концептов для Ральфа — это функция, которая отображает Орткута в концепт, данный в (15).

(15) [$\lambda w. \lambda y. y$ человек, которого Ральф встретил при сомнительных обстоятельствах в w]

Предсказываемое значение (денотат) вложенной клаузы (узла CP) в (13) дано в (16), а предлагаемое значение для глагола «считает» дано в (17). Это функция, которая сочетается с переменной по возможным мирам, вложенным предложением и индивидом (носителем верования). Интенциональный глагол вводит экзистенциальную квантификацию по генераторам концептов и соотносит их с носителем верования, а именно гарантирует, что мы говорим лишь про генераторы концептов для Ральфа — носителя верования.

(16) [что Орткут шпион] $^g = [\lambda G_{\langle e, \langle s, e \rangle \rangle}. \lambda w. G(\text{Орткут})(w) \text{ шпион в } w]$

(17) [считает] $^g = [\lambda w. \lambda M_{\langle e, \langle s, e \rangle \rangle, \langle s, t \rangle}. \lambda x_e. \text{существует } G \text{ такой, что } G \text{ — это генератор концептов, основанный на знакомстве для } x \text{ в } w \text{ и во всех мирах } w' \text{ в } \text{Dox}(x)(w): M(G)(w')=1]$

Стандартным допущением является то, что генераторы концептов должны быть основаны на отношении знакомства. Формальное объяснение того, что это значит, дано в (18).

(18) G является генератором концептов для индивида x в мире w , основанным на отношении знакомства, если и только если:

- i) G это генератор концептов для x в w ;
- ii) концепты, в которые G отображает индивидов, основаны на отношении знакомства в том смысле, что для каждого индивида z в области действия G существует отношение знакомства R , такое что x состоит в R с z в w и для всех $\langle y, w' \rangle$ в $\text{Dox}(x)(w)$ y состоит в отношении R уникальным образом к $G(z)(w')$ в w' (Percus, Saureland, 2003, p. 237).

Условия истинности для (5), предсказываемые теорией генераторов концептов, даны в (19):

(19) $[(5)]^g(w) = 1$, если и только если существует G такой, что G основан на отношении знакомства генератором концептов для Ральфа в w и во всех мирах $w' \in \text{Dox}(\text{Ральф})(w)$: $[G(\text{Орткут})](w')$ является шпионом в w'

(20) $[(6)]^g(w) = 1$, если и только если существует G , такой что G основан на отношении знакомства генератором концептов для Ральфа в w и во всех мирах $w' \in \text{Dox}(\text{Ральф})(w)$: $[G(\text{Орткут})](w')$ не является шпионом в w'

(21) $[\lambda w. \iota y. y - \text{это человек, которого Орткут встретил на пляже в } w]$

Важно отметить, что в (19) и (20) экзистенциальный квантор (существует G) по генераторам концептов получает более широкую область действия, чем универсальный квантор по возможным мирам (во всех мирах w'). Поэтому данный подход требует, чтобы существовал один генератор концептов, который генерирует концепты, которые остаются постоянными во всех мирах, совместимых с верованиями Ральфа.

2.2. De re сообщения без отношений знакомства

В литературе существует спор о том, должны ли de re сообщения о верованиях быть основанными на отношении знакомства, как это предложено выше. Так, Эрнест Соса приводит примеры сообщений о верованиях, которые не требуют отношения знакомства (Sosa, 1970). Один из таких примеров – (22)б, а сценарий, который иллюстрирует, что данное сообщение должно быть de re, – (22)а.

(22) а. Сценарий, в котором следует оценивать предложение:

Высокопоставленный военный офицер хочет, чтобы самый низкорослый солдат первым начал выполнять задание, и он выражает свое желание фразой «Пусть самый низкий солдат идет первым». Сержант, получив этот приказ, возвращается к своему отряду и говорит самому низкорослому солдату:

б. Он хочет, чтобы ты пошел первым.

Высокопоставленный офицер, с которым говорил сержант, не видел и не знает самого низкорослого солдата. Таким образом, у него с ним нет отношения знакомства. Тем не менее сообщение о желании является de re, оно содержит референциальный термин «ты».

Чтобы объяснить этот пример в терминах теории генераторов концептов, нам нужен генератор концептов, который сочетается с денотатом местоимения «ты» в (22)б и отображает его в концепт, подобный концепту в (23). Таким образом, чтобы объяснить этот случай, нам следует ослабить ограничение на возможные генераторы концептов. Генератор концептов, который нам требуется в этом случае, должен при сочетании с референциальным выражением «ты» выдавать концепт, который выбирает объект верования в реальном мире, и при этом отражать его в то, как объект дан носителю верования.

(23) [лв. 1у. у самый низкорослый человек в w]

Аргумент, который мы сформулируем в данной статье, также основан на примере *de re* сообщения, которое не предполагает отношение знакомства между объектом и носителем верования.

3. Сообщения о дизъюнктивных пропозициональных установках как проблема для стандартного подхода к анализу *de re* сообщений о верованиях: новые данные

Рассмотрим пример в (25), произнесенный в контексте, предложенном в (24).

(24) Мария — глава факультета лингвистики в университете Санта Клауса — хочет нанять самого звездного кандидата на новую профессорскую ставку. Она хочет нанять лучшего специалиста по семантике или лучшего специалиста по синтаксису. Ей не важно, в какой конкретно из двух областей специализируется кандидат, она была бы рада специалисту в любой области, но главное, чтобы он был в ней самым лучшим. Маша не знает, что Иван недавно получил две награды: как лучший синтаксист и как лучший семантист.

(25) Мария хочет нанять тебя!

Носители русского языка (а также английского применительно к англоязычному аналогу этого предложения) соглашаются, что в ситуации (24) предложение (25) может быть истинным сообщением о пропозициональной установке. Так же, как в предыдущем примере Сосы, это пример *de re* сообщения. Это сообщение содержит референциальный термин. Индивид Иван не является частью содержания желаний Марии. Мария хочет нанять Ивана только с точки зрения говорящего, потому что в реальном мире он случайным образом оказался лучшим специалистом по семантике и лучшим специалистом по синтаксису одновременно.

Хотя Мария об этом не знает, Иван — единственный человек, который удовлетворяет ее критериям. Мария же полагает, что лучший семантист и лучший синтаксист — это два разных человека. Так, если мы рассмотрим миры, совместимые с верованиями Маши, то в некоторых из них она нанимает лучшего специалиста по семантике, в других лучшего специалиста по синтаксису, но в каждом из миров она нанимает только одного человека.

Согласно теории генераторов концептов (равно как и любой другой теории в рамках традиции Каплана) (25) истинно, если и только если существует некий генератор концептов, который отображает Ивана в некий концепт, и во всех мирах, совместимых с желаниями Марии, индивид, соответствующий этому концепту, получает упомянутую должность профессора. Исходя из того, что слово «тебя» в (25) обозначает Ивана, условия истинности предложения (25) могут быть представлены более строго, как показано в (26):

(26) Предложение (25) истинно в мире w , если и только если в w существует такой генератор концептов G для Марии, что в каждом мире w' , совместимом с желаниями Марии в w , Мария занимает $G(\text{Иван})(w')$.

Проблема в том, что применительно к ситуации (24) не понятно, каким должен быть концепт, который мог бы быть сгенерирован и который выбирал бы нужного кандидата в каждом возможном мире, совместимом с желаниями Марии. Рассмотрим возможных кандидатов на роль такого концепта и покажем, что ни один из них не подходит:

(27) [$\lambda w. ix. x$ является лучшим эпистемологом в w]

(28) [$\lambda w. ix. x$ является лучшим философом языка в w]

(29) [$\lambda w. ix. x$ является лучшим эпистемологом в w и x является лучшим философом языка в w]

(30) [$\lambda w. ix. x$ является лучшим эпистемологом в w или x является лучшим философом языка в w]

Очевидно, что генератор концептов, отображающий Ивана в мире оценки всего предложения (25) в концепт (27), не сделает (25) истинным в ситуации (24), поскольку такой концепт будет выявлять в каждом мире, совместимом с желаниями Марии, эпистемолога, однако, как мы сказали выше, в некоторых возможных мирах, совместимых с желаниями Марии, должность получает философ языка. Сходным образом генератор концептов, порождающий концепт (28), также не сделает (25) истинным в описанной ситуации, поскольку он сгенерирует концепт «лучший философ языка», тогда как в некоторых возможных мирах, совместимых с желаниями Марии, должность получает эпистемолог.

На первый взгляд, концепты, представленные в (29) и (30), в которые мог бы отображаться Иван, кажутся более перспективными для предсказания корректных условий истинности, но это не так. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим мир, совместимый с желаниями (и верованиями) Марии, в котором лучший эпистемолог и лучший философ языка — это разные люди. В таком мире концепт, представленный в (29), не соответствует ни одному индивиду (ведь в таком мире не существует никого, кто был бы одновременно и лучшим эпистемологом, и лучшим философом языка). Соответственно, в таком мире не выполняется условие приема на работу индивида, являющегося лучшим эпистемологом и одновременно лучшим философом языка. А поскольку подобные миры, как мы сказали, входят в множество миров, совместимых с желаниями Марии, использование концепта (29) дает некоррект-

ное предсказание, согласно которому предложение (25) оказывается ложным в ситуации (24). Сходная проблема возникает и с концептом (30), который описывает единственного индивида, являющегося лучшим эпистемологом или лучшим философом языка. В мире, где есть два индивида, один из которых лучший эпистемолог, а другой — лучший философ языка, такому индивиду концепту не соответствует ничего. Следовательно, использование генератора, порождающего концепт (30), также приводит к неправильному предсказанию о том, что (25) ложно в ситуации (24).

Похоже, что список рассмотренных нами кандидатов в концепты, которые могут быть сгенерированы для задания условий истинности предложению (25), исчерпан. Мы не видим, какие иные концепты могут быть выработаны в рамках каплановского подхода к интерпретации примера (25), а потому заключаем, что этот пример не может быть корректно проанализирован в терминах теории, которая при задании условий истинности для *de re* сообщения о веровании вводит квантификацию по возможным мирам (совместимым с соответствующей пропозициональной установкой индивида), но применяет один и тот же индивидуальный концепт во всех этих мирах.

4. Семантика для *de re* сообщений о дизъюнктивных установках

Обратим внимание, что корректные условия истинности для предложения (25) можно получить, если Иван будет отображаться в индивидуальный концепт [$\lambda w. ix. x$ является лучшим эпистемологом в w] в тех мирах, совместимых с желаниями Марии, где должность получает лучший эпистемолог, и в индивидуальный концепт [$\lambda w. ix. x$ является лучшим философом языка в w] в тех мирах, совместимых с желаниями Марии, где должность получает лучший философ языка. На основании этого наблюдения мы хотим разработать теорию, которая для каждого возможного мира, совместимого с желаниями Марии, сможет отображать Ивана в отдельный пропозициональный концепт. Конкретно мы предлагаем разделить два компонента теории генераторов концептов, которые у Перкуса и Зауэрленда соединены воедино: компонент, порождающий множество индивидуальных концептов, в которые отображается Иван для Марии в действительном мире, и механизм, с помощью которого из порожденного множества концептов выбирается тот или иной концепт. Ключевой здесь является возможность нового выбора концепта из сгенерированного множества концептов при переходе от одного возможного мира к другому с тем, чтобы для каждого мира, совместимого с желаниями Марии, был свой отдельный концепт Ивана.

Мы заменяем переменные по генераторам концептов, используемые Перкусом и Зауэрлендом, на переменные по генераторам множества концептов. Генераторы множества концептов представляют собой функции, отображающие индивида во множество индивидуальных концептов, описывающих этого индивида для носителя верования.

(31) Q является генератором множества концептов (ГМК) для x в w , если и только если Q является объектом семантического типа $\langle e, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$ и для всех объектов y , $Q(y)$ — это множество индивидуальных концептов u для x в w .

Когда ГМК применяется к индивиду, скажем, к Ивану, генерируется множество всех концептов Ивана. В примере (25) Иван отображается во множество индивидуальных концептов:

(32) $\{[\lambda w. ix. x \text{ является лучшим эпистемологом в } w], [\lambda w. ix. x \text{ является лучшим философом языка в } w], [\lambda w. ix. x \text{ является человеком, за которым Мария стояла в очереди на кассу в минувшее воскресенье в } w], \dots\}$

Для каждого мира, совместимого с желаниями Марии, мы выбираем тот или иной концепт из множества (32). Этот выбор осуществляется с помощью функции выбора (имеющей тип $\langle \langle \langle s, e \rangle, t \rangle, \langle s, e \rangle \rangle$). Такая функция применяется ко множеству, подобному (32), и возвращает в качестве своего значения один из элементов этого множества (то есть тот или иной индивидуальный концепт).

Таковы ключевые ингредиенты предлагаемой нами теории, с помощью которых мы будем генерировать корректные условия истинности для предложения (25). Теперь рассмотрим ту логическую форму (то есть интерпретируемую синтаксическую структуру), которой должно обладать предложение (25) для того, чтобы для него можно было построить корректные условия истинности последовательным, композиционным образом. Воспроизведем здесь еще раз исходное предложение (25):

(33) Мария хочет нанять тебя.

Местоимение «тебя» обозначает Ивана, стоит в позиции прямого дополнения (объекта) к глаголу «нанять» и рассматривается нами как сопровождаемое непроизносимыми элементами: переменной, обозначающей ГМК, переменной, обозначающей функцию выбора, и переменной по возможному миру. Таким образом, в логической форме предложения (33) в позиции объекта стоит не просто местоимение «тебя», а именная группа (NP — noun phrase) со сложной структурой: $[_{NP} [[G_1 \text{ тебя}] f] w_2]$, где местоимение сначала сочетается с переменной G по ГМК, формируя конститuentу, затем эта конститuentа сочетается с переменной f по функциям выбора, формируя следующую конститuentу, которая, в свою очередь, сочетается с переменной по мирам, в результате чего создается именная группа (NP), являющаяся прямым дополнением.

Глагол «нанять» сочетается с этой именной группой, образуя глагольную группу (VP — verb phrase), однако до этого он еще сочетается и с переменной по возможным мирам. Структура глагольной группы выглядит так: $[_{VP} [\text{нанять } w_2] [_{NP} [[G_1 \text{ тебя}] f] w_2]]$. Поскольку придаточное предложение — это инфинитивная конструкция, субъект (то есть подлежащее) в ней не произносится и детерминируется другой

именной группой, в данном случае подлежащим главного предложения, то есть именной группой «Мария». Такие конструкции известны в генеративном синтаксисе как управляющие (control constructions): в них субъект вложенной клаузы обозначается непроизносимым местоимением PRO, коиндексированным с именной группой, детерминирующей значение PRO. В случае предложения (33) подлежащим придаточного предложения будет элемент PRO, коиндексированный с подлежащим главного предложения «Марией» (подробнее о синтаксисе таких конструкций, см., например, (Carnie, 2007, p. 440)).

Следуя рассмотренному выше подходу Перкуса и Зауэрленда к анализу логической формы для *de re* сообщений о пропозициональных установках, мы исходим из того, что в левой периферии логической формы придаточного предложения содержатся операторы, связывающие индексы на переменных по ГМК и индексы на переменных по возможному миру. Также, следуя (Heim, 1982), мы допускаем присутствие в логической форме вложенного предложения оператора экзистенциального замыкания (existential closure), связывающего переменную *f* (то есть переменную по функции выбора, входящую в описанную выше NP). В результате этой операции переменная *f* интерпретируется как связанная экзистенциальным квантором.

В свете всего вышесказанного логическая форма придаточного предложения «нанять тебя», которое мы обозначим как S^1 , выглядит следующим образом: $[_{S^1} \lambda_1 [\lambda_2 [\exists_f [PRO_3 [_{VP} [\text{нанять } w_2] [_{NP} [[G_1 \text{ тебя}] f] w_2]]]]]$. Эта структура сочетается с глаголом «хочет», который предварительно тоже сочетается с переменной по возможным мирам и субъектом которого является именная группа «Мария». Таким образом, конструируется вся логическая форма предложения (33), которое мы обозначаем как S^2 . Как и S^1 , S^2 также содержит в своей левой периферии оператор, связывающий возможные миры и делающий все предложение (33) обозначающим пропозицию. Логическая форма для всего предложения (33) представлена в (34):

$$(34) [_{S^2} \lambda_0 [\text{Мария}_3 [[\text{хочет } w_0] [_{S^1} \lambda_1 [\lambda_2 [\exists_f [PRO_3 [_{VP} [\text{нанять } w_2] [_{NP} [[G_1 \text{ тебя}] f] w_2]]]]]]]]]$$

Именно этой логической формой обладает в предлагаемом нами анализе предложение (33). Каждый из ее составных элементов имеет собственную интерпретацию, что делает семантический анализ всей структуры композиционным. Так, например, конституента $[G_1 \text{ тебя}]$ интерпретируется следующим образом. « G_1 » обозначает ГМК, а «тебя», как мы помним, обозначает Ивана. Интерпретация всей этой конституенты — это результат применения ГМК к индивиду Ивану, то есть определенное множество индивидуальных концептов Ивана. Конституента $[[G_1 \text{ тебя}] f]$ интерпретируется как результат применения функции выбора к упомянутому множеству индивидуальных концептов, то есть $[[G_1 \text{ тебя}] f]$ обозначает один конкретный концепт. Далее $[_{NP} [[G_1 \text{ тебя}] f] w_2]$ обозначает результат применения индивидуального концепта к возможному миру, то есть вся NP обозначает уже некоего конкретного индивида.

Все вложенное предложение S^1 имеет следующую интерпретацию (мы исходим из того, что PRO обозначает Марию, а «тебя» Ивана):

$$(35) [\lambda G_{<e, <<se>,t>>. \lambda w. \text{существует функция } f \text{ (Мария нанимает в } w \text{ } f(G(\text{Иван}))(w))]$$

Этот денотат является функцией от ГМК к пропозиции, в свою очередь, описывающей множество миров, в которых существует функция выбора f , обеспечивающая выбор одного индивидуального концепта из множества концептов, в которые отображается Иван и в которых носителя этого концепта Мария нанимает на работу.

Интерпретация придаточного предложения – всего лишь функция, которая может применяться к разным ГМК. В предложении (33) она должна применяться к ГМК, порождающему множество концептов для Марии, то есть субъекта главного предложения. Мы предлагаем, что нужный ГМК вводится глаголом «хотеть», который сочетается с придаточным предложением. А поскольку для любого индивида существует только один ГМК, который отражает этого индивида во множество индивидуальных концептов для того или иного носителя пропозициональной установки, мы предлагаем, что глагол вводит именно этот единственный ГМК. Предлагаемая нами семантика для глагола «хотеть» представлена в (36):

$$(36) [\text{хотеть}] = [\lambda w. \lambda P_{<<e, <<se>,t>>, <st>>. \lambda x. \text{во всех мирах } w', \text{ совместимых с желаниями } x \text{ в } w: P([\text{I}Q: Q \text{ является ГМК для } x \text{ в } w])(w') = 1]$$

В (36) глагол «хотеть» интерпретируется как функция, берущая три аргумента: возможный мир, функцию от ГМК к пропозиции, индивида, и утверждающая, что во всех возможных мирах w' , совместимых с желаниями индивида (третий аргумент) в возможном мире (первый аргумент), конкретный Q , являющийся ГМК для индивида (третий аргумент) в возможном мире (первый аргумент), отображается в истину, если функция от ГМК к пропозиции (второй аргумент) применяется к Q и к w' и возвращает истину.

Когда «хотеть», как показано в (34), сочетается с переменной по возможным мирам, придаточным предложением и подлежащим главного предложения, мы получаем конституенту, обозначающую истинностное значение. В логической форме (34) эта конституента сочетается с оператором $\lambda 0$, связывающим индекс на переменной по возможным мирам, что делает (34) выражением, обозначающим пропозицию (функцию от возможных миров к истинностным значениям). Интерпретация (34) в сочетании с миром w дана в (37):

$$(37) [[(34)](w) = 1 \text{ (то есть предложение (34) истинно в мире } w), \text{ если и только если во всех мирах } w', \text{ совместимых с желаниями Марии в } w, \text{ существует функция выбора } f, \text{ такая что Мария нанимает в } w' \text{ индивида } f([\text{I}Q: Q \text{ является ГМК для Марии в } w](\text{Иван}))(w')$$

Данные условия истинности можно перефразировать следующим образом: в каждом мире w^i , совместимом с желаниями Марии в действительном мире, существует свой способ выбрать описание Ивана из всех возможных способов, которыми Иван может представляться Марии в действительном мире, и индивид, соответствующий этому выбранному описанию в w^i , оказывается нанятым в w^i . В ситуации (24), где Мария не знакома с Иваном, в некоторых мирах ее желаний на работу нанимают лучшего эпистемолога, а в некоторых — лучшего философа языка. Представленная теория позволяет нам ухватить именно это: обеспечить в одних мирах выбор концепта «лучший эпистемолог», а в других — концепта «лучший философ языка» как идентификаторов индивидов, нанимаемых в этих мирах.

5. Об одном техническом преимуществе представленной концепции

В данном разделе мы представим одно техническое преимущество сформулированного выше подхода над стандартным подходом. Оно заключается в том, что интенциональные глаголы можно больше не рассматривать как выражения, обладающие «гибким» семантическим типом. Рассмотрим следующее предложение:

(38) Джон думает, что Кларк Кент не Супермен.

Для правильного задания условий истинности таких предложений, как (38), которое тоже является *de re* сообщением о пропозициональной установке, теории каплановского типа вынуждены делать допущение, согласно которому такие глаголы, как «думать», «считать», «полагать» и др., могут вводить разное число генераторов концептов и поэтому обладать разными семантическими типами. Так, в (38) выражения «Кларк Кент» и «Супермен» обозначают одного и того же индивида, однако Джон об этом не знает и полагает, что это два разных человека. Учитывая, что имена собственные являются жесткими десигнаторами, обозначающими один и тот же объект в любом возможном мире (Kripke, 1972), а также то, что Кларк Кент тождествен самому себе в любом возможном мире, любой генератор концептов будет с необходимостью выдавать один и тот же концепт, будучи примененным к Кларку Кенту и Супермену. Иными словами, любой генератор концептов отобразит Кларка Кента и Супермена в один и тот же концепт, и тогда утверждение (38) будет приписывать Джону неверие в закон тождества.

Чтобы избежать этого нежелательного следствия, концепции каплановского типа должны допускать, что интенциональный глагол способен вводить два разных генератора концепта. Соответственно, придаточное предложение должно анализироваться как функция, берущая два генератора в качестве своего аргумента, а сам интенциональный глагол должен иметь возможность сочетаться с такой более сложной клаузой, так как обозначать функцию, способную взять более сложную функцию в качестве своего аргумента в рамках композициональной

деривации значения и применить эту функцию к двум генераторам. Способность иметь такого рода типовое разнообразие иногда называется типовой гибкостью (type flexibility (Charlow, Sharvit, 2014)).

Поскольку в предлагаемой нами теории выбор нужного индивидуального концепта осуществляется с помощью функций выбора, которые не вводятся интенциональным глаголом и экзистенциальное замыкание которых также происходит независимо от него, семантика глагола остается неизменной. Просто в логической форме предложения (38) выражения «Кларк Кент» и «Супермен» будут сопровождаться разными переменными по функциям выбора. Экзистенциальное замыкание начнет применяться к каждой из них по отдельности. Интерпретация придаточного предложения будет такой, как показано в (39), а интенциональный глагол «думать» станет обладать таким денотатом, как показано в (40).

(39) $[\lambda G_{\langle e, \langle \langle se \rangle, t \rangle \rangle} \lambda w. \text{ существуют функции } f, g (f(G(\text{Кларк Кент}))(w) \text{ is } g(G(\text{Супермен}))(w))]$

(40) $[\text{думать}] = [\lambda w. \lambda P_{\langle \langle e, \langle \langle se \rangle, t \rangle \rangle, \langle st \rangle \rangle} \lambda x. \text{ в каждом мире } w', \text{ совместимом с верованиями } x \text{ в } w: P([\iota Q: Q \text{ является ГМК для } x \text{ в } w])(w') = 1]$

Условия истинности для предложения (38) получаются следующими:

(41) $[[\text{(38)}]](w) = 1$, если и только если в каждом мире w' , совместимом с верованиями Джона в w , существует функция выбора f и функция выбора g , такие что $f([\iota Q: Q \text{ является ГМК для } x \text{ in } w](\text{Кларк Кент}))(w')$ не является в w' $g([\iota Q: Q \text{ является ГМК для } x \text{ в } w](\text{Супермен}))(w')$

Иными словами, предложение (38) оказывается истинным в действительном мире, если и только если в каждом возможном мире w' , совместимом с верованиями Джона в действительном мире, существуют два разных способа выбрать какой-то один концепт из множества концептов Кларка Кента для Джона в действительном мире и индивиды, соответствующие двум выбранным концептам в w' , не тождественны друг другу в w' . Таким образом, мы корректно отражаем условия истинности предложения (38), не требуя типовой гибкости для интенциональных глаголов.

6. Заключение

В данной статье мы представили аргумент против стандартного каплановского подхода к анализу *de re* сообщений о верованиях. Мы показали, что есть случаи дизъюнктивных верований, условия истинности которых требуют, чтобы экзистенциальный квантор по индивидуальным концептам входил в сферу действия универсального квантора по возможным мирам с тем, чтобы в каждом из таких миров использовался свой индивидуальный концепт. Мы представили модифицированную версию теории генераторов концептов, которая достигает этой цели. Мы

также указали на техническое преимущество предложенной нами теории, которое заключается в отсутствии необходимости допускать типовую флексибельность для интенциональных глаголов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

- Abusch D.* Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts // *Ellipsis, Tense and Questions* / eds. I. Heim, H. Kamp. Amsterdam, 1994. P. 87–139.
- Carnie A.* *Syntax: a generative introduction*. 3rd edition. L., 2007.
- Charlow S., Sharvit Y.* Bound “de re” pronouns and the LFs of attitude reports // *Semantics and Pragmatics*. 2014. 7 (3). P. 1–43.
- Cresswell M. J., Stechow A. von.* «De Re» Belief Generalized // *Linguistics and Philosophy*. 1982. 5 (4). P. 503–535.
- Heim I.* *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. University of Massachusetts, Amherst, 1982.
- Heim I.* Presupposition projection and the semantics of attitude verbs // *Journal of semantics* 9.3. 1992. P. 183–221.
- Heim I.* Comments on Abusch’s theory of tense // Heim I., Kamp H. (eds.). *Ellipsis, Tense and Questions*. Amsterdam, 1994. P. 143–170.
- Hintikka J.* *Semantics for propositional attitudes* // *Models for modalities*. Dordrecht, 1969. P. 87–111.
- Kaplan D.* Quantifying In // *Synthese*. 1968. 19.1-2. P. 178–214.
- Kripke S.* Naming and necessity // *Semantics of Natural Language*. Dordrecht, 1972. P. 253–355.
- Lewis D.* Attitudes De Dicto and De Se // *Philosophical Review*. 1979. 88(4). P. 513–543.
- Percus O., Sauerland U.* On the LFs of attitude reports // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2003. Vol. 7. P. 228–242.
- Quine W. V.* Quantifiers and Propositional Attitudes // *The Journal of Philosophy*. 1956. 53 (5). P. 177–187.
- Sosa E.* Propositional Attitudes De Dicto and De Re // *The Journal of Philosophy*. 1970. 67. P. 883–896.

Об авторах

Екатерина Васильевна Вострикова, кандидат философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Петр Сергеевич Куслий, кандидат философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: kusliy@iph.ras.ru

Для цитирования:

Вострикова Е. В., Куслий П. С. Сообщения о дизъюнктивных пропозициональных установках de re // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №3. С. 83–101. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-5.

DE RE ATTITUDE REPORTS ABOUT DISJUNCTIVE ATTITUDES

P. Kusliy¹, E. Vostrikova²^{1,2} Interregional Non-Governmental Organization
“Russian Society for History and Philosophy of Science”

1\36 Lyalin Lane, bd. 2, 105062, Moscow, Russia

Submitted on September 12, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-5

This paper discusses the semantics of so-called de re propositional attitudes. According to the standard Kaplanian analysis, the semantics of such dicta contains existential quantification over functions that map the attitude holder and the object of their de re attitude to an individual concept by which the attitude holder identifies the object. This existential quantification has a wider scope than the universal quantification over possible worlds that is generally associated with the semantics of attitude dicta. We explore examples of disjunctive de re attitudes and show that these dicta have truth conditions that cannot be grasped by the standard analysis. To account for them, we propose a revision of the theory of concept generators and show how the revised theory makes correct predictions.

Keywords: semantics, de re attitude, concept generators, natural language

References

- Abusch, D., 1994. Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts. In: I. Heim and H. Kamp, eds. *Ellipsis, Tense and Questions*. Amsterdam, pp. 87–139.
- Carnie, A., 2007. *Syntax: a generative introduction*. 3d ed. London, 526 p.
- Charlow, S. and Sharvit, Y., 2014. Bound “de re” pronouns and the LFs of attitude reports. *Semantics and Pragmatics*, 7 (3), pp. 1–43.
- Cresswell, M.J. and Stechow, A. Von, 1982. “De Re” Belief Generalized. *Linguistics and Philosophy*, 5 (4), pp. 503–535.
- Heim, I., 1982. *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. Amherst: University of Massachusetts.
- Heim, I., 1992. Presupposition projection and the semantics of attitude verbs. *Journal of semantics*, 9 (3), pp. 183–221.
- Heim, I., 1994. Comments on Abusch’s theory of tense. In: I. Heim and H. Kamp, eds. *Ellipsis, Tense and Questions*. Amsterdam, pp. 143–170.
- Hintikka, J., 1969. Semantics for propositional attitudes. In: *Models for modalities*. Springer, Dordrecht, pp. 87–111.
- Kaplan, D., 1968. Quantifying In. *Synthese*, 19 (1-2), pp. 178–214.
- Kripke, S., 1972. Naming and necessity. In: *Semantics of Natural Language*. Springer, Dordrecht, pp. 253–355.
- Lewis, D., 1979. Attitudes De Dicto and De Se. *Philosophical Review*, 88 (4), pp. 513–543.
- Percus, O. and Sauerland, U., 2003. On the LFs of attitude reports. In: *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 7, pp. 228–242.
- Quine, W.V., 1956. Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosophy*, 53 (5), pp. 177–187.
- Sosa, E., 1970. Propositional Attitudes De Dicto and De Re. *The Journal of Philosophy*, 67, pp. 883–896.

The authors

Dr Ekaterina V. Vostrikova, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”.

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Dr Petr S. Kusliy, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”.

E-mail: kusliy@iphras.ru

To cite this article:

Vostrikova, E., Kusliy, P. 2022, *De re* attitude reports about disjunctive attitudes, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 83 – 101. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 80:81'23

CULTURAL DISCREPANCY WITHIN RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY IN ISRAEL

I. Ovchinnikova

ManPower Language Solution, Israel
17 Ha'Mefalsim St., Petah Tikva, 49514, Israel
Submitted on February 12, 2022
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-6

The objective of the present research is to discover and explain a variety of cultural preferences within the Russian-speaking community in Israel. We juxtapose veteran immigrants of the '1990 wave' (including children and teenagers who came with their parents, so called 1.5ers) and representatives of the 'Putin Exodus' who arrived in the country in 2014 – 2018. The divergence in preferences and attitudes was revealed thanks to the discourse, semantic and comparative analysis. The research was conducted on the material of the free association test and blogs of the Russian Israelis. The association test revealed cultural stereotypes of the Russian Israelis who did not write blogs. The '1990s wave' immigrants revealed their deep connection to the Soviet Jewishness and Israeli citizenship regardless of their religious confession. For the 1.5ers, the Russian language lost its special function as the key to the cultural heritage. The '1990 wave' immigrants and 1.5ers experience the Russian language attrition. The representatives of the 1.5 generation prefer to participate in the cultural events in Hebrew; they are involved in the Hebrew cultural context. The representatives of the 'Putin Exodus' consider the State of Israel to be a Western democratic state. They ignore the peculiarities of the Middle East country, do not support 'mestechkovy' culture of the Russian street and disagree to prioritize the Jewish traditions. The cultural discrepancy does not match the divergence between elite and mass culture.

Keywords: *immigration waves, language attrition, immigration trauma, Russian Israelis, blog, free associations*

1. Introduction

Modern Israel is considered to be the state where Jewish people from various countries have dreamed to come to since the Middle Ages. In the 12th century, many Jews came to Jerusalem and Palestine following the Sultan Saladin's invitation. The immigrants lived in Palestine alongside local Jews and Arabs who had fought together against the Crusaders. In the 13th – 16th centuries, Christians had been committing religious persecution against Jews in Spain and Portugal thus Jews escaped to Palestine from the Iberian Peninsula. Sizable numbers of Jews immigrated to Palestine at the turn of the 19th – 20th centuries.

Since the State of Israel was established after the Second World War in 1948, it has experienced several waves of immigration. The very existence of the State of Israel changes the motivation of Jews to arrive in the country. Instead of the intention to escape from their prosecutors in previous centuries, Jewish immigrants acquired inspiration to create a homeland in the Holy Land and to generate a new cultural and social identity keeping their old traditions. Immigrants from Eastern Europe and the former Soviet Union (FSU) were among those who had struggled to establish Jewish settlements and towns in the beginning of the XX century and created the State of Israel in 1948.

Russian-speaking immigrants have always participated in social and business activities changing the cultural landscape of Israel. Immigrants from the FSU who still consider Russian as their mother tongue make up more than 15 % of the population of the State of Israel (close to 1,300k (Countrymetrics, 2018)). The immigrants' waves of the previous century reached the pick in 1991 (Lipshitz, 1997, p. 471). In the XXI century, the pick of the waves of the immigrants from the FSU appeared in 2017 when 16,183 FSU immigrants made up 56 % of the total newcomers to Israel (CBS, 2018). This wave began after the Crimea crisis in 2014; thousands of new immigrants have continued to arrive in Israel during the COVID-19 pandemic. Since the wave brought opponents of the Putin's policy into Israel, it has been identified as the 'Putin Exodus' (Erofeev, Herbst, 2019). Popular journalists, successful businesspeople, top professionals arrived in the country avoiding the reconstruction of the Soviet Union. At the same time, war refugees from eastern Ukraine arrived in Israel looking for a fresh start in a friendly environment. More than 30,000 immigrants from Ukraine came to Israel between 2014 and 2018 escaping the war in the Donbass region (Sokol and Staff, 2019). In 2021, Israel welcomed approximately 25,000 new immigrants; 30 % of them came from Russia, 12 % – from Ukraine².

The contradictions between the veteran immigrants and the newcomers appeared in various spheres since two groups represented different life standards. The cultural background of newcomers contains depicting massive anti-Putin protests and discussing activity of domestic political opposition in cinematograph and literature. The recent immigrants are mostly indifferent to Jewish culture and therefore are unable to grasp the identity troubles of Russian Israelis (Moshkin, 2019).

The objective of the present research is to clarify the cultural preferences and contradictions of the veteran immigrants of the '1990 wave' and representatives of the 'Putin Exodus' in the aspect of the Russian language attraction and attitudes to Russian and Israeli cultural contexts.

2. Related work: Brief Description of the '1990s wave' Immigrants and Representatives of the 'Putin Exodus'

The peak of the '1990s wave' appeared in 1990–1991, when 333,000 Jews and their family members arrived in Israel from the FSU; two thirds of them originated in Ukraine and the Russian Federation, 13 % emigrated from Cen-

² *Jewish Virtual Library* (a project of AICE). URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/latest-population-statistics-for-israel> (accessed: 12.07.2022).

tral Asia (Tolz, 2016). Therefore, the immigrants spoke different dialects of the Russian language and represented different life standards. The newcomers from the FSU had received a mixed reception from the local Jewish community, thus many of them were forced to take a job below their competence level and education value or acquire new professions to get a fresh start (Lipshitz, 1997). Israeli inhabitants developed a negative stereotype about the FSU immigrants; many supporters of the Jewish traditions considered the new immigrants as pork-eaters, alcoholics, prostitutes, AIDS carriers, mafiosi, etc. (Fialkova, Yelenevskaya, 2007). Nevertheless, the '1990s wave' immigrants participated in social and cultural life; they established new political parties and mass media, opened new schools offering advanced educational programs, created theatres and orchestras. They acquired Hebrew and absorbed the Israeli culture that affected their mother tongue. They showed a possibility to separate Jewish identity from religious practices and customs (Al-Haj, 2002). The Soviet Jewishness represents a particular cultural phenomenon; the FSU immigrants enriched the phenomenon by their own understanding of national loyalty (Gershenson, Shneer, 2011; Galili, 2020).

The '1990 wave' immigrants avoid discussing their traumatic experience of absorbing new social norms and cultural customs. The children who came to the country with their parents in the nineties were identified as the '1.5 generation'; they prefer to maintain their Russian cultural identity along with Israeli culture even after 25 years in the country (Niznik, 2011). In the second decade of 2000s, 1.5ers made a successful attempt to present their reflection of the trauma of absorption in the art, prose and verses written in Hebrew.

The intention to bring troubles of the 'Russian street' into the Hebrew-speaking cultural context shows a discrepancy in the social behavior between 'silent parents and articulate children' (Remennick, 2018). The FSU immigrants kept the Russian language active in their everyday communication. Their Russian contains peculiarities of different dialects so it shows multiple deviations from the norms of the Russian literary language. Moreover, language attrition is obvious in their speech regardless of their command of Hebrew (Baladzhaeva, Laufer, 2016). The 'silent parents' experience narrowing of the Russian lexicon due to limited functions of Russian in the modern global world (Mustajoki et al., 2019). Syntax simplification appears under the influence of the colloquial speech in the 'Russian street' and the impact of the Hebrew speaking environment (Naidich, 2008). Russian is restricted to the needs of life routine. Broadcasting in particular media and publications in Russian journals, newspapers, and websites do not match standards of the literary Russian language; the language of the articles and posts acquired some features of the Russian colloquial speech (Yelenevskaya, 2015).

The recent immigrants' wave was triggered by the Russian-Ukrainian conflict in 2014 and the Crimea crisis (Erofeev, Herbst, 2019). Between 2014 and 2017, 44,959 immigrants from the FSU (42.2 % of the total immigrants at the period) arrived in Israel (CBS, 2018). This wave brings Russian speakers from Ukraine along with Jews and their family members from Russian met-

ropolitan areas. The latter group belongs to the 'Putin Exodus'. Due to their active socialization, the newcomers from Russian metropolitan areas became a perceptible part in the Russian-speaking community. Since the immigrants of the 'Putin Exodus' were pushed to Israel by the political crises, they probably had not been deeply involved in Jewish culture and customs before they arrived in the country (Hanin, 2016). The immigrants prefer to introduce themselves as the 'qualitative Aliyah'. Israeli media commented on disputes between the veteran immigrants and the 'Putin Exodus' emphasizing sharp contradictions between the 'sausage Aliyah' and the 'cheese Aliyah', respectively (Hanin, 2016). These references emphasize the economic background of the contradictions but simplify inconsistencies in immigrants' mentality and life experience. In the second decade of the XXI century, Russian Jews intended to emigrate due to social factors; they aimed to improve the quality of their life considering healthcare and education (Tartakovsky, Patrakov, Nikulina, 2017). The newcomers' cultural and political preferences differ from those of the veteran immigrants since the newcomers had experienced the new live style during a short period of economic liberalization in the Russian open society.

The newcomers brought new global cultural trends opening bookstores, coffee clubs and blogging platforms for Russian Israelis (Rebel, 2016). Their Russian does not have any features of attrition because their arrival in Israel does not interrupt their online and offline involvement in current cultural and political life in Russia (Borisova-Linetskaya, 2019).

Thus, since the nineties, the Russian-speaking community in Israel contains representatives of the various social groups including the upper middle class. Previous waves of immigration were inspired by Zionism, Jewish religious ideology and the Holocaust, while the '1990s wave' immigrants and the 'Putin Exodus' were far from being motivated by religious or Zionist ideas. The immigrants of the '1990s wave' came to Israel mostly because of economic and social reasons, while the 'Putin Exodus' was triggered by political and social reasons. To be precise, the immigrants of the '1990s wave' and the representatives of the 'Putin Exodus' emigrated from different countries (the Soviet Union and Russian Federation, respectively), their cultural preferences partly overlapped, and they speak different idioms of the Russian language.

3. Material and Methods

The research was conducted on the material of the free association test and blogs of the Russian Israelis. The test discloses the attitudes and preferences of the Russian-speaking community members, who do not write blogs. The free association test, which was held with native Russian speakers from Russia, allows for receiving impulsive reactions to Russian words that reveal understanding of the semantic connections in the Russian lexicon and links to the Russian cultural context (Ovchinnikova, Yelenevskaya, 2019).

The similarity between the '1990s wave' and 1.5ers was examined in the written free association test held in 2014–2016, at the beginning of the new

immigration wave. The respondents (84 adults) received the stimuli list with 112 Russian words, which matches the part of the stimuli set for the Russian Association Thesaurus³. They also filled in the computer questionnaire with multiple-choice questions; the answers contain their personal details (age of immigration; education; occupation; where they speak Russian). Eighty-four respondents produced 9,408 associations (see Table 1).

Table 1

Quantitative description of association test results

Respondents	Age	
	20 – 35 years old	36+ years old
Less than 10 years in Israel	18	3
More than 10 years in Israel	36	27
Representatives of 1.5 generation	24	0
Total associations	6,048	3,360

Our respondents had emigrated from Russia to Israel before 2010: 63 of them spent more than 10 years in the country, 21 arrived between 2006 and 2010. Seventy-five of the respondents completed at least a Bachelor's degree, 18 of them completed MA or MS degrees. To uncover the difference between adults of the '1990s wave' and 1.5ers, we compared the association sets generated by respondents of two age groups: below / over 36; 54 respondents did not reach the age of 36 at the moment of the test, 30 respondents were over 36. We examined the association sets applying semantic and comparative analysis.

The opinions and attitudes of the Russian Israelis are disclosed in their posts and blogs on social networks and online media. Since social networks belong to particular sources of information, where a blogger's identity is often hidden or mystified, social media posts require a specific research that is beyond the objective of this paper. Blogs and personal stories of newcomers have been published on Israeli websites including Russian TV channels⁴, Tarnbut.ru website, which was accessible during a competition among Russian amateur writers in 2007–2010, and Shakshuka.ru⁵, which functioned from 2015 until 2019 and is still available in web archives.

The sources uncover the opinions, expectations and attitudes of the Russian-speaking immigrants. Shakshuka.ru was delivered in 2015, and in two years became a well-known website among the 'Putin Exodus' representatives. In May 2017, the Russian-speaking community nominated the co-producer and editor of the website Alina Rebel as one of the "persons of the year". Alina Rebel is a Russian journalist who made her Aliya in 2014. Alina's project consolidated the journalists, businesspersons, intellectuals of

³ *Русский ассоциативный словарь*. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (accessed: 29.12.2021).

⁴ *9tv*. URL: <https://www.9tv.co.il/category/30> (accessed: 29.03.2022).

⁵ *Shakshuka.ru*. Блог по-израильски. URL: <https://shakshuka.ru/> (accessed: 29.03.2022).

the 'Putin Exodus'. We study the target audience, references to the relevant cultural context and events in Russia and Israel by applying discursive and comparative analysis.

4. The Cultural Discrepancy between the '1990s wave' Immigrants and the 1.5 Generation

4.1. *The Explication of the Russian Language Attrition and the Presentation of Russian Culture in the Free Associations*

Analysis of the association sets reveals a distribution of semantic connections in the Russian lexicon of the veteran immigrants and the influence of the Hebrew language and culture on the Russian language attrition. The semantic analysis of the associations shows essential differences between Russian lexicons of immigrants of the '1990s wave' and 1.5ers. Representatives of two groups revealed divergent interpretations of the meaning of the stimuli words and different structures of the semantic connections in their individual lexicons.

In the files of respondents, the Russian language attrition is obvious due to orthographic errors, Latin transliteration of Russian words, Hebrew words or nonce words in respondents' answers. Almost all of the files of 1.5ers contain associations in Hebrew, nonce words and spelling errors in Russian. Almost 65 % of the files include spelling errors. The younger respondents often repeated the same reaction to different stimuli words when they experienced difficulties while recollecting Russian words and choosing a reaction. The repetitive reactions belong to the basic lexicon; they occur in 60 % of the files. The representatives of the 1.5 generation sometimes reacted by the very basic words to five or even more stimuli words (e. g., 'happiness, to love, war, money, people → peace'; 'sick, clever, beautiful, stupid → man'). Producing the same associations on several stimuli words of the given list reveals the narrowing of the respondent's Russian lexicon caused by the limited use of Russian in his / her everyday communication.

One fifth of the association database (20 %) represents connection to the Jewish holidays, Israeli routine and nature. The respondents mentioned events from the recent history of the State of Israel ('Lebanon War', 'IDF', 'Arabs', 'Islam', etc.). All of the respondents, who spent more than 10 years in the country, generated associations from the semantic field 'war'. The representatives of 1.5ers mentioned wars and weapons ('bomb, bullets, battle') almost eight times as frequent as the respondents aged over 35. The representatives of 1.5ers referred to their Israeli routine and experience while reacting to the neutral stimuli words ('village → Druse'; 'to shout → Moroccan woman'). However, their parents associated the Russian stimuli words with their lifestyle in the FSU and Russian culture ('monument → Lenin'; 'war → the sacred'⁶) since Russian is the language of their education and development of the cultural identity.

⁶ The reference to the famous Soviet song of the Second World War.

The stimuli words evoked many associations with cultural artefacts (see Table 2). For those who have spent more than 10 years in Israel, the Russian words represent a key to the Russian culture. The respondents aged below 36 produced more cultural associations than the respondents in their forties and fifties.

Table 2

**Cultural associations of the Russian Israelis
(percentage to the association set of the certain group)**

Associations	Produced by respondents who spent 10+ years in Israel	Produced by respondents who spent less than 10 years in Israel
Total	7056	2352
Cultural associations, produced by respondents aged below 36	430 (6.09 %)	140 (5.95 %)
Cultural associations, produced by respondents aged over 35	359 (5.09 %)	49 (2.08 %)

In their cultural associations, the respondents mention historical events, art artefacts, folklore and literature. The Russian associations with Israeli culture are of no importance in the mentality of the veteran immigrants. The immigrants of the '1990 wave' associated Russian words with world culture ('man → Renaissance', 'clever → Elsie', 'to keep up → to be running for the Canadian border'⁷). Obviously, associations with Russian culture prevail over various reactions connected to the world culture. The cultural associations of the Russian Israelis of the '1990 wave' correspond to cultural life and activity that they remembered from the FSU in its nineties or official Soviet culture of their childhood ('old → bolshevik', 'good → Mayakovsky', 'stupid → penguin'⁸, 'rich → oligarch').

The associations of 1.5ers reveal connections to Russian folklore, proverbs (e.g. 'forest → wolf'; 'bread → salt'), Russian customs ('grandmother → pelmeni' (meat dumplings)); 'bread → borodinsky'⁹), well-known Soviet verses for children ('uncle → Styopa'). They referred to masterpieces of the Russian literature ('war → and peace') and political slogans ('homeland → mother'), to Russian history ('rich → boyar') and popular Russian crime films ('brother → 2'). Since many of 1.5ers had arrived in Israel in their teens, they are able to remember well-known poems of their childhood. Nevertheless, their parents often continued to educate the children at home reading Russian books and watching Russian films; current Russian pop culture is also wide spread in Israel.

⁷ The combination of the stimulus word and its association exactly matches the Bill's speech in the Russian translation of "The Ransom of Red Chief" by O'Henry.

⁸ The reference to "The Song of the Stormy Petrel" by Maxim Gorky.

⁹ The reference to a particular label, which is popular in Russia and abroad.

Thus, semantic network based on the mother tongue of 1.5ers is adjusted to the Russian-speaking community; they use the language in family conversations to verbalize the popular topics. They brought the Russian customs of their childhood including the Russian classics and the protest culture of the perestroika (the film "Brother-2") to their new homeland. Their current lifestyle is associated with Hebrew; however, they are able to connect the Russian words to the Israeli routine. The well-educated immigrants of the '1990 wave' preserved the quality Russian language as a key to the culture and life experience since their Hebrew is poorer than Russian. In their free association test, the influence of Hebrew was almost unnoticeable.

Thus, the discrepancy is discovered in the degree of language attrition, the sphere of communication in Russian, involvement in current everyday life and social events in Israel.

4.2. The Explication of the Cultural Discrepancy between 'Silent Parents and Articulate Children'

In the first decade of the 2000s, the Telecommunication Group Cellcom delivered the project Tarbut.ru and announced annual competitions for Russian Israelis¹⁰. After the competitions of artists and musicians, Russian journalists and amateur writers received the opportunity to publish their poems and short stories on the Tarbut.ru website. Cellcom promised to translate the best 30 works into Hebrew and to publish the book (The Winners of the Tarbut.ru..., 2009). Among the winners of the competition, the '1990 wave' immigrants prevailed over 1.5ers since the latter group had already begun to write in Hebrew in the noughties. The competition of poets and writers attracted a lot of gifted and already well-known authors who belong to immigrants of the '1990 wave' (Mikhail Ziv) and 1.5ers (Alexander Averbukh). The readers had been interested in verses of the well-known poets before their immigration; the poets have continued to follow the traditions of Russian poetry in Israel. While writing in Russian, they use elegant tropes describing a detail that triggers a transformation of the inner world. For instance, Alexander Averbukh, who had arrived in Israel at the age of 16, expresses how an injured soldier perceived the flowing time in the military hospital:

(1) 'часики тикали скоро били / времечка бусинки нанизывали'¹¹

Literal translation: clocks were ticking rapidly striking / were stringing small beads of time.

Nevertheless, the Russian-speaking poets and writers usually avoided expressing their traumatic personal immigration experience in their Russian poems and prose.

Later in the second decade of the new century, some of 1.5ers obtained Hebrew-speaking readership since their voices sounded in Hebrew. Alex Rif

¹⁰ *Israelinfo*. Израильский потребитель. URL: <https://potrebitel.israelinfo.co.il/cellular/cellcom/6477> (accessed: 29.03.2022).

¹¹ *Полутона*. URL: <https://polutona.ru/?show=0723211827> (accessed: 29.03.2022).

and Rita Kogan produced the poetic monologues touching the immigration trauma and the inconsistent identity of the young Russian women who resisted the negative stereotyping by Israelis (Moshkin, 2019).

Alex Rif is a founder and a CEO of The Cultural Brigade. The Brigade aims to bridge divergent traditions of the FSU immigrants and customs of the Israeli society. Alex explains her family immigration trauma through juxtaposing a purchase of an air conditioner on the 25th anniversary of their Aliya and appearance of a newborn infant. Her appeal to her “air conditioner-brother” refers to the common explanation of the appearance of a new baby that parents pronounce to siblings: a new child is bought in a shop or is brought by a stork. The purchase of the air conditioner, which is required in the tropical climate of Israel, manifests the long way of survival of a typical family of Russian immigrants in the last decade of the XX century. Almost every family of Russian immigrants of the ‘1990 wave’ had been facing the choice: to give their children an opportunity to acquire Israeli culture or to provide the family with a necessary tool for comfortable life. The lyric protagonist who belongs to 1.5ers does not approve her parents’ choice. Alex is also able to put herself in the veteran immigrant’s shoes when describes a reception of a new Russian child in an Israeli kindergarten (Katsman, 2020):

(2) ‘I was already the one / Who explained to him, / In distinct Hebrew words, / That socks and sandals are, / How to put it, ugly...’

On the one hand, the lyric protagonist experiences the personal transformation from the Russian child who lacks socializing to the experienced veteran who undertakes the task of socializing repatriates. On the other hand, the lyric protagonist matches the image of the ‘1990 wave’ representatives as immigrants of the ‘Putin Exodus’ have perceived them. The representatives of the ‘Putin Exodus’ portrayed a typical FSU immigrant of the ‘1990 wave’ as an intrusive person who aggressively defends outmoded stereotypes and values (Rebel, 2016). Alex Rif expressed her comprehension of her parents’ trauma and found a way of her own to involve the ‘1990 wave’ representatives in the current multicultural context of Israel.

Another representative of the Hebrew-writing poets of the 1.5ers, Rita Kogan proclaimed her self-definition¹²:

(3) ‘You’re leftist? Weird. You’re Russian! – Do you have a boyfriend? No? Weird. You’re Russian! – You won’t fuck me? No? But you’re Russian. – You fucked him? Already? Sure, you’re Russian’.

The position of the poets was associated with the activity of the Fishka club in Tel-Aviv (Remennick, Prashizky, 2016). The poets spoke on behalf of their mothers who had silently survived through the horror of the first years in Israel (Remennick, 2018). The recent trend in the Hebrew poetry of the

¹² *Interactive comment on “Comparison of different droplet measurement techniques in the Braunschweig Icing Wind Tunnel” by Inken Knop et al. doi: 10.5194/amt-2019-494-rc1 (accessed: 29.03.2022).*

Russian Israelis transform the image of the Russian woman into the lost soul suffering from the patriarchal and sexist everyday culture of Israeli men but attempting to pronounce her independence and spiritual freedom.

Thus, the veteran immigrants' attitudes to the Russian language and culture differ from those of 1.5ers since young people are involved in the cultural activity and participate in the Hebrew-speaking cultural processes articulating the special self-portrait of the inhabitant of the 'Russian street'. For 1.5ers, the Russian language lost its peculiar function as the main key to the world cultural heritage.

5. The Cultural Discrepancy between the Veteran Immigrants and the Representatives of the 'Putin Exodus'

5.1. The Explication of Russian Language Attrition in Creative Writing of the '1990 wave' Immigrants

Russian Israelis have published their blogs on social media and various websites since the noughties. The bloggers write about culture, politics, economics, Jewish customs and traditions; they discuss the relationships of different groups in the 'Russian street' and the contradictions between Russian Israelis and other communities in the country. To obtain a representative sample of the veteran immigrants' writing, we choose their publications on the Tarbut.ru website. Since the website had been created for the competition in 2009, it published selected works representing different genres. The works of Russian amateur writers presented on the Tarbut.ru website allow discovering and analyzing deviations in the Russian language of the '1990 wave' representatives and those of 1.5ers who are fluent in written Russian.

The amateur authors mostly belong to the '1990 wave' immigrants; however, a quarter of the participants represents 1.5ers. The representatives of the latter group arrived in Israel in their teens, thus they had at least almost completed their secondary school classes in the FSU. The prose of the Russian-speaking amateur writers who participated in the competition shows various features of language attrition. In a half of the short stories, essays and blogs published on Tarbut.ru, mistakes and deviations occur in lexical choice, grammar, and style of the prose (we keep the authors' spelling in the quoted texts). The lexical choice in the short stories of the participants reveals the impoverished lexicon as well as distorted semantic connections. The instances of the lexical deviations are shown in the quotes (4), (5), (8–10) from the works of the '1990 wave' amateur writers; the quotes (6), (7) manifest lexical mischoices from the works of their children. The simple general words from the basic lexicon prevail in the writings (see: (4) 'неприятные последствия' (unpleasant consequences) refers to the earthquake and tsunami). The writers err in rare words and neglect connotations (as irony in 'взбрыкнувшая природа' (the kicking up nature)):

(4) 'Жуткое апокалипсическое происшествие в Японии, которое мы смотрим, содрагаясь от неприятных последствий взбрыкнувшей природы.'

Literal translation: The scary apocalyptic (instead of 'apocalyptic') incident in Japan, which we are watching shadding (instead of 'shuddering') from the unpleasant consequences of the kicking up nature.

Nonce words (see: (5) 'словословие' instead of 'многословие') appear in the participants' writings along with erroneous choice of a paronym (see: (6) 'бродящие' instead of 'бродячие'; (13) 'непорядки' instead of 'беспорядки'):

(5) 'Мне жалко времени на беспредметное словословие! Столько много говорите, а результат нулевой!'

Literal translation: I am sorry for the time on pointless verbverbity (instead of 'verbosity')! So much you are talking but the result is null!

(6) 'Я привыкла к тому, что нет бродящих собак.'

Literal translation: I am used to that there are no wandering (instead of 'stray') dogs.

The Russian language attrition brings in distortion of collocations and phraseology. The participants of the Cellcom competition combine similar phraseological units in one phrase (7), omit (8) or substitute (9) words, and insert additional words (10) in phraseological units:

(7) 'У меня чесалось на языке спросить.' ('чесать языком', 'вертеться на языке / на кончике языка').

Literal translation: It was itching on my tongue to ask (the Russian sentence contains combination of two phraseological units: to chew the rag, to be on the tip of the tongue).

(8) 'Ришайон, теудат и главное ришайон рехев все исчезло как корова языком.' (the verb 'слизала' is omitted).

Literal translation: Rishayon ('the driving license' in Hebrew), teudat ('teudat zeut', ID in Hebrew) and the most importantly rishayon rehev ('the car license' in Hebrew) all disappeared like a cow (the verb 'licked' is omitted) by the tongue (the Russian equivalent of 'vanished into the thin air').

(9) 'Ортодоксы висят (instead of 'сидят') на шее трудящихся и правду не найти.'

Literal translation: Orthodox (members of the Orthodox-Judaism community) hang (instead of 'sit') on the neck of workers and the truth cannot be found.

(10) 'Ложка дорога в тарелке к обеду.' (instead of 'дорога к обеду ложка').

Literal translation: The spoon is dear in the plate for dinner (the Russian equivalent of 'slow help is no help').

Grammatical and stylistic deviations are represented by:

- using a serial verb construction instead of the perfective verb with the prefix (11),
- mischoice of the Case (overuse of Genitive: (12)),
- distorted word order (13),
- syntactic constructions from the official style (14),
- overusing passive voice (14) and reflexive verbs (15),
- mischoice of prepositions (16).

(11) 'Начало наступать лето.' (instead of 'лето наступило').

Literal translation: It began to come summer. (instead of 'summer came').

(12) 'Пойду на пенсию, хрен я хоть одного дня работать буду!' (instead of 'один день' (Acc. Sing.).

Literal translation: I will go to retire, hell I at least one day (Gen. Sing.) work will.

(13) 'Он пристал в молодости к группе религиозной в Иерусалиме, делающей непорядки' (instead of 'В молодости он пристал к религиозной группе в Иерусалиме...').

Literal translation: He adhered in his youth to group religious in Jerusalem doing disorders (instead of 'In his youth, he adhered to a religious group in Jerusalem...').

(14) 'Будучи по делам в Штатах у друзей на юге в Мемфисе, был приглашен ими в казино.'

Literal translation: Being on business in the States at friends in the south in Memphis, was invited by them in a casino.

(15) '...просветленно подумалось тогда, но, как всегда, запоздало.'

Literal translation: ...enlightened was thought then, but as always backwardly.

(16) 'Возникает вопрос: с кем жениться?' (instead of 'на ком').

Literal translation: The question arises: with whom to marry? (instead of 'on whom').

Instances of grammatical and stylistic deviations occasionally occur in prose of the '1990 wave' amateur writers (11, 12, 14); however, the grammatical deviations regularly appear along with lexical mistakes in the works of 1.5ers.

Transfer from the Hebrew language is obvious thanks to the Hebraisms (8), postposition of attributes (13), and calques of prepositional constructions (16). Hebraisms are typical of the 1.5ers' writing; the amateur writers often applied calques from Hebrew including constructions 'to do + noun' (see (13): 'делать непорядки' → 'делающей непорядки' (to do disorders → doing disorders)).

In the creative writings of Russian Israelis, attrition of the Russian language appear in syntax simplification, substitutions of conjunctions, prevailing of simple words from the basic lexicon over semantically appropriate lexemes, neglecting connotations, distortion of the phraseology, transfer from Hebrew. They are often unable to choose an appropriate word due to impoverishing of their Russian lexicon. The representatives of 1.5ers experienced the strong impact of the Hebrew language while writing in Russian that is revealed in lexical and grammatical calques, nonce words and Hebraisms.

5.2. The Explication of the Cultural Preferences and Attitudes of the 'Putin Exodus'

The Russian-speaking immigrants, who had arrived in Israel in 2014–2018, are also identified as the 'Aliyah of productive people'. They stepped in the politics and were eager to claim their rights and interests from the

very first days in the country. The blog platform Shakshuka.ru offered them an opportunity to share ideas and impressions with the 'Putin Exodus' community and with Russian speakers all over the world. The co-founder and editor of Shakshuka.ru the Russian journalist Alina Rebel opened her resource for storytelling that might be able to attract a wide Russian readership and to consolidate newcomers' attempts to build Israeli home of their own.

The 'qualitative Aliyah' considered the immigration as a quest (Farkash, 2016). The immigrants investigated local customs from the point of view of a curious and skillful traveler who is aware of a possible traumatic experience. The bloggers discovered the specific means to perform everyday tasks and described their solutions, they told stories about hiking and travelling all over their new homeland, shared receipts of humus and fried eggplants, promoted their business ideas and products, discussed news from Russia and the principles of the Universe. The bloggers protested against the reconstruction of Soviet ideology in Russia and shared their experience with those who would like to understand the challenges of the immigration to Israel.

Putting aside political debates between the newcomers and the veteran immigrants, we observe the discrepancy in their attitude to Russian culture in Israel and to the immigration trauma. The representatives of the 'Putin Exodus' did not concentrate on the trauma since they took a chance to explore the new life keeping in touch with their friends in Russia thanks to computer-mediated communication. The newcomers were involved in cultural and political events in Russia more tightly than in the current political context of the Middle East. The enthusiasm and openness helped them to accept the values of simple life and Levantine patience. Thousands of Russians all over the globe shared their 'osim haim' ('enjoy your life') manifest (Shustikova, 2016). The bloggers acquired the skills to absorb the everyday routine of a worker in an Israeli vegetable store that was extremely far from the familiar routine of a cultural event manager in Moscow (Milgram, 2016). They investigated opportunities to find a job with poor Hebrew but excellent command of the English language combined with IT competencies¹³. They discovered unfamiliar historical details about British soldiers in Palestine under the British Mandate¹⁴ and discussed life stories of Jewish families. Some of the newcomers had learned Hebrew before their Aliya, thus they explained the difficulties of communication with Israelis where silence appears to be an inexcusable error. Fluent Hebrew acquired in Russia did not always provide a smooth conversation with Israelis¹⁵.

The Israeli culture penetrated into the content on the website in reviews of the Israeli films, which attracted the attention of journalists at the Interna-

¹³ *Работа в Израиле: 11 советов для растерявшихся* // Шакшука.ру. Блог по-израильски. URL: <http://www.shakshuka.ru/rabota-v-izraile/2641> (accessed: 29.03.2022).

¹⁴ *Гарри Поттер похоронен в Рамле*. URL: <http://www.shakshuka.ru/harry-potter-pohoronon-v-ramle/2579> (accessed: 29.03.2022).

¹⁵ *Худшая ошибка на иврите – молчать* // Шакшука.ру. Блог по-израильски. URL: <http://www.shakshuka.ru/hudshaya-oshibka-na-ivrite-molchat/2887> (accessed: 29.03.2022).

tional festivals, and tours of the Russian artists, who claimed their anti-Putin position. The trauma they discussed in the blogs concerned the cold reception they obtained from the representatives of the '1990 wave'. Nevertheless, the representatives of '1990 wave' participated in the Shakshuka.ru project; they shared their success of personal absorption or provided a survey of Israeli life in various spheres.

The objectives and style of the Shakshuka.ru website did not suppose interviewing Israeli politics, activists and celebrities of Israeli culture since the website expressed the viewpoint of the newcomers who were 'blogging in Israel'. Nonetheless, an interview with the prominent leftist politician Yair Lapid was published on the website in February 2019¹⁶ when Lapid was about to clarify the joint political program for the leftist block 'Kachol-ve-Lavan'. The publication revealed the political sympathy of immigrants of the 'Putin Exodus' that showed their closeness to 1.5ers and disagreement with the elderly 'Russian street' inhabitants (Tolchin Immergluck, 2019).

The 'Putin Exodus' and the bloggers of Shakshuka.ru are also associated with misunderstanding of multicultural Israeli discourse and disregard for the current cultural context of the 'Russian street' and 1.5ers (Chipka-ne, 2018). Indeed, the reviews of the cultural events on Shakshuka.ru mainly described the concerts and exhibitions in the context of world and Russian culture ignoring the clubs like Fishka and the activity of the Russian-speaking community. However, stories about 1.5ers were published on the website describing a successful personal experience of overcoming the trauma¹⁷. While Russian 1.5ers have made attempts to explain the trauma of the '1990 wave' immigrants in Hebrew, the newcomers kept their distance from the simple Russian language, culture and lifestyle of the 'Russian street' sometimes referring to the 'mestechkovy' character of Russian culture in Israel¹⁸.

The newcomers' point of view reveals the position of the external observer who has no intention to become deeply involved in the Middle East Israeli routine and to comprehend its irreconcilable contradictions. They associate themselves with the leftist intellectuals who support democracy and cultural diversity in the modern global world but avoid any involvement in the troubles of multicultural communities. A prominent journalist from the 'Putin Exodus' refers to the famous Nekrasov's verse about true patriotism clarifying her intention to oppose and criticize any Israeli government in power (Borisova-Linetskaya, 2019). The opposition to those who are in power is an immanent feature of the behavior code of the Russian intelligentsia (Uspensky, 1999, p. 13). The reminiscence about the White Guard emigration (Rebel, 2016) explains the inconsistent self-identification of the representatives of the 'Putin Exodus'. On the one hand, they proclaim democracy, hu-

¹⁶ Яир Лapid: «Израиль это война хороших идей» // Шакшука.ru. Блог по-израильски. URL: <http://www.shakshuka.ru/lapid/5544> (accessed: 29.03.2022).

¹⁷ «На хрена вы меня сюда привезли?». URL: <http://www.shakshuka.org.il/nahrena-vu-menya-syuda-privezli/> (accessed: 29.03.2022).

¹⁸ Была бы я Герцелем или Бен-Гурионом, назвала бы нашу страну Хахатуль. URL: <http://www.shakshuka.org.il/hahatul/3804> (accessed: 29.03.2022).

manity, tolerance and support of the Israeli multiculturalism; these views do not match the White Guard emigrants' ideology. On the other hand, they preserve their special status in the country by being external observers and preferring to keep distance from the mixed culture and religious traditions of the 'Russian street'.

6. Discussion of the Cultural Discrepancy

The culture of the community of Russian Israelis represents a conglomerate of trends and styles that shows the diversity of the 'Russian street' inhabitants. Russian speakers belong to different circles of the Israeli society; they support different political parties, read different magazines and watch different TV channels (Galili, 2020). The theory of co-existence of the elite and mass culture (Lotman, 1993) does not explain the discrepancy in their preferences since Russian Israelis of different immigration waves support elite and mass culture as well. They quote Russian classics, read popular bloggers and enjoy popular shows. However, representatives of the 'qualitative Aliyah' emphasize their belonging to elite culture through the reminiscence of the White Guard and romanticizing their Exodus from Putin's Russia. Representatives of the '1990 wave' show their deep involvement in everyday routine avoiding any attempt to romanticize their immigration. Attrition of the Russian language generates grounds for divergence between the '1990 wave' immigrants and the 'Putin Exodus'. However, many representatives of the '1990 wave' do not show perceptible instances of the Russian language attrition as we concluded based on the analysis of the results of the association test.

Attrition of the Russian language in the amateur writers' texts is very similar to the features of attrition in 1.5ers' spontaneous speech and everyday speech in non-official communication (Yelenevskaya, 2015). The instances of impoverishment of the Russian lexicon in the writings of Russian Israelis partly matches the deviations in the lexical choice in papers of foreign postgraduate students of Russian University (Akhapkina, 2015). Foreign students overuse general words, mix up paronyms, and distort idioms (Akhapkina, 2015). The similarity manifests the transformation of the linguistic competence under the influence of bilingualism when a multilingual speaker lacks particular practice in his / her L1 / L2 due to the restricted use of the language in a specific communicative sphere (Aronin, Maccozet, 2021).

The deviations in grammar and style are often caused by interlanguage interference, therefore the similarities between the Russian Israelis' creative writing and texts of students of Russian as a foreign language require accurate analysis in the aspect of contrastive linguistics. Nevertheless, a set of the common errors and mistakes in grammar includes overusing passive voice; choosing serial verb constructions and simple verbs ('to do', 'to have'); mixing up prepositions; mixing up Cases (overusing Gen). These features show the tendency to develop analytic structures. Thus, the transformation of the syntactic structures and shifting to the basic lexicon do not exclusively specify the Russian Israeli writings and do not strictly correspond to the 'meshtekovy' culture.

Nonetheless, contradictions in the attitudes to the 'Russian street', current Israeli culture and the Israeli identity are revealed in debates among immigrants of the '1990 wave', 1.5ers and the representatives of the 'qualitative Aliyah' (Borisova-Linetskaya, 2019). The cultural discrepancy between immigrants of the '1990 wave' and the representatives of the 'qualitative Aliyah' is caused by their dissimilar backgrounds and the divergence in experiencing Soviet life style. While the '1990s wave' immigrants had escaped from the collapse of the socialist economy, the representatives of the 'Putin Exodus' avoided participating in the reconstruction of the Soviet Union with its restrictions and isolation from the Western world. They do not deeply support Judaism feeling free from any obligations to follow the traditions. Noticeable representatives of the 'Putin Exodus' claimed that their ideas and principles belong to the current global trends in the mentality of the leftist intellectuals (Borisova-Linetskaya, 2019). The representatives of the 'qualitative Aliyah', as they express themselves in their blogs, would like to consider the State of Israel to be a multicultural Western democracy identifying themselves as citizens of the free Western world. On the contrary, the '1990s wave' immigrants reveal a deep connection to the Soviet Jewishness and Israeli citizenship regardless of their religious confession and political sympathies (Al-Haj, 2002). When they support the leftist intellectuals' mentality, they consider the peculiarity of the Jewish state in the Middle East as well as particular features of Arabic states and their life style (Hanin, 2016).

The representatives of the 'qualitative Aliyah' also claim to be closer to 1.5ers than to their parents (Rebel, 2016; Borisova-Linetskaya, 2019). However, 1.5ers articulate the immigration trauma in Hebrew explaining the heritage of the Soviet Jewishness to the Hebrew-speaking cultural community in Israel. The representatives of the 1.5ers generation are aware of the divergence in the Russian speaking community (see (2)) and experienced discrimination (see (3)). They have been injured in the wars during their military service in the IDF and fight against the abuse and hidden discrimination of Russians in their everyday life. The cultural preferences of 1.5ers include current youth culture (Fishka club) and traditions of Russian poetry; they have been translating works of famous Russian poets into Hebrew and creating the intercultural bridge. The 1.5ers are bilingual and bicultural citizens of Israel who represent the peculiar Hebrew-speaking group within the Israeli community.

7. Conclusion

The cultural discrepancy within the community of Russian-speaking Israelis reflects the contradiction of two different cultural codes in Russian culture. In the cultural context of the veteran immigrants, Russian culture uses the literary language and colloquial speech; the latter has been transformed under the influence of Hebrew since nineties. The narrow communication sphere where the Russian language is acceptable in Israel leads to attrition of Russian among veteran immigrants. The culture of the 'Russian street' preserves the Russian traditions and absorbs the Jewish customs; the veteran immigrants associate the Russian language with their youth as well as with

the world cultural heritage. Struggling for their identity and claiming their belonging to Israeli culture, the 1.5ers generation intends to penetrate to the cultural context of the country that is why they discuss immigration trauma in Hebrew. The 'qualitative Aliyah' associates the 'proper' Russian Israeli culture with the literary language and behavior code of the 'Russian intelligentsia' that is expressed in the White Guard concept. While accepting some of the Jewish customs, the newcomers perform the quest rejecting the local culture and 'mestechkovy' life style. The discrepancy appears to be the consequence of the complex multicultural landscape of Israel as well as the particular attitude of the newcomers to the Jewish State.

References

Akhapkina, Ya.E., 2015. Peculiarities of the sentence structure in bilinguals' texts. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvosticheskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 11 (1), pp. 643–664. Available at: http://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_XI_1.pdf [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Al-Haj, M., 2002. Identity patterns among immigrants from the former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. ethnic formation. *International Migration*, 40 (2), pp. 49–70. doi: 10.1111/1468-2435.00190.

Aronin, L. and Maccozet, L., 2021. Dominant Language Constellations towards online computer assisted modelling. *International Journal of Multilingualism*. doi: 10.1080/14790718.2021.1941975.

Baladzhaeva, L. and Laufer, B., 2016. Is first language attrition possible without second language knowledge? *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 56 (2), pp. 103–136. doi: 10.1515/iral-2016-0066.

Borisova-Linetskaya, A., 2019, December 10. Pryamoi efir 32-go vypuska programmy "Perekhod". Ioav Prokof'ev, Viktoriya Roitman, interv'yu s redaktorom "ReLevant" [Live broadcast of the 32nd edition of the "Transition" program. Yoav Prokofiev, Victoria Roikman, interview with the editor of ReLevant]. *Open TV*. Available at: <https://www.opentv.tv/pryamoi-efir-32-vypuska-programmy-perehod/> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

CBS, Central Bureau of Statistics. 4.4., 2018. *Immigrants, (1) by period of immigration, country of birth and last country of residence*. Available at: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2018/4.%20shnatonimmigration/st04_04.pdf [Accessed 20 March 2022].

Chipka-ne, 2018. Nothing you get in Israel. *Live journal*, June 19. Available at: <https://chipka-ne.livejournal.com/17857.html> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Countrymetrics, 2020, June 21. Available at: https://countrymeters.info/en/list/List_of_countries_and_dependent_territories_of_the_World_by_population [Accessed 20 March 2022].

Erofeev, S. and Herbst, J.E., 2019. "Putin Exodus": The New Russian Brain Drain. *Atlantic Council, Eurasia Center*, February 21. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/the-putin-exodus-the-new-russian-brain-drain-3/> [Accessed 20 March 2022].

Farkash, A., 2016. Immigratsiya kak kvest [Immigration as a quest]. *Snob*, February 16. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/104640/> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Fialkova, L. and Yelenevskaya, M., 2007. *ExSoviets in Israel: From Personal Narratives to a Group Portrait*. Raffael Patai Series in Jewish Folklore and Anthropology. Detroit.

Galili, L., 2020. The other tribe: Israel's Russian-speaking community and how it is changing the country. *Foreign Policy at Brookings*. The Brookings Institution. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/FP_20200921_other_tribe_galili.pdf [Accessed 20 March 2022].

Hanin, Z., 2016. The new qualitative Aliyah: who are they? *Jerusalem Hronicles*, October. Available at: <https://gazeta.rjews.net/2016/hanin109.php> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Katsman, R., 2020. The Hebrew Poetry of the Younger Generation of Immigrants from the Former Soviet Union in Israel. Part 1: Alex Rif, Nadia-Adina Rose. *Iudaica Russica*, 4, pp. 18–39. doi: 10.31261/IR.2020.04.02.

Lipshitz, G., 1997. Immigrants from the former Soviet Union in the Israeli housing market: spatial aspects of supply and demand. *Urban Studies*, 34 (3), pp. 471–488. doi: 10.1080/0042098976087.

Lotman, Yu. M., 1993. Mass literature as a historical and cultural problem. In: *Izbrannyye stat'i: v 3 t. T. 3. Semiotika i tipologiya kultury* [Selected works: 3 vol. Vol. 3. Semiotics and Typology of Culture], pp. 380–388. Tallinn (in Russ.).

Milgram, M., 2016. Nothing will happen. *Shakahuka. ru*, September 9. Available at: <http://www.shakshuka.org.il/author/milgram> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Moshkin, A., 2019. Post-Soviet Nostalgia in Israel? Historical Revisionism and Artists of the 1.5 Generation. *East European Jewish Affairs*, 49 (3), pp. 179–199. doi: 10.1080/13501674.2019.1715723.

Mustajoki, A., Protassova, E. and Yelenevskaya, M., eds. 2019. *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, politics and policies*. *Studies in Contemporary Russia*. Abingdon.

Niznik, M., 2011. Cultural practices and preferences of “Russian” youth in Israel. *Israel affairs*, 17 (1), pp. 89–107. doi: 10.1080/13537121.2011.522072.

Ovchinnikova, I. and Yelenevskaya, M., 2019. Evidence of intercultural communication within Russian-speaking community of Israelis. In: A. S. Borisova, A. V. Ignatenko, T. V. Larina and O. V. Lomakina, eds. *IV Firsovskie chteniya. Yazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [IV Firsov readings. Language in modern discursive practices: materials of reports and reports of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, pp. 414–422.

Prashizky, A. and Remennick, L., 2016. Ethnic awakening among Russian Israelis of 1.5 generation: Physical and symbolic dimensions of their belonging and protest. In: L. Remennick and A. Prashizky, eds. *Sociological papers: The Russian 1,5 Generation in Israel: Between Protest and Belonging*. Sociological Institute for Community Studies, Bar-Ilan University, Israel, pp. 1–17. Available at: https://sociology.biu.ac.il/sites/sociology/files/shared/sp_18_merged_file_with_pics_july_7.compressed.pdf [Accessed 20 March 2022].

Rebel, A., 2016. New Russian Life in the Jewish Country. *9tv*, May 21. Available at: <http://archive.9tv.co.il/news/2016/05/21/225933.html> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Remennick, L., 2018. Silent Mothers, Articulate Daughters: Two Generations of Russian Israeli Women Doing Jewishness and Gender. *Nashim: A Journal of Jewish Women's Studies & Gender Issues*, 32, pp. 58–76. doi: 10.2979/nashim.32.1.06.

Shustikova, Ye., 2016. We do live our life. *Shakahuka. ru*, February 21. Available at: <https://www.shakshuka.ru/osim-haim/1600> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Sokol, S. and Staff, T., 2019. Amended figures refute claim that 6 of 7 immigrants since 2012 aren't Jewish. *The Times of Israel*, December 24. Available at: <https://www.timesofisrael.com/amended-figures-refute-claim-that-6-of-7-immigrants-since-2012-arent-jewish/> [Accessed 20 March 2022].

Tartakovsky, E., Patrakov, E. and Nikulina, M., 2017. The emigration intentions of Russian Jews: the role of socio-demographic variables, social networks, and satisfaction with life. *East European Jewish Affairs*, 47 (2-3), pp. 242–254. doi: 10.1080/13501674.2017.1396175.

The Winners of the Tarbut. ru competition: Israeli Landscapes in Russian colors, 2009. *Strana* [The Country], December 7. Available at: <http://www.strana.co.il/news/?ID=47723&cat=5> [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Tolchin Immergluck, I., 2019. Russians are coming... to the polls. Israeli politicians are finally waking up. *The Times of Israel*, July 26. Available at: <https://www.timesofisrael.com/russians-are-coming-to-the-polls-israeli-politicians-are-finally-waking-up/> [Accessed 20 March 2022].

Tolz, M., 2016. Demography of the Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora. In: Z. Gitelman, ed. *The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany*. New Brunswick, New Jersey, pp. 23–40.

Uspensky, B., 1999. Russian intelligentsia as the peculiar phenomenon in Russian Culture. In: B. Uspensky, ed. *Rossiya: Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: Istoriya i tipologiya* [Russia. Russian intelligentsia and Western intellectualism: History and typology]. Moscow, 2(10), pp. 5–22. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php [Accessed 20 March 2022] (in Russ.).

Yelenevskaya, M. and Protassova, E., 2015. Global Russian: between decline and revitalization. *Russian Journal of Communication*, 7(2), pp. 139–149. doi: 10.1080/19409419.2015.1044599.

Yelenevskaya, M., 2015. An immigrant language in a multilingual state: Status and group competition (Russian in Israel). *Russian Journal of Communication*, 7 (2), pp. 193–207. doi: 10.1080/19409419.2015.1044598.

The author

Dr Ovchinnikova Irina, Professor, ManPower Language Solution, Israel.
E-mail: ira.ovchi@gmail.com

To cite this article:

Ovchinnikova, I., 2022, Cultural discrepancy within Russian-speaking community in Israel, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 102–123. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КУЛЬТУРНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СООБЩЕСТВЕ ИЗРАИЛЯ

И. Овчинникова

ManPower Language Solution, Israel
17 Ha'Mefalsim St., Petah Tikva 49514
Поступила в редакцию 12.02.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-6

Цель исследования – обнаружить и объяснить различия в культурных предпочтениях русскоязычных израильтян на материале блогов и свободных ассоциаций иммигрантов из стран бывшего СССР. В блогах, опубликованных на платформах конкурса «Тарбут.ру» и сетевого журнала «Шакшука», отражены предпочтения репа-

триантов 1990-х годов и «путинского исхода» 2014–2018 годов. Культурные ассоциации тех, кто не ведет блоги, изучены на материале ассоциативного теста, в котором участвовали в том числе и представители «полуторного» поколения (дети и подростки, приехавшие в Израиль в 1990-е годы вместе с родителями). Для выявления противоречий использован семантический, дискурсивный и сопоставительный анализ. В результате обнаружено, что репатриантов 1990-х отличает глубокая вовлеченность в политическую жизнь Израиля и приверженность еврейским традициям, сохранявшимся в СССР наряду с привычными советскими праздниками (Новый год, День Победы). Для представителей «полуторного» поколения русский язык уже не является ключом к мировой культуре – с мировой классикой они знакомятся в переводе на иврит; они вовлечены в ивритоговорящее культурное сообщество. Представители «путинского исхода» обсуждают Израиль и его культуру с позиций левых интеллектуалов. Они не поддерживают местечковый характер «русской улицы», избегают вовлечения в религиозные традиции. Противоречия обусловлены как спецификой ближневосточного государства, так и различиями в социокультурном опыте. Различия в культурных предпочтениях русскоязычных израильтян не совпадают с разграничением элитарной и массовой культур в рамках национальной культуры.

Ключевые слова: эмиграционные волны, языковая аттриция, травма эмиграции, русские израильтяне, блог, свободные ассоциации

Список литературы

Ахапкина Я. Э. Особенности построения предложения в письменной речи инофона // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11, № 1. С. 643–664.

Борисова-Линецкая А. Прямой эфир 32-го выпуска программы «Переход» // Open TV. 2019. 10 дек. URL: <https://www.opentv.tv/pryamoi-efir-32-vypuska-programmy-perehod/> (дата обращения: 20.03.2022).

Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 380–389.

Мильграм М. Ничего не произойдет // Shakahuka.ru. 2016. 9 сент. URL: <http://www.shakahuka.org.il/author/milgram> (дата обращения: 20.03.2022).

Поэты-победители конкурса Тарбут.ру: израильские пейзажи в русских тонах // Страна. 2009. 7 дек. URL: <http://www.strana.co.il/news/?ID=47723&cat=5> (дата обращения: 20.03.2022).

Ребель А. Новая русская жизнь в еврейской стране // 9tv. 2016. 21 мая. URL: <http://archive.9tv.co.il/news/2016/05/21/225933.html> (дата обращения: 20.03.2022).

Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. (ред.). Россия: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. История и типология. М., 1999. Т. 2, № 10. С. 5–22. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspenn/01.php (дата обращения: 20.03.2022).

Фаркаш А. Эмиграция как квест // Сноб. 2016. 16 февр. URL: <https://snob.ru/selected/entry/104640/> (дата обращения: 20.03.2022).

Ханин З. Новая качественная алия: кто она? // Хроники Иерусалима. 2016. Окт. URL: <https://gazeta.rjews.net/2016/hanin109.php> (дата обращения: 20.03.2022).

Шустикова Е. Осим хаим // Shakahuka.ru. 2016. February 21. URL: <https://www.shakahuka.ru/osim-haim/1600> (дата обращения: 20.03.2022).

Al-Haj M. Identity patterns among immigrants from the former Soviet Union in Israel: Assimilation vs. ethnic formation // International Migration. 2002. Vol. 40, № 2. P. 49–70. doi.org/10.1111/1468-2435.00190.

Aronin L., Maccozet L. Dominant Language Constellations towards online computer assisted modelling // International Journal of Multilingualism. 2021. doi.org/10.1080/14790718.2021.1941975.

Baladzhayeva L., Laufer B. Is first language attrition possible without second language knowledge? // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2016. Vol. 56, № 2. P. 103 – 136. doi.org/10.1515/iral-2016-0066.

Immigrants, (1) by period of immigration, country of birth and last country of residence. 2018 // CBS, Central Bureau of Statistics. 4.4. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2018/4.%20shnatonimmigration/st04_04.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Chipka-ne. В Израиле всё нет! // *Livejournal.com*. 2018. 19 июня. URL: <https://chipka-ne.livejournal.com/17857.html> (дата обращения: 20.03.2022).

Countrymetrics. 2020. June 21. URL: https://countrymeters.info/en/list/List_of_countries_and_dependent_territories_of_the_World_by_population (дата обращения: 20.03.2022).

Erofeev S., Herbst J.E. “Putin Exodus”: The New Russian Brain Drain // *Atlantic Council, Eurasia Center*. 2019. February 21. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/the-putin-exodus-the-new-russian-brain-drain-3/> (дата обращения: 20.03.2022).

Fialkova L., Yelenevskaya M. ExSoviets in Israel: From Personal Narratives to a Group Portrait // *Raffael Patai Series in Jewish Folklore and Anthropology*. Detroit, 2007.

Galili L. The other tribe: Israel’s Russian-speaking community and how it is changing the country // *Foreign Policy at Brookings*. The Brookings Institution, 2020. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/FP_20200921_other_tribe_galili.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Katsman R. The Hebrew Poetry of the Younger Generation of Immigrants from the Former Soviet Union in Israel. Part 1: Alex Rif, Nadia-Adina Rose // *Iudaica Russica*. 2020. №4. P. 18 – 39. doi.org/10.31261/IR.2020.04.02.

Lipshitz G. Immigrants from the former Soviet Union in the Israeli housing market: spatial aspects of supply and demand // *Urban Studies*. 1997. Vol. 34, №3. P. 471 – 488. doi.org/10.1080/0042098976087.

Moshkin A. Post-Soviet Nostalgia in Israel? Historical Revisionism and Artists of the 1.5 Generation // *East European Jewish Affairs*. 2019. Vol. 49, №3. P. 179 – 199. doi.org/10.1080/13501674.2019.1715723.

Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya M. (eds.). *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, politics and policies*. *Studies in Contemporary Russia*. Abingdon, 2019.

Niznik M. Cultural practices and preferences of ‘Russian’ youth in Israel // *Israel affairs*. 2011. Vol. 17, №1. P. 89 – 107. doi.org/10.1080/13537121.2011.522072.

Ovchinnikova I., Yelenevskaya M. Intercultural Communication within Russian-speaking Community of Israelis” // A.S. Borisova, A.V. Ignatenko, T.V. Larina, O.V. Lomakina (eds.). *IV Firsovskaya conference. Language in Current Discourses*. Moscow : Peoples’ Friendship University, 2020. Moscow, 2020. P. 414 – 422.

Prashizky A., Remennick L. Ethnic awakening among Russian Israelis of 1.5 generation: Physical and symbolic dimensions of their belonging and protest. // L. Remennick, A. Prashizky (eds.). *Sociological papers: The Russian 1,5 Generation in Israel: Between Protest and Belonging*. *Sociological Institute for Community Studies, Bar-Ilan University, Israel*. 2016. P. 1 – 17. URL: https://sociology.biu.ac.il/sites/sociology/files/shared/sp_18_merged_file_with_pics_july_7.compressed.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Remennick L. Silent Mothers, Articulate Daughters: Two Generations of Russian Israeli Women Doing Jewishness and Gender // *Nashim: A Journal of Jewish Women’s Studies & Gender Issues*. 2018. №32. P. 58 – 76. doi.org/10.2979/nashim.32.1.06.

Sokol S., Staff T. Amended figures refute claim that 6 of 7 immigrants since 2012 aren't Jewish" // The Times of Israel. 2019. December 24. URL: <https://www.timesofisrael.com/amended-figures-refute-claim-that-6-of-7-immigrants-since-2012-arent-jewish/> (дата обращения: 20.03.2022).

Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. The emigration intentions of Russian Jews: the role of socio-demographic variables, social networks, and satisfaction with life // East European Jewish Affairs. 2017. Vol. 47, №2–3. P. 242–254. doi.org/10.1080/13501674.2017.1396175.

Tolchin Immergluck I. Russians are coming... to the polls. Israeli politicians are finally waking up // The Times of Israel. 2019. July 26. URL: <https://www.timesofisrael.com/russians-are-coming-to-the-polls-israeli-politicians-are-finally-waking-up/> (дата обращения: 20.03.2022).

Tolz M. Demography of the Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora // Z. Gitelman (ed.). The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany. New Brunswick, N J, 2016. P. 23–40.

Yelenevskaya M., Protassova E. Global Russian: between decline and revitalization" // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7, №2. P. 139–149. doi.org/10.1080/19409419.2015.1044599.

Yelenevskaya M. An immigrant language in a multilingual state: Status and group competition (Russian in Israel) // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7, №2. P. 193–207. doi.org/10.1080/19409419.2015.1044598.

Об авторе

Ирина Овчинникова, доктор филологических наук, профессор, агентство ManPower Language Solution, Израиль.

E-mail: ira.ovchi@gmail.com

Для цитирования:

Овчинникова И. Культурная дивергенция в русскоязычном сообществе Израйля // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 102–123. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-6.

УДК 821.111(73)-3.09

ТЕНДЕНЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЭЙВА ЭГГЕРСА «СФЕРА»)

Г. И. Лушникова¹, Т. Ю. Осадчая²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
298635, Россия, Ялта, ул. Севастопольская, 2а

² Севастопольский государственный университет
299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33

Поступила в редакцию 22.02.2022 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7

В настоящее время в литературном процессе наблюдается развитие такого нового направления, как пост-постмодернизм, в котором прослеживаются несколько течений. В статье предлагается обзор теоретических работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению данного направления, его ведущих черт, разработке терминологического аппарата. На материале романа американского писателя Дэйва Эггера «Сфера» (2013), еще не становившегося предметом изучения в отечественном литературоведении, представлены ведущие тенденции метамодернизма как одного из течений пост-постмодернизма. Методология, в рамках которой проводится исследование, базируется на принципах интерпретационного анализа и сравнительно-исторического наблюдения. Обзор ряда романов современной англоязычной литературы дает основание заключить, что пост-постмодернизм делает попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом сохраняя некоторые его установки. Детальное рассмотрение романа Д. Эггера показывает, что в нем прослеживаются как постмодернистские (сложное соединение жанровых форм), так и метамодернистские черты (отказ от постулата «смерть автора» и экспликация авторской позиции, постирония, неореализм, обращение к «новой искренности»). Некоторые результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейших научных изысканий в данной области, а также при формировании учебно-методического материала по филологическим дисциплинам в вузах.

Ключевые слова: культурная парадигма, пост-постмодернизм, Дэйв Эггерс, «Сфера», тенденции метамодернизма, интерпретационный анализ

1. Смена культурной парадигмы: определение термина для новой эпохи

Ни у кого не вызывает сомнения, что в настоящий момент эпоха постмодернизма продолжается. Однако анализ тенденций в современном литературном процессе позволяет утверждать, что новые идеи, ко-

которые все больше проникают в сознание писателей и читателей и являются ответом на вызовы общественной и культурной жизни, в конечном итоге могут привести к формированию новой культурной эпохи. Уже в конце 80-х годов XX века многие литературоведы вслед за Л. Хатчеон провозгласили «конец эры постмодернизма»: «...Постмодерн закончился, несмотря на то что его дискурсивные стратегии и критика различных идей продолжают оказывать заметное влияние» (здесь и далее перевод наш. — Г.Л., Т.О.) (Hutcheon, 2002, p. 181).

Изучение новых тенденций, зарождающихся в эпоху постмодернизма, но не следующих его основным принципам, становится предметом исследования как ведущих литературоведов — J.T. Nealon (Дж. Т. Нилона), J. Toth (Дж. Тота), M. K. Holland (М.К. Холланда), R.L. McLaughlin (Р.Л. Маклафлина), I. Huber (И. Хубера), I. Hassan (И. Хассана), W. Funk (В. Функа), A. Gibbons (Э. Гиббонс), A. Kelly (Э. Келли), R. Rebein (Р. Ребейна), R. Saldivar (Р. Салдивара), J. Bolaño-Quintero (Дж. Боланьо-Квинтеро), A.E. Dumitrescu (А.Э. Думитреску), N. Timmer (Н. Тиммера), так и писателей — Д.Ф. Уоллеса (в знаменитом эссе «E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction» автор говорит о пост-постмодернизме как новой тенденции в литературе (Wallace, 1993)), Д. Эггерса, Дж. Франзена и других.

Изучая новую пост-постмодернистскую литературу, исследователи находятся в поиске термина для ее обозначения. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать «поздний постмодернизм», «постпостмодернизм», «метамодернизм», «новая искренность» и другие. Приставка «пост» в «постмодернизме» означает и сохранение установок модернизма, и его критику. Пост-постмодернизм, в свою очередь, делает попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом также сохраняя многие его установки: «...Пост-постмодернизм расширяет и развивает установки постмодернизма (который, в свою очередь, расширял и развивал определенные тенденции модернизма)» (Nealon, 2012, p. ix).

Приставка «пост» в данных терминах кроме прочего подразумевает хронологию, то есть период, следующий за модернизмом или постмодернизмом. Однако тенденции новой культурной эпохи появляются в недрах предыдущей, поэтому, на наш взгляд, для обозначения литературы нового направления более точным является термин «метамодернизм» (приставка «мета», которая происходит от термина Платона *metaxis*, в переводе с греческого означает «среди», «между», «после»), поскольку, как следует из названия, его принципы одновременно находятся в дискуссии с постмодернизмом и следуют ряду его установок.

Среди работ, посвященных метамодернизму, особо следует выделить сборник эссе под редакцией Р. ван дер Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма» (Metamodernism, 2017). По замечанию А. В. Павлова, автора «Критического введения» к русскому переводу данной книги, «...метамодернизм не является исключительной альтернативой постмодернизму, но представляет собой один из множества вариантов амбициоз-

ных концепций актуальной нам культуры» (Павлов, 2020, с. 14). В другой работе, однако, исследователь отмечает, что термин «метамодернизм» может со временем стать названием новой эпохи: «...На сегодняшний день из всех упомянутых концепций метамодернизм является наиболее успешным “-модернизмом”, претендующим на то, чтобы заменить постмодернизм» (Павлов, 2018, с. 3). В нашем исследовании термином «метамодернизм» мы обозначаем одно из ключевых течений в рамках пост-постмодернистского направления в литературе.

Большой интерес исследователей к новым тенденциям в современном литературном процессе, с одной стороны, и необходимость осмысления и систематизации литературных фактов и явлений, их изучения на материале конкретных произведений — с другой, обуславливают актуальность настоящей работы.

Цель исследования — провести интерпретационный анализ романа Д. Эггерса «Сфера» с учетом контекста современного литературного процесса; выявить те аспекты течения метамодернизма, которые нашли отражение в данном романе.

2. Пост-постмодернистские тенденции в современной литературе: подходы к изучению и характерные черты

По мнению большинства зарубежных исследователей, смена парадигмы состоит не в разрыве с постмодернизмом или полном отрицании его принципов. Без таких черт постмодернизма, как ирония, метаповествование, деконструкция, проявляющихся на разных уровнях текста, невозможно представить практически ни одно современное произведение. Исследователи единодушны в том, что ключевой аспект новой эпохи — это движение за пределы постмодернизма, исследование новых возможностей, изменение эпистемологических конфигураций, соединение ироничного и серьезного, реального и ирреального, экспериментального и традиционного: «...Культурные сдвиги в эстетике и теории дискурса можно рассматривать как изменение “эпистемологических конфигураций”» (Toth, 2011, p. 5); «...Сейчас происходит не полная замена постмодернизма чем-то абсолютно новым, а скорее изменение конфигурации его ключевых эпистемологических категорий» (Krijnen, p. 151); «Метамодернизм предполагает возвращение к неоромантическому способу восприятия действительности, который позволяет восполнить пробелы восприятия, приведшие к кризису, в то же время не отрицая многих установок постмодернизма» (Bolaño-Quintero, 2021a, p. 2). Другими словами, можно утверждать, что «ключевым элементом нового направления авторы теории метамодернизма называют принцип осцилляции, то есть “колебания” между постмодернистским, модернистским и, возможно, романтическим типами восприятия» (Спиваковский, 2018, с. 196).

Главным мотивом постмодернизма, как известно, является деконструкция; постмодернизм ставит под сомнение способность нарративов

объективно изображать чтобы то ни было: реальность, историю, внутренний мир человека: «историю, внутренний мир человека, соотношение языковых знаков и внеязыковой действительности, соотношение текста с другими текстами» (Hutcheon, 1988, p. xxi). По словам исследователей, постмодернизм обесценивает и ниспровергает все базовые понятия: «он ставит под вопрос и ниспровергает такие понятия, как смысл, соотношение, знание, история, искусство, пол, идентичность, и предполагает, что все эти понятия не соотносятся с автономными (или трансцендентными) концепциями Абсолютной Истины или фактами объективного знания» (Krijnen, 2016, p. 149). Философы постмодернизма полагают, что перечисленные понятия, включая Истину, не более чем языковые конструкции, что язык не воспроизводит реальность, а конструирует ее, что реальность вообще невоспроизводима, а истина всегда условна и субъективна.

Одна из главных задач, стоящих перед авторами, которые следуют принципам эпохи пост-постмодернизма, по мнению большинства исследователей, – реконструкция базовых понятий и ценностей в противовес тотальной деконструкции постмодернизма. Пост-постмодернизм является попыткой вернуть веру в способность человека реконструировать базовые понятия и ценности в рамках принципов реализма, который нередко называют неореализмом: «Учитывая очевидный поворот к неореализму, можно утверждать, что неореализм предполагает определенный тип мимезиса, то есть возможность воссоздать в тексте то, что в рамках постмодернистского нарратива считалось невоспроизводимым: смысл, истину, правдивое изображение действительности» (Toth, 2011, p. 3–4). Речь, однако, идет о возвращении только к эстетике реализма.

Что касается постмодернистской позиции, заявляющей о невозможности сколько-нибудь правдиво передать действительность с помощью текста, то теперь она заменяется идеей о важности изображения внутреннего мира человека, всего, что объединяет разных людей, коммуникации автора с читателем для совместного конструирования образов реальности: «Текст, условно определяемый нами как метамодернистский, предлагает смоделированный субъектом (нарратором, актантом) единый мир, в котором реципиент может идентифицировать себя как “мы”» (Нечаева, 2021, с. 198). Именно такой подход, по мнению исследователей, характеризует творчество писателей, которые «выходят за пределы постмодернизма»: «То, что выделяет произведения молодых писателей нового поколения, – это особое внимание к изображению чувств, эмоций, межличностных связей, коммуникаций персонажей, а также воссоздание у читателя чувства “присутствия” и “узнаваемости” ситуации» (Timmer, 2010, p. 13). Таким образом, воспроизведение реальности в метамодернизме – «...это преодоление постмодернизма, как бы обогащенное постмодернистским опытом: знаки начинают работать / восприниматься как остенсивные... объектом репрезентации выступает точка зрения автора произведения на реальность, но не сама реальность (Нечаева, 2021, с. 198).

Интересно отметить, что современные писатели продолжают использовать постмодернистские приемы, которые, однако, позволяют им выйти за пределы постмодернизма, в частности выполняют функции создания «реалистической» картины мира: «Постмодернистские приемы продолжают использоваться в пост-постмодернистском романе новым поколением авторов, однако выполняют теперь другую функцию: воссоздания “реалистичной” картины мира» (Timmer, 2010, p. 360).

Среди основных признаков, характеризующих и отличающих новую парадигму, исследователи называют принципы реализма, искренности, достоверности: «Мнения по поводу того, что именно будет считаться ключевым фактором в изменении литературной парадигмы, которое наблюдается в настоящее время, значительно различаются. Тем не менее принципы реализма, искренности и достоверности упоминаются достаточно часто» (Huber, 2014, p. 6). С точки зрения большинства исследователей, воспроизведение реальности в тексте возможно в том числе через изображение эмоций и чувств персонажей: «...Для изображения действительности важно показывать искренность и доверие персонажей, их связь с окружающим миром и другими человеческими существами, таким образом вновь придавая особое значение социализации» (Bolaño-Quintero, 2021a, p. 3); «На смену отстраненности постмодернизма, его антиантропоформизму приходит реализм. Эмоции, чувства вновь играют центральную роль в художественной литературе: авторы настаивают на связи людей друг с другом в глобализирующемся мире (Красавченко, 2018, с. 213).

Таким образом, новые тенденции, возникающие в пост-постмодернистскую эпоху и характерные для течения метамодернизма, могут быть описаны следующим образом.

Во-первых, принимается постмодернистская установка на то, что не существует единой для всех истины в изображении действительности. Вместе с тем современные авторы делают попытку показать, что универсальные ценности, такие как истина, вера, мораль, солидарность, искренность и другие, возможно реконструировать через совместное с читателем творчество, коммуникацию с ним: «...Идентификация... читателя с героем — обязательный элемент метамодернистского текста» (Нечаева, 2021, с. 198).

Во-вторых, соглашаясь с постмодернистской идеей о том, что язык не воспроизводит реальность, а конструирует ее, авторы тем не менее утверждают, что литература в состоянии изобразить или по крайней мере попытаться изобразить действительность с помощью эстетики и приемов реализма.

В-третьих, делается попытка вернуться к доверию к метанарративам / великим нарративам (*grand narratives*), то есть к концептуальным моделям изображения истории, культурным и социальным кодам отдельных сообществ. Пост-постмодернистские писатели вновь изображают историю, не претендуя, однако, на объективность, а особо подчеркивая субъективность повествования.

В-четвертых, важной художественной доминантой новой эпохи провозглашаются эмпатия и искренность в противовес постмодернистской тотальной иронии. Художественный вымысел, творчество позволяют авторам «увидеть» и изобразить другого человека во всей его сложности и противоречивости, понять и исследовать его внутренний мир почти так же полно и точно, как свой собственный: «Мы» предполагает некую когнитивную эмпатию, вызванную таким типом письма, как «новая искренность», которая возвращает единый, общий, коллективно прозреваемый смысл. Такой тип письма должен преодолевать солипсизм, вытекающий из невозможности онтологии в постмодернизме (Нечаева, 2021, с. 198).

3. Тенденции метамодернизма в творчестве Д. Эггерса

Пост-постмодернистские черты появляются, в первую очередь, в произведениях американских авторов. Изменения в обществе и культурной жизни США нашли отражение как в философских, культурологических, литературоведческих работах, так и в самой литературе. Писатели, которые, начинали свою творческую деятельность, следуя всем установкам постмодернизма, понимали, что данное направление уже в полной мере не отражает изменившуюся социальную и культурную повестку дня современного мира. Альтернатива постмодернизму была сформулирована в самом общем виде следующим образом: «поиск истины или важность человеческих отношений» (Lipovetsky, 2005, p. 18).

Среди авторов, в творчестве которых прослеживаются описанные выше тенденции, можно называть таких американских писателей, как Д.Ф. Уоллес, М. Шейбон, Дж. С. Фоер, Н. Краусс, М. Данилевски, Дж. Франзен, Б. Лернер, З. Смит, Д. Эггерс и некоторых других.

Рассмотрим роман американского писателя Д. Эггерса «The Circle» / «Сфера», написанный в 2013 году, который может служить ярким примером реализации некоторых из описанных выше черт метамодернизма.

3.1. Темы, проблематика, жанровая характеристика романа «Сфера»

Роман посвящен описанию будущего общества, которое вошло в эпоху тотальной власти могущественной корпорации, основанной на использовании интернет-технологий, новейших достижений технической мысли, всевозможных средств коммуникации. Ведущая тема романа – роль технического прогресса в жизни общества. Главные вопросы, поднимаемые автором, – каково место человека в новом технологизированном мире, каковы взаимоотношения между людьми, где общение приобретает совсем другие формы, какова грань между преимуществами интернет-технологий и их негативными последствиями, что дает общение с необозримым количеством людей в сети, которое вытесняет личное общение в узком кругу друзей и близких? Эти и по-

добные им вопросы звучат и в других современных романах, посвященных влиянию крупных международных компаний, созданию машин с искусственным интеллектом, практически неограниченным воздействием интернета на жизни людей. В качестве примера можно привести произведения Д. Брауна «Цифровая крепость», И. Макьюена «Машины как я», К. Исигуро «Клара и солнце», Дж. Франзена «Безгрешность». Эти романы написаны в рамках постмодернистской традиции, тогда как Д. Эггерсу свойственны несколько иные творческие решения для реализации данной тематики.

Д. Эггерс в приложении к своему роману «A Heartbreaking Work of Staggering Genius» («Душераздирающее творение ошеломляющего гения»), которое называется «Mistakes We Knew We Were Making» («Ошибки, которые мы осознаем»), отказывается от постмодернизма, считая, что это направление себя исчерпало: «Имейте в виду, я живу не в постмодернистском мире. Я не жил в эпоху, когда что-то новое называлось модернистским; для меня не было ничего модернистского, поэтому не может быть и ничего постмодернистского. Для меня все есть Новое. Каждый день весь мир для меня – Новый» (Eggers, 2001, p. 34–35).

Его роман «Сфера» является художественным воплощением теоретических взглядов писателя, поскольку в нем просматриваются тенденции, демонстрирующие переход от постмодернизма к поиску новых художественных форм, характерных для такой ветви пост-постмодернизма, как метамодернизм. Но, естественно, этот отказ не категоричен, так как литература всегда развивается на основе предшествующих направлений, берет от них определенные черты. Так, в романе «Сфера» имеет место жанровое смешение, свойственное постмодернизму. По мнению некоторых исследователей (Maurer, Rostboll, 2020), этот роман относится к жанру антиутопии в русле традиции антиутопических романов Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «О дивный новый мир». Эти же исследователи считают, что роман содержит и черты утопии, по мере развертывания повествования в нем утопическая картина превращается в антиутопическую. Один из разделов их статьи так и назван *The Circle as dystopia and utopia / Роман «Сфера» как антиутопия и утопия*, в котором подчеркивается, что грань между утопией и антиутопией в романе очень зыбка: «...Роман показывает, что если определенные идеи воплощать в жизнь с излишним энтузиазмом, не учитывая нюансы, не понимая конечной цели, эти идеи могут превратиться в свою противоположность. Воодушевление людей, прозрачность их действий, голосование по разным вопросам полезны для демократии, но роман показывает, что они также могут быть для нее разрушительны. Грань между утопией и антиутопией очень тонка» (Maurer, Rostboll, 2020).

В отзывах на роман, фрагменты из которых помещены к его изданию 2014 года, наименования жанровой принадлежности еще более разнородны. Его определяют и как притчу, и как социальный роман, и как триллер, и как сатиру. При этом названия классических жанров снабжены разнообразными эпитетами и определениями-пояснениями,

что вполне объяснимо, так как роман не укладывается в обычные жанровые каноны, его называют «элегантной притчей», «клаустрофобским корпоративным триллером», «триллером в духе Дэна Брауна» и даже «антитехнологическим манифестом». Жанровая неоднородность, как следствие, рождает и неоднородные, часто прямо противоположные характеристики модальности романа. О нем говорят и как о страшном произведении, пугающем своими прогнозами, и как о книге, высмеивающей возможное будущее человечества, если оно попадет под еще большую власть интернет-зависимости (Эггерс, 2014).

Перейдем к рассмотрению других характеристик романа Эггерса, отличающих его от романов постмодернизма.

3.2. Возрождение роли автора, возвращение к гуманистическим ценностям

Постмодернизм, как известно, провозгласил отказ от автора, снижение его значимости, фактически ведущей к «смерти» автора. У некоторых представителей постмодернизма автор скрывается за персонажами, как будто поручает им вести повествование, высказывать свои суждения по поводу описываемых событий, поступков людей, политических и социальных проблем. Как следствие, во многих постмодернистских произведениях активно используется повествование от первого лица, так называемое перепорученное повествование, вводится «ненадежный» рассказчик, причем таким героем-рассказчиком может быть персонаж любого возраста (даже еще неродившийся ребенок в утробе матери в романе И. Макьюена «В скорлупе»), любого социального положения, статуса, включая изгоев общества и преступников (как, например, в романе К. Фуллер «Горький апельсин»), любого физического и морального здоровья, в том числе пациентов психлечебниц (что имеет место, например, в романах А. Михаэлидеса «Безмолвный пациент», Д. Киза «Цветы для Элджернона»). В некоторых романах повествование ведется от лица нескольких персонажей, включаются разные голоса, представляющие разные точки зрения и видения (яркими примерами могут служить романы Дж. Барнса «Как это было», К. Стокетт «Прислуга», В. Д. Вэнделин «Привет, Джули!» и другие).

Для творчества Д. Эггерса характерны другие доминанты. Прежде всего в его произведениях наблюдается возрождение роли автора, его «голос» явственно прочитывается: «...Предполагая, что читатели его книги поймут все, что он думает и чувствует, Эггерс возрождает фигуру автора с помощью такого повествования, в котором голос и мнение автора можно однозначно идентифицировать» (Boñaño-Quintero, 2021b, p. 116). Избегая декларативности, посредством описания событий и характеров героев автор призывает вернуться к гуманистическим ценностям — праву на частную жизнь, анонимности, свободе, эмпатии, личному общению людей, задуматься о возможных последствиях всепоглощающей власти крупных компаний, пользующихся таким мощным

и опасным оружием, как интернет. Тревога автора по поводу будущего, где будет безраздельно господствовать такая компания, усиливается благодаря показу трагических судеб двух героев романа – Мерсера, погибшего во время погони за ним приверженцев новой демократии и прозрачности, и Энни, пережившей тяжелый нервный срыв и впавшей в состояние комы по причине все той же идеи прозрачности.

3.3. «Новая искренность», эмпатия, постирония

Для изображения реальности Д. Эггерс пользуется такой тональностью, как «новая искренность», вызывая у читателя эмпатию и создавая возможность идентифицировать себя с персонажем: «Он пытается изобразить реальность с помощью искренности, основанной на абсолютной истине» (Bolaño-Quintero, 2021б, р. 119). При этом автор четко расставляет акценты, полагая, что читатель воспримет его взгляд на мир и вместе с автором воссоздаст образы изображаемой реальности: «Он полагает, что истина для него и для его читателя – одна. Читатель либо принимает ее, либо прерывает чтение. Если читатель принимает истину Эггерса как свою собственную, вместе они воссоздают образы реальности, в которую смогут поверить» (Bolaño-Quintero, 2021б, р. 118). В анализируемом романе повествование ведется от третьего лица, предполагающего «всеведущего» или «всезнающего» автора. Однако в большей степени взгляд автора проникает в психологию и мысли главной героини Мэй, чувства и эмоции которой показаны настолько достоверно и детально, что складывается впечатление, что будто сама Мэй разговаривает с читателем и делится своими мыслями и переживаниями. Достаточно привести несколько примеров для иллюстрации сказанного:

She felt a profound sense of accomplishment and possibly that was accompanied, in short order, by a near-complete sense of exhaustion (Eggers, 2014, p. 192); Mae's new feeling of competence and confidence carried her through the week (Eggers, 2014, p. 193); She was feeling very good, and needed (Eggers, 2014, p. 380).

Пронизывающая произведения постмодернизма ирония наличествует и в анализируемом романе, в частности такой ее тип, как драматическая ирония. Некоторые события в романе поданы в ироничном ключе, ироничен поворот судьбы главной героини романа. Горькая ирония звучит и в эпиграфе к роману, строки которого взяты из романа Дж. Стейнбека «К востоку от Эдема»:

There wasn't any limit, no boundary at all to the future. And it would be so a man wouldn't have room to store this happiness.

Однако у Д. Эггерса ирония не имеет тотального характера, он применяет ее в качестве приема для описания эпизодических ситуаций

и второстепенных персонажей. Легкая ирония в начале романа постепенно перерастает в нелюбезную критику тотальной власти крупных компаний, модель которых представлена в его произведении в остросатирическом ключе. Такой модус повествования именуют в настоящее время постиронией, которую характеризуют как переход к серьезности, к эксплицитной критике того или иного явления, описываемого в художественном произведении. На этом основании Д. Эггерса считают одним из постироничных писателей современной литературы.

3.4. Эстетика и приемы реализма

Следует заметить, что критика Д. Эггерса отличается от уничтожающей критики всего и вся, от кардинального деконструктивизма, которые свойственны постмодернизму. Рисуя картину антиутопического общества, Эггерс пользуется не только черными красками, напротив, созданная им картина этого общества в начале романа написана скорее в идиллических тонах. Главная героиня Мэй воспринимает свое новое место работы как рай на земле. Роман начинается именно с этого определения, которое мысленно произносит Мэй, впервые оказавшаяся в кампусе «Сферы»: *My God, Mae thought. It's heaven* (Eggers, 2014, p. 1). Внешний вид кампуса, где находится Сфера, и сама компания описываются при помощи слов и фраз с положительной коннотацией:

The campus was vast and rambling, wild with Pacific color, and yet the smallest detail had been carefully considered, shaped by the most eloquent hands (Eggers, 2014, p. 1); Though the company was less than six years old, its name and logo... were already among the best known in the world; It had been voted the world's most admired company four years running (Eggers, 2014, p. 1).

Цвета радуют глаз — синий, лазурный, зеленый, все блестит и сверкает, все сделано из стекла и стали. Вызывают восхищение комфортабельные помещения, современная дорогая мебель, новейшие модели компьютеров, оснащенные тренажерами спортивные площадки почти для всех существующих в мире видов спорта, уютные кафе, многочисленные места для отдыха и всевозможных увеселительных мероприятий, комфортные комнаты общежития. Люди, работающие в «Сфере», встречают Мэй доброжелательными улыбками, окружают вниманием, выражают готовность помочь.

Но на этом идиллическая картина «Сферы» заканчивается. Все ее «плюсы» оборачиваются другой, негативной стороной. Новейшая техника требует постоянного ее использования — необходимо мгновенно отвечать на запросы клиентов, реагировать на многочисленные сообщения, комментировать или хотя бы ставить лайки, оценивать рейтинг, повышать его при необходимости, быть активным участником чатов. Мэй получает в свое безраздельное пользование большое количество мониторов, сообщения с которых она едва успевает прочитывать

и отвечать на них. Посещения спортивных площадок и культурных мероприятий и вечеринок становится обязательным, их игнорирование осуждается. Доброжелательность обитателей «Сферы» на деле прикрывает строгую требовательность в соблюдении ее правил и законов.

И стекло, так ослепившее Мэй, стекло, из которого сделана мебель, лифты, стены в кампусе, далеко не такое безобидное. Во-первых, оно выполняет вполне конкретную функцию — создавать возможность всем наблюдать за всеми. Во-вторых, в романе оно становится символом основных постулатов системы — прозрачности и открытости, согласно которым каждый член системы должен быть на виду, его должно быть видно в офисах, кафетериях, лифте, спортзале:

On either side, the offices were fronted by floor-to-ceiling glass, the occupants visible within (Eggers, 2014, p. 7); They left the gallery and entered the second-floor cafeteria — “The Glass Eatery, I know, it’s such a terrible name”, Annie said — designed such that diners ate at nine different levels, all of the floors and walls glass (Eggers, 2014, p. 15).

Самое страшное заключается в том, что члены сообщества «Сферы», к числу которых относится Мэй, воспринимают открытость как благо, желают его. Совершенно искренне Мэй говорит, что ей нужно, чтобы ее видели, чтобы за ней наблюдали. Такая открытость сопоставима с «открытостью» некоторых тоталитарных режимов, в которых были заперены шторы на окнах в квартирах на том основании, что люди не должны ничего скрывать, что это поможет избежать преступлений, заговоров, бунтов. В романе Эггерса компания «Сфера» сопоставляется с такими тоталитарными государствами, ее система подвергается жесткой критике, автор называет мир «Сферы» *Зеркальем, перевернутым миром*, а на последних страницах романа выносит ей суровый приговор, используя для ее характеристики такие слова, как монополия, тоталитаризм, инфокоммунизм: *Knowledge is property and no one can own it. Infocommunism* (Eggers, 2014, p. 489). Этот тоталитарный кошмар (*We’re closing the circle around everyone — a totalitarian nightmare* (Eggers, 2014, p. 486)) рисуется с помощью развернутых метафор «акула» и «гильотина»:

The fucking shark that eats the world (Eggers, 2014, p. 486); I mean, it was like setting up a guillotine in the public square. You don’t expect a thousand people to line up to put their heads in it (Eggers, 2014, p. 487).

Тема тоталитарной власти интернета поднимается и в других современных романах, наиболее ярким из которых представляется роман Дж. Франзена «Безгрешность», в котором проводится сопоставление тоталитаризма социалистической Германии и тотальной власти интернета в современную эпоху. У Дж. Эггерса таких прямых сопоставлений нет, однако они однозначно угадываются.

Сочетание положительного и отрицательного прослеживается и в подаче автором характера отношений между людьми. Дружба Мэй и ее

подруги Энни может служить образцом настоящих дружеских связей — когда они были студентками, то делили трудности жизни в общежитии, помогали друг другу, вместе проводили свободное время. Энни самоотверженно ухаживала за Мэй во время ее болезни и, самое главное для Мэй, помогла ей устроиться в такую престижную компанию, как «Сфера», где Энни оказывала ей поддержку, помогала сориентироваться в новой для Мэй обстановке. Но тоталитарная система компании видоизменяет и в конце концов ломает их дружеские отношения, так как система требует полного подчинения, отказа от всего личного, от близких и друзей ради процветания ее, системы, принципов. Сидя у постели впавшей в кому Энни, Мэй не задумывается о причинах ее болезни, она скорбит не о состоянии подруги, а лишь о невозможности проникнуть в мысли Энни, узнать, о чем она думает, то есть переживает об отсутствии, по терминологии «Сферы», открытости, прозрачности. Роман заканчивается вопросами, которые мучают Мэй:

They needed to talk about Annie, the thoughts she was thinking. Why shouldn't they know them? The world deserved nothing less and would not wait (Eggers, 2014, p. 497).

Любовные, а затем дружеские отношения Мэй и молодого человека по имени Мерсер также разбиваются о гранит «Сферы». Мерсер не принимает безоглядной преданности Мэй идеологии «Сферы», не может докричаться до нее, убедить, что виртуальное сообщество не заменяет дружеской беседы, что услышать и понять реального человека гораздо важнее, чем прочитать сообщения в чатах, чем вступать в интернет-контакты с огромным количеством незнакомых людей. Крах их отношений, неприятие Мерсером стиля взаимоотношений, навязываемого Корпорацией, приводит к трагедии — фактическому убийству Мерсера, защищающего свою уединенность, людьми, преследующими его.

3.5. Возрождение метанарратива: противостояние тоталитаризму, возвращение ценности личности

Гибель Мерсера говорит о возможных пагубных последствиях стремительно развивающегося технического прогресса интернет-эпохи, одним из которых является вторжение в границы частной жизни с помощью постоянного наблюдения или даже надзора: «“Сфера” (2013) Дэйва Эггера показывает, что дисциплина граждан в современном обществе может быть достигнута только с помощью слежки, осуществляемой компанией, которая широко использует цифровые технологии и взаимодействие через социальные сети. <...> В определенном смысле люди становятся узниками собственной жизни из-за психологического давления, оказываемого на них постоянным наблюдением» (Isik, 2020, p. 161).

Это вторжение может привести, по мысли автора, к разрушению одного из главных принципов западного образа жизни, формирующей ментальность индивида, — принципа неприкосновенности частной жизни, на основании чего ведущим концептом западной культуры всегда считался концепт *privacy* (личная жизнь, частная жизнь, конфиденциальность). Такое разрушение является страшным для личности человека любой национальной общности, не только западной: «Роман Эггерса — это предостережение о возможном нарушении принципа неприкосновенности частной жизни в цифровую эпоху; исчезновение института частной жизни и чувства стыдливости, в конечном счете, означает разрушение личности» (Wasihun, 2018, p. 15).

Кроме того, речь в романе идет и об искажении самой сущности демократии, для обозначения новой формы которой используется авторский неологизм *detoxie*, в переводе романа на русский язык «демоксиа». Демократические тезисы о равенстве прав и возможностей, об открытости, свидетельствующей о чистоте помыслов, в ходе кажущихся логичных рассуждений превращаются в абсурдные лозунги, призывающие людей освещать в сети каждый свой шаг, выставлять свою жизнь напоказ и, по сути, отказаться от личной жизни. Эти лозунги поражают своей алогичностью: “*privacy is theft,*” “*secrets are lies,*” and “*sharing is caring.*” Последний звучит вполне гуманно, но в контексте идеологии «Сферы» его первоначальный смысл утрачен, потому что он подразумевает призыв делиться каждой минутой своей жизни — “*ALL THAT HAPPENS MUST BE KNOWN*” / «*ВСЕ СОБЫТИЯ НУЖНО ЗНАТЬ*» (Eggers, 2014, p. 68).

В отличие от мрачных пессимистических картин произведений постмодернизма роман Эггерса не лишен оптимизма, чему способствуют созданные им образы героев. Главная героиня и некоторые другие персонажи вызывают скорее сочувствие, нежели критику, так как их мозги заражены, отравлены идеями такой могущественной империи, как «Сфера». Есть в романе и положительные персонажи, которые не принимают сложившегося положения вещей, это Мерсер, искренне убежденный в пагубности идей «Сферы», преданные друг другу родители Мэй, один из руководителей «Сферы» Тау, который прозревает и осознает все страшные последствия, к которым привело созданное им детище, и страстно желает изменить сложившуюся ситуацию.

3.6. Следование принципам субъективности и аутентичности в создании образов персонажей

В романе Эггерса прослеживается еще одна черта метамодернизма — следование принципам субъективности и аутентичности в создании образов персонажей, что проявляется в скрупулезном исследовании психологии человека, его индивидуальных особенностей. Автор психологически точно показывает развитие характера центрального персонажа Мэй, ее превращение из девушки, наивно восхищающейся блестящей стороной влиятельной корпорации, в последовательного и фа-

натичного ее идеолога. Психологические портреты других персонажей романа, в том числе второстепенных и эпизодических, нарисованы детально и убедительно.

Образы каждого из сослуживцев Мэй отличаются своей индивидуальностью, хотя всех их объединяет безраздельная преданность «Сфере». Ярко очерчены образы лидеров «Сферы», напоминающих партийных и государственных лидеров тоталитарных государств, однако более изощренные, привлекающие своей успешностью, изысканностью манер, образованностью. Запоминающимися также являются эпизодические персонажи, например, супружеская пара, проживающая в полной изоляции от мира в жилище на барже, прикрепленной к ветхой рыбацкой лодке. Выбранный ими образ жизни в изоляции показывает единственный, по мнению автора, путь избежать всеобщего одурманивания — не участвовать в происходящем, закрыться от него, спрятаться в своем собственном мире. Эпизод, описывающий эту пару, заставляет глубоко задуматься, насколько приемлем такой путь, насколько возможен и благополучен такой выход.

4. Заключение

Таким образом, метамодернизм предполагает иной по сравнению с постмодернизмом способ изображения реальности: субъект (нарратор) моделирует некий мир, делая реципиента причастным к нему. Другими словами, человек может сделать попытку познать мир через познание опыта другого человека, даже если этот опыт не воспринимается как объективный. Метамодернизм можно описать как культурную парадигму, в которой на первый план выходит этическая доминанта.

Авторы в своих произведениях отражают повестку дня современной эпохи: поиска баланса между возвращением к традиционным ценностям и правилам и попытками человека «вписаться» в мир технологий. В целом метамодернизм можно описать как «выход за пределы» предыдущих эпох, синтез и интеграцию различных, нередко противоположных модусов.

Анализ романа Д. Эггерса «Сфера» позволяет сделать следующие выводы. Роман представляет собой сложное соединение жанровых форм — утопии и антиутопии одновременно, притчи, социального романа, триллера и сатиры. Основная проблематика произведения — судьба общества в целом и каждого человека в отдельности в эпоху безраздельного господства крупных интернет корпораций — раскрывается в рамках нового литературного направления пост-постмодернизма, в частности такого его течения, как метамодернизм. Основные тенденции метамодернизма, прослеживающиеся в исследуемом романе, заключаются в утверждении роли автора, в высветивании авторской позиции, в том числе вызывая у читателя эмпатию по отношению к протагонисту, в специфической реализации приема иронии, принимающей форму постиронии, в сочетании острой критики и утверждающего положительного начала, в пристальном изучении психологии лич-

ности и использовании принципов субъективности и аутентичности восприятия мира в изображении персонажей, в обращении к «новой искренности».

Список литературы

Красавченко Т. Н. Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2018. №3. С. 207–216.

Нечаева Е. А. Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 191–202.

Павлов А. В. Метамодернизм: Критическое введение // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермюлена М., 2020. С. 7–27.

Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. №6 (127). Т. 28. С. 1–19.

Сливаковский П. Е. Метамодернизм: контуры глубины // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. №4. С. 196–211.

Эггерс Д. Душераздирающее творение ошеломляющего гения. М., 2007.

Эггерс Д. Сфера. М., 2014.

Bolaño-Quintero J. Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium: The Transcendentalist Alternative // Academia Letters. 2021a. Article 180. P. 1–4.

Bolaño-Quintero J. Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative: Dave Eggers' A Heartbreaking Work of Staggering Genius // Complutense Journal of English Studies. 2021b. №29. P. 115–126.

Eggers D. Mistakes We Knew We Were Making // Eggers D. A Heartbreaking Work of Staggering Genius. N. Y., 2001. P. 1–48.

Eggers D. The Circle. N. Y., 2014.

Huber I. Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies. L., 2014.

Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. L. ; N. Y., 1988.

Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. L. ; N. Y., 2002.

Isik D. A Foucauldian Reading of Dave Eggers' The Circle // Journal of Modernism and Postmodernism Studies. 2020. №1 (2). P. 154–162.

Krijnen J. Cultivating the Desert: Pragmatist Configurations of Postmodernism // Holocaust Impiety in Jewish American Literature: Memory, Identity, (Post-)Postmodernism. Leiden, 2016. P. 147–180.

Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge, 2005.

Maurer K., Rostboll Ch. F. Demoxie: Reflections on Digital Democracy in Dave Eggers' Novel The Circle // First Monday. 2020. №25 (5). URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10650> (дата обращения: 19.02.2022).

Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies). L., 2017.

Nealon J. T. Post-postmodernism or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Redwood City, 2012.

Timmer N. Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. Amsterdam ; N. Y., 2010.

Toth J. The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary. Albany, 2011.

Wallace D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // Review of Contemporary Fiction. 1993. №13 (2). P. 151–194.

Wasihun B. Surveillance and Shame in Dave Eggers' The Circle // On_Culture: The Open Journal for the Study of Culture Issue. 2018. №6. P. 1–21.

Об авторах

Галина Игоревна Лушникова, доктор филологических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Россия.

E-mail: lushgal@mail.ru

Татьяна Юрьевна Осадчая, кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, Россия.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

Для цитирования:

Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггера «Сфера») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 124 – 141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

METAMODERNISM IN CONTEMPORARY LITERATURE (ON DAVE EGGERS' NOVEL "THE CIRCLE")

G. I. Lushnikova¹, T. Yu. Osadchaya²

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University

2 Sevastopolskaya St., Yalta, 298635, Russia

² Sevastopol State University

33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia

Submitted on February 22, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7

Currently, the literary process is witnessing the emergence of a new trend – post-postmodernism, developing along several lines. The article offers a review of theoretical works of Russian and foreign authors, devoted to the study of post-postmodernism, its main characteristics, and terminology. On the basis of the novel "The Circle" (2013), written by the American writer Dave Eggers, which has not yet become the subject of study in Russian literary criticism, the authors explore the main features of metamodernism as one of the directions of post-postmodernism. The methodology of the study is based on the principles of interpretive analysis and comparative historical observation. The analysis of several contemporary English-language novels suggests that post-postmodernism attempts to reconstruct what has been deconstructed in postmodernism while retaining some of its attitudes. A detailed examination of Eggers' novel shows that it exhibits both postmodernist (a complex combination of genre forms) and metamodernist characteristics. A closer look at Eggers' text shows that it exhibits both postmodernist (a complex combination of genre forms) and metamodernist features (rejection of the postulate of 'the death of the author' and explication of the authorial position, post irony, neorealism, an appeal to 'new sincerity'). The results of this study may be used in further research in this field, as well as in the development of teaching material for philological disciplines at universities.

Keywords: cultural paradigm, post-postmodernism, Dave Eggers, "The Circle", metamodernism trends, interpretive analysis

References

- Bolaño-Quintero, J., 2021a. Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium: The Transcendentalist Alternative. *Academia Letters*: 180, pp. 1–4.
- Bolaño-Quintero, J., 2021b. Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative: Dave Eggers' A Heartbreaking Work of Staggering Genius. *Complutense Journal of English Studies*, 29, pp. 115–126.
- Eggers, D., 2001. Mistakes We Knew We Were Making. In: D. Eggers, ed. *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. New York, pp. 1–48.
- Eggers, D., 2014. *Sfera* [The Circle]. Moscow (in Russ).
- Eggers, D., 2014. *The Circle*. New York.
- Huber, I., 2014. *Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies*. London.
- Hutcheon, L., 1988. *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. London; New York.
- Hutcheon, L., 2002. *The Politics of Postmodernism*. London; New York.
- Isik, D., 2020. A Foucauldian Reading of Dave Eggers' the Circle. *Journal of Modernism and Postmodernism Studies*, 1(2), pp. 154–162.
- Krasavchenko, T.N., 2018. Is Postmodernism Dead? Discussions in English language critical works (review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 7: Literary studies], 3, pp. 207–216 (in Russ.).
- Krijnen, J., 2016. Cultivating the Desert: Pragmatist Configurations of Postmodernism. In: J. Krijnen, ed. *Holocaust Impiety in Jewish American Literature: Memory, Identity, (Post-)Postmodernism*. Leiden, pp. 147–180.
- Lipovetsky, G., 2005. *Hypermodern Times*. Cambridge.
- Maurer, K. and Rostboll, Ch.F., 2020. Demoxie: Reflections on Digital Democracy in Dave Eggers' Novel The Circle. *First Monday*. 25(5). Available at: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10650> [Accessed 19 February 2022].
- Nealon, J.T., 2012. *Post-postmodernism or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Redwood City.
- Nechaeva, E.A., 2021. Metamodernism as a discourse of a New Anthropological Myth. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistikii* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1, pp. 191–202 (in Russ.).
- Pavlov, A.V., 2018. Images of Modernity in the Twenty-First Century: Metamodernism. *Logos*, 28 (6), pp. 1–19 (in Russ.).
- Pavlov, A.V., 2020. Metamodernism: Critical Introduction. In: R. van den Akker, T. Vermeulen and A. Gibbons, eds. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)]. Moscow, pp. 7–27 (in Russ.).
- Spivakovsky, P.E., 2018. Metamodernism: Outlining the Contours. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 4, pp. 196–211 (in Russ.).
- Timmer, N., 2010. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Amsterdam; New York.
- Toth, J., 2011. *The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany.
- Van den Akker, R., Gibson, A. and Vermeulen, T., eds., 2017. *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)*. London.
- Wallace, D.F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. *Review of Contemporary Fiction*, 13 (2), pp. 151–194.
- Wasihun, B., 2018. Surveillance and Shame in Dave Eggers' The Circle. *On_Culture: The Open Journal for the Study of Culture Issue*, 6, pp. 1–21.

The authors

Dr Galina I. Lushnikova, Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

E-mail: lushgal@mail.ru

Dr Tatiana Yu. Osadchaia, Associate Professor, Sevastopol State University, Russia.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

To cite this article:

Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. 2022, Metamodernism in contemporary literature (on Dave Eggers' novel "The Circle"), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3. p. 124 – 141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. *Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy*. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2022

Том 13
Vol. 13
№ 3

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *E. Ivanova, E. Alekseeva*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 28.07.2022 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,0
Тираж 300 экз. (1-й завод — 50 экз.). Заказ 78
Свободная цена

Signed 28.07.2022
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 13,0
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 78
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia